

ОЛЕТ СОБИРАЮТ

ОСКОЛКИ

Ошибка 404

18+

Олег Сабанов

Осколки: Ошибка 404

«Автор»

2026

Сабанов О. А.

Осколки: Ошибка 404 / О. А. Сабанов — «Автор», 2026

«Осколки: Ошибка 404» — монументальный роман-лабиринт, выстроенный по принципу «текст в тексте». Безымянный писатель перебивается случайными заработками и живет с пугающей уверенностью: окружающий мир давно потерял плотность, превратившись в картонную симуляцию. Единственный способ удержать реальность от распада и не исчезнуть самому — прибивать ее гвоздями к бумаге, создавая сюжеты. Он пишет 20 готовых, не связанных между собой рассказов: от приземленного реализма 90-х и ностальгии по советскому детству до мистических хроник и параноидальной фантастики. Но механика «жесткого закрепления» дает сбой. После каждой главы границы вымысла стираются: травмы героев отражаются на теле автора, вещи из текстов материализуются в комнате, а персонажи начинают требовать мести... Кто он? Демиург, безумец или пленник чужого трипа? Писателю — а вместе с ним и Читателю — придется обернуться к экрану и узнать, кто на самом деле держит пульт от этого кошмара.

© Сабанов О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: «Теория жесткого закрепления»	5
ГЛАВА 1	6
Интерлюдия 1: «Вкус ржавчины и медно-золотые глаза»	26
ГЛАВА 2	27
Интерлюдия 2: «Почтовые штемпели на белой коже»	42
ГЛАВА 3	43
Интерлюдия 3: «Веревка поперек дороги»	51
ГЛАВА 4	52
Интерлюдия 4: «Запах гари в пустой комнате»	65
ГЛАВА 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Олег Сабанов

Осколки: Ошибка 404

ПРОЛОГ: «Теория жесткого закрепления»

Комната пахнет дешевым стиральным порошком и остывшим мисо-супом быстрого приготовления — три дня назад ему заплатили за перевод инструкции к китайскому тостеру, и он смог нормализовать питание. На подоконнике лежит стопка рекламных листовок, которые он должен был раздать у метро, но вместо этого принес домой. На обороте каждой листовки мелким, убористым почерком записаны чужие диалоги.

Ему то ли тридцать восемь, то ли сорок два — границы тридцати и сорока давно стерлись, превратившись в сплошной серый ноябрь. У него нет постоянной работы, нет аккаунтов в соцсетях под собственным именем, а в паспорте — фотография человека, с которым он сам едва знаком. Он перебивается случайными заработками, выискивая крохи чужого бытия на пыльных улицах.

Он смотрит на свои руки. Они кажутся ему блеклыми, будто нарисованными расплывчатой водянистой акварелью. Стоит отвести взгляд — и пальцы начинают растворяться. Окружающий мир — улица за окном, гул автострады, женщина, кричащая на ребенка в гастрономе — обладает плотностью тумана. Всё это сделано из дешевого пластика и чужих воспоминаний. Мир не существует, пока он не назван.

Единственный способ не исчезнуть самому и не дать этому картонному городу схлопнуться в черную дыру — прибавать реальность гвоздями к бумаге. Создавать сюжеты. Если на листе появится персонаж, который чувствует боль, значит, боль существует. Если персонаж пьет горький кофе, значит, кофе реален. Среди его историй будет и жесткий реализм, и фантазмагория, ведь паранойя требует разнообразия.

Он садится на скрипучий стул. Перед ним старый ноутбук с трещиной через весь экран.

«Глава первая», — печатает он. Буквы проступают на мониторе, как капли крови на бинте. Мир вокруг замирает, подчиняясь его воле. Он вытаскивает из памяти первый лабиринт — алкогольный.

ГЛАВА 1

Поистине счастливы те, кто принимает жизнь в разных ее проявлениях, находя удовольствие в повседневных мелочах, из которых она по большей части состоит. С годами я сам неуклонно становлюсь одним из таких счастливицев, чему главным образом способствует весь мой предшествующий горький опыт бесконечных попыток разукрасить в своем восприятии серую обыденность сочными красками с помощью горячительного, что в итоге неминуемо приводило к плачевному результату, а иногда даже оборачивалось трагедией. Одна из самых мрачных историй, в которую я угодил из-за своего пагубного пристрастия, случилась лет десять тому назад хмурой осенней порой. У меня выдалось несколько свободных дней, что само по себе являлось тогда достаточным поводом для очередного возлияния. Как водится, после первых же выпитых рюмок возникло жгучее желание общения, причем не важно с кем и по какому поводу, вследствие чего я принялся с неустойчивой настойчивостью названивать своим знакомым. Однако у каждого из них были какие-то неотложные дела, или они попросту не желали трепаться с человеком, приподнятый голос которого уже выдавал начальную фазу его опьянения, поэтому вскоре мне пришлось оставить в покое собственный телефон и отправиться на прогулку по окрестным улицам в надежде встретить хоть какого-нибудь собеседника. Выйдя из дома, я увидел на лавочке возле подъезда трех мужичков примерно одного со мной возраста с банками пива в руках, среди которых узнал своего соседа по этажу Валеру — добродушного полного человека с вечной улыбкой на круглом лице.

— Распиваем, значит, в общественном месте! — вырвалось у меня шутливое восклицание на радостях от сразу же подвернувшегося случая оказаться в компании себе подобных.

Исполнив традиционный в такой ситуации ритуал вялых рукопожатий, я собирался сам присесть на краешек лавочки, но замер на месте из-за неожиданного вопроса Валеры:

— Слушай, ты сейчас трезвый, или уже успел накатить?

Не понимая, к чему он клонит, я с выразительной жестикуляцией актера пантомимы отреагировал каким-то дурацким каламбуром про допрос у следователя, вследствие чего сидящим напротив меня нетрудно было сделать вывод о моей весьма условной адекватности.

— Все с тобой ясно, — вздохнул сосед, хлебнул из яркой банки и как мог прояснил возникший по вине собственного любопытства туман: — Понимаешь, зависали у меня, думали до завтра по-любому проспимся, а тут вдруг жена с детьми внезапно вернулась от тещи. Естественно, погнала нас. Ленька вон к себе зовет, но тачку свою здесь оставлять не хочет. Уперся, как баран.

Переваривая услышанное, я обратил внимание на припаркованный напротив подъезда белый автомобиль, ранее ни разу не замеченный в нашем дворе. Когда же мне стало окончательно ясно что к чему, я не нашел ничего лучшего, как посоветовать изгнанным из тепла квартиры в осеннюю непогоду собутельникам воспользоваться еще диковинными на то время услугами трезвого водителя, однако мой совершенно искренний посыл был встречен скептическими усмешками и последующим угрюмым молчанием.

— Да не кобенься ты! Довези, а там все вместе посидим в моей берлоге! Если бы Валерка с Валентином умели водить, разве я стал бы тебя просить? — вдруг панибратски обратился ко мне, по-видимому, тот самый Ленька, выглядевший наиболее пьяным из троих приятелей из-за своей тщедушности.

В ответ на нелепое предложение я машинально закачал головой в знаке отрицания, но пробудившийся после опрокинутых рюмок алкогольный демон стал убеждать меня, что глупо упускать шанс погудеть в тесной компании, а гаишники вряд ли остановят, если ехать с соблюдением правил дорожного движения. Про безопасность нас самих я даже не подумал, как не возникла идея пригласить мужиков подняться к себе раз такое дело. В тот момент мне было

море по колено и к тому же подспудно хотелось попасть в водоворот приключений благодаря эйфории первоначального опьянения, которая является своего рода наживкой, этакой заманухой для будущих жертв зеленого змия. «Я классный водитель и вообще парень хоть куда — остроумный, видный, фартовый. Могу уgomонить пузырь, с виду оставаясь трезвым. Так стоит ли мне этим вечером торчать в четырех стенах из-за мнимых опасностей?» — подумал я, а вслух произнес:

— Хорошо, погнали! Права у меня при себе, но, надеюсь, их предъявлять не придется.

Леня с поразительной для нетрезвого типа точностью демонстративно швырнул недопитую банку пива прямо в урну, медленно поднялся с лавочки на нетвердые ноги и, вынув руку из кармана куртки, протянул мне автомобильные ключи со словами:

— Сразу видно, наш человек!

Сосед и другой его приятель Валентин — невзрачный очкарик в кожаной кепке под которой угадывалась лысина, встали следом за ним, и пока мы шли к машине ни разу не выказали своего недовольства, хотя прекрасно понимали, что мне нельзя за руль.

Как выяснилось, Леня жил в соседнем микрорайоне, до которого на автомобиле можно было добраться минут за двадцать. Осторожно выехав со двора, я пару километров двигался с черепашьей скоростью, стараясь прочувствовать незнакомую мне машину, а когда наконец разогнался, автомобиль стало сильно вести влево, к тому же двигатель безбожно троил. Расслабиться за рулем и получать удовольствие от вождения никак не выходило, да и собственная реакция оставляла желать лучшего, вследствие чего на одном из перекрестков я чуть не задел двигавшейся по соседней полосе пикап.

— Ты мне так машину угробишь! — заорал сидевший справа Леня, мгновенно сменив пьяное дружелюбие ко мне на такого же сорта гнев. — Сказал бы сразу, что водить не умеешь, а права купил!

Я в свою очередь попытался ему растолковать, насколько трудно управлять неисправным автомобилем, отчего его хозяин еще пуще распалялся, доказывая всем находящимся в салоне мою полную непригодность к нехитрому шоферскому ремеслу, брызжа при этом табачной слюной. В конце концов я, не выдержав его возмущенных воплей, резко затормозил на первой попавшейся по ходу движения остановке общественного транспорта и выбрался из машины со словами:

— Ну давай, давай Шумахер, покажи нам класс!

Он был на взводе, как, впрочем, и я, поэтому мы под робкие возражения со стороны сидящих сзади моментально поменялись местами, совсем не думая о последствиях такой рокировки. Высотки микрорайона уже виднелись за приземистыми домами частного сектора, отчего в салоне машины витало жадное предвкушение хмельного застолья, заставляющее игнорировать возникающие опасения.

Желая произвести на всех нас впечатление, Леня сразу дал по газам и поначалу довольно неплохо вел автомобиль, то и дело приговаривая:

— Тише едешь, хрен приедешь, а тише пукнешь — дольше воняет.

Последний перед микрорайоном отрезок дороги пролегал между одно и двухэтажными домиками старого поселка, давно ставшего частью быстрорастущего города. На узеньких тротуарах вдоль проезжей части не было ни души, и создавалось впечатление, будто люди покинули здешние места. Видимо, по этой причине наш водитель не стал снижать скорость перед пешеходным переходом, на который вдруг откуда ни возьмись выскочила невысокая девчушка.

— Тормози! — вырвалось у меня, хотя остановить несущийся к зебре автомобиль уже могла разве только бетонная стена.

В последний момент невесть откуда взявшийся пешеход все же успел отскочить обратно к тротуару, тут же машина слегка качнулась, словно наехала на кочку, и только затем онемевший от испуга Леонид начал торможение.

— По ноге, что ли, проехал? — сумел через силу вымолвить он, когда в метрах двадцати от перехода автомобиль остановился.

Мы все тут же выскочили из него и поспешили к зебре, где ближе к обочине увидели неподвижно стоящую девочку лет тринадцати, держащую на руках, словно младенца, черепахового окраса кошку. Длинный хвост животного и запрокинутая голова безвольно свисали вниз, а из миниатюрной пасти на асфальт падали мутно-розовые капли. Мне сразу стало ясно, что ребенка наша машина не задела. Зато она стала причиной гибели другого ни в чем не повинного живого существа, перебежавшего дорогу вместе с девочкой по специально отведенному для пешеходов участку дорожного полотна. Я выдохнул с облегчением, ведь самого ужасного, по счастью, все же не случилось. Однако от вида застывшей каменным изваянием девочки с обезображенным трупом животного в руках мне стало не по себе. Наиболее раздраженные водители, вынужденные огибать наше скопление на пешеходном переходе, подавали пронзительные сигналы своими клаксонами, однако на смуглом лице ребенка не дрогнул ни один мускул, а остановившийся взгляд черных глаз смотрел сквозь нас куда-то вдаль. Распущенные волосы девчушки нещадно трепал порывистый ветер, отчего ее черты естественной чадрой то и дело скрывали длинные смоляные пряди, касаясь своими кончиками шерсти мертвого животного из причудливого сочетания рыжего, черного и кремового цветов. Не зная, как помочь находящемуся в состоянии шока человеку, мы тоже с минуту стояли молча.

— Давай уйдем с дороги, — наконец обратился мой сосед по этажу к девочке, легонько подтолкнув ее рукой в сторону тротуара.

В ответ на прикосновение Валеры она нервно дернула плечом, после чего беззвучно заплакала, сотрясаясь телом и роняя алмазные слезинки.

— Айша! Айша! — вдруг стала причитать девчушка над пушистым трупиком, повторяя одно только незнакомое нам слово.

Скорее всего, это была кличка кошки, поэтому заметно растроганный Леня из самых лучших побуждений пьяно выпалил:

— Успокойся! Подарим мы тебе новую Айшу, еще красивше этой!

После этих слов девочка тут же прекратила плакать, обвела всех нас немигающим жутким взглядом, от которого у меня по спине пробежали колючие мурашки, а затем с нескрываемой злостью в голосе произнесла длинную фразу на неизвестном языке. Некоторое время мы стояли как вкопанные, будто мучительно силились понять сокровенный смысл сказанного, пока другой приятель моего соседа Валентин не вывел нас из состояния оцепенения, процедив сквозь зубы:

— Ладно, поехали. Ничего с этой нерусью страшного не произошло. Поплачет и перестанет...

Констатация того факта, что физически ребенок цел и невредим устроила всех нас, поэтому мы как по команде поплелись к стоящей с распахнутыми дверьми машине, но едва успели сделать несколько шагов, как услышали громкий возглас девочки на чистом русском языке без малейшего акцента:

— Вы все скоро сдохнете! Все до единого!

Казалось, будто брошенное вдогонку зловещее предупреждение камнем ударило мне в спину, но я даже не обернулся и вместе с остальными продолжил идти молча прочь от пешеходного перехода.

За руль Леонид больше не рвался, поэтому оставшуюся часть пути вести автомобиль снова пришлось мне. Купив по дороге выпивку с закуской, мы вскоре оказались в холостяцком бардаке убогой однушки, словно изначально спроектированной в качестве рюмочной для типов вроде нас. Во время пьяного застолья я с удивлением узнал, что всем троим моим собутыльникам к восьми часам следующего утра следует быть на вагоноремонтном заводе, где они работали в одной бригаде. За незанавешенным окном уже вспыхнули во тьме гирлянды

огней на соседних домах, а Валера, Валентин и хозяин квартиры продолжали рьяно налегать на спиртное, кряхтели и морщились после каждой выпитой рюмки, сокращая интервалы между ними до минимума и частенько забывая о нехитрой закуске. Первым начал клевать носом Леонид, еще на лавочке выглядевший из них самым поддатым, в связи с чем пришлось общими усилиями уложить хозяина на придвинутую к обшарпанной стене тахту.

— Ему сейчас так тяжело, так плохо, — бормотал мне позже сосед Валера на ухо, безуспешно борясь с икотой задержкой воздуха в легких. — Представляешь, сошелся с одной стервой, взял по ее просьбе в долг приличную сумму якобы для срочной операции, хотя у самого два непогашенных кредита. Она же их быстренько растранижила и вернулась к своему бывшему хахалю. Если, конечно, вообще от него уходила.

Я понимающе кивал, хотя откровение собутыльника мне было по барабану, поскольку уже успел наклюкаться до состояния, в котором если и могло проснуться сострадание, то исключительно в виде жгучей жалости к себе любимому.

— Не сгущай, решит Леня свои проблемы! — встревал сверкающий линзами очков и круглой плешью Валентин, уловив, о чем мне толкует сосед. — Вот если бы он сегодня вместо кошки ту чучмечку переехал, тогда бы действительно хана! Причем всем нам. Все-таки ребенок, да еще на пешеходном переходе, а он вмазанный за рулем...

Мне оставалось только согласиться с его вполне справедливым замечанием и мысленно благодарить Судьбу за то, что в очередной раз беда прошла мимо. С определенного момента наша пьяная болтовня стала проходить под аккомпанемент прерывистого храпа уснувшего хозяина, отчего с каждой новой рюмкой я обнаруживал все меньше смысла в приглушенном бормотании Валеры, лишь реплики изредка встречающего Валентина помогали понять, о чем толкует сосед. Подобное общение вызывало у меня только зевоту, а когда стало совсем в тягость, я сослался на боль в спине и со сбивчивыми извинениями перебрался в единственное кресло напротив телевизора, где вскоре благополучно уснул мертвецким сном. Через какое-то время в темную яму забытья стал просачиваться сигнал от переполненного мочевого пузыря с требованием немедленно опорожнить собственный орган. Параллельно с этим мне снился жуткий сон, где мы с приятелями мчимся в машине навстречу высоченной стене, на которой в виде граффити изображена огромная кошка черепахового окраса. По причудливым законам сновидения каждый из нас мог управлять автомобилем, вот только тормозная система вместе с рулевым управлением отказывались подчиняться водителям, отчего с каждой долей секунды нарастал всепоглощающий ужас.

Проснулся я от яркого света потолочной люстры и возбужденного гомона, доносящегося откуда-то с кухни или прихожей. Комната была пуста, однако мгновение спустя в нее влетел взъерошенный Валера и ринулся ко мне.

— Вставай, вставай, — стал трясти он меня за плечи.

— Пожар, что ли? Где все? — сонно пробурчал я, протирая глаза.

Меня уже мучило, в животе росла смутная тревога, жутко хотелось пить, во рту будто нагадили кошки, а от одного вида недопитой бутылки водки на столе возникал рвотный рефлекс. Однако по своему многолетнему опыту романа с алкоголем я знал, что именно в этом прозрачном сосуде сейчас хранится мое избавление от до боли знакомых симптомов начинающего похмелья.

— Вставай, вставай скорее, — суетливо повторял Валера, и вдруг сказал то, отчего мне пришлось словно ошпаренному моментально вскочить с кресла: — Леня повесился. Встал посреди ночи, пока мы дремали, пошел в ванную... Обнаружили только сейчас.

— Как он!? — задал я глупейший вопрос по причине своего шокового состояния.

— Срезали уже холодного. Сейчас надо в скорую и ментовку звонить, хотя медики сами ментам сообщат. А ты давай — ноги в руки и дуй домой. Не то потом показания ментам заму-чаешься давать. Оно тебе нужно?

— А вы с Валентином как же? — вырвалось у меня.

— Мы его друзья. Знаем, что сказать, — неопределенно ответил сосед по этажу, подталкивая меня в сторону прихожей.

Выйдя из комнаты, я увидел лежащего на пороге ванной Леонида с устремленным в потолок застывшим взглядом на абсолютно бескровном лице. Брови его были страдальчески сложены домиком, синюшные губы приоткрыты, меж зубов торчал кончик языка. Короткую шею ближе к нижней челюсти окаймляла двойная бурая полоса, рядом с телом валялась бельевая веревка, ощущалось зловоние испражнений. Стоявший ближе к кухне Валентин безостановочно стучал по кнопкам своего древнего телефона, совершенно не обращая внимания на мое появление. Подгоняемый соседом, я наспех обулся, набросил куртку, и вскоре вышел из подъезда в холод ночной улицы.

Прежде чем сориентироваться в незнакомом месте, мне необходимо было справить малую нужду, для чего сгодился неосвещенный участок за домиком трансформаторной подстанции. Испытав минутное облегчение, я вернулся под тусклые фонари и поковылял вдоль длинного ряда машин, где ближе к выходу со двора белела припаркованная мною накануне легковушка Леонида. Вид автомобиля самоубийцы отозвался во мне смутными чувствами опасности и какой-то фатальной обреченности, к которым добавилась оторопь, когда, поравнявшись с ним, я обнаружил на капоте темную кошку с хищно блестящими во мраке глазами. Известно, что эти своенравные животные иногда не прочь погреться от теплого двигателя, однако легковушка покойного Ленки давно остыла. «Чертовщина какая-то, — подумал я. — Прямо как в романах Стивена Кинга. Задавленная кошка, проклинающая нас цыганка, или кто она там есть, повесившийся виновник происшествия. Следующие мы?». Заданный самому себе вопрос засел в голове и вскоре стал казаться мне не таким уж идиотским, рождая в воображении картины собственной безвременной кончины одна ужаснее другой. Тем временем я дошел до ближайшей от дома Леонида остановки общественного транспорта, но так как ждать автобус в три часа ночи было глупо, не задерживаясь возле нее, побрел по тротуару вдоль проезжей части в надежде найти по дороге круглосуточный магазин. Первым делом мне следовало унять разыгравшуюся тошноту и только потом вызывать такси без опаски изгадить во время поездки его салон содержимым своего желудка.

Миновав безлюдный перекресток с гипнотически мигающим желтым сигналом неисправного светофора, я побрел по значительно сузившейся тротуарной дорожке мимо темнеющих справа по ходу явно предназначенных под снос деревянных домов барачного типа высотой в два этажа. Практически сразу же возникло ощущение, будто из черных оконных провалов нежилых строений за мной кто-то пристально наблюдает, отчего ноги сами собой ускоряли шаг. Редкие фонари освещали в основном проезжую часть дороги, на противоположной стороне которой я вдруг заметил темный силуэт невысокого человека, держащего на поводке здоровенную собаку. «Нашел время выгуливать» — только успел подумать я, как он, слегка наклонившись, отцепил поводок, после чего огромная псина ринулась в мою сторону. Инстинкт самосохранения тут же заставил меня броситься в противоположную от приближающегося зверя сторону, в результате чего я через несколько мгновений буквально влетел в один из барачков сквозь распахнутый настежь дверной проем и подгоняемый страхом побежал по коридору, но в крошечной темноте запнулся обо что-то ногой и рухнул лицом вперед, сильно ударившись при этом головой.

Не знаю, сколько мне довелось пролежать в беспомощности вне пространства и времени, но когда сознание вернулось, вокруг все так же стоял плотный, непроницаемый мрак. В воздухе витали запахи сырости, затхлого тряпья, плесневелого дерева и кислой гари, к которым еле уловимо подмешивался пряный табачный дух. Преодолевая тупую боль в области лба, я нащупал в кармане куртки свой телефон, собираясь включить фонарик, и в этот момент осознал, что лежу на спине, причем под голову подложено что-то мягкое. Вспомнив причину своего

падения, я на некоторое время замер в недоумении, которое сменилось чуткой настороженностью из-за послышавшихся сверху приглушенных, но хорошо различимых в полном беззвучии шагов. «Кто может обитать в нежилом доме? Или это слуховые галлюцинации?» — думалось мне с нарастающей тревогой по мере того, как их становящиеся все более отчетливыми звуки в итоге не слились со скрипом ветхих ступеней, а лестница на второй этаж озарилась трепетным светом. Я словно напуганный ребенок покрылся колкими мурашками, но продолжал оцепенело лежать, не находя в себе силы встать на ноги, и вскоре увидел медленно спускающегося по ступеням обросшего человека средних лет с кудлатой бородой и длинной горящей щепкой в согнутой перед собой руке. Его мешковатое бесформенное одеяние напоминало монашеский балахон, привносящий в атмосферу опустелого дома с дрожащими в язычках пламени тенями на стенах оттенок зловещей мистики.

— Вижу, пришли в себя, — сиплым голосом сказал незнакомец, подойдя ко мне.

— Разве дом жилой? — спросил я в ответ.

— Вообще-то нет. Но для меня сойдет. Все лучше, чем на улице ночевать в такую погоду! — заметил человек с лучиной, унимая мою тревогу спокойным тоном и всем своим грязным видом.

Конечно, передо мной стоял обыкновенный бомж, каковые тогда обычно ютились в заброшенных строениях, теплотрассах, а также на свалках, но уже редко встречались в подвалах и на чердаках жилых домов.

— За мной гналась огромная псина, пришлось забежать сюда. Грохнулся. Видимо, потерял сознание, — стал виновато объяснять я ему, словно полноправному хозяину этого дома.

— А я слышу грохот, спускаюсь. Смотрю, вы лежите лицом вниз. Сразу понял — зацепились за валяющуюся в коридоре рухлядь. Нашупал пульс — вроде живой. Решил перевернуть на спину, а под голову старую телогрейку положил. Собаки, правда, никакой не видел и не слышал, зато про кошку вы что-то неразборчиво лепетали, пока я рядом был, — внес окончательную ясность обитатель предназначенного под снос жилища.

Дослушав его, я все-таки осторожно поднялся на ноги, а он, видя, как тяжело мне дается каждое движение, выудил из кармана своего бесформенного одеяния початую бутылку водки и протянул в мою сторону со словами:

— Хлебни, в качестве анестезии...

Я без раздумий последовал данному совету, влив в себя прямо из горлышка грамм сто пятьдесят, и вместе с улучшением самочувствия стал проникаться симпатией к человеку в мягко говоря стесненных обстоятельствах, реальному бомжу, который вопреки всему не зачерствел и проявил ко мне столько участия. «Настоящий добрый самаритянин» — думал я, чувствуя, как стихает головная боль. — Верно говорится в пословице — мир не без добрых людей». Попавшая на старые дрожжи ударная доза спиртного по обыкновению развязала мой язык, сделав наше общение непринужденным, будто мы были давними приятелями. Правда расспрашивать назвавшегося Николаем мужчину о причинах, заставивших его вести столь оригинальный образ жизни я не стал, поскольку он явно не хотел распространяться на эту тему, зато сам, будучи на эмоциях из-за событий последних нескольких часов, охотно поделился ими с человеком, которого вряд ли еще раз повстречаю.

— Теперь понятно, почему ты в бреду твердил про кошку! — дослушав меня, произнес он, окончательно перейдя со мной на «ты».

— Так и правда в проклятие поверишь, учитывая смерть одного из нас — вздохнул я. — Но по мне, так лучше простое совпадение.

— Может, и совпадение. А вот если проклятие... — Николай на секунду задумался, провёл грязной пятерней по кудлатой бороде и продолжил: — Оно бьет в самое уязвимое место, поэтому рвется прежде всего там, где тонко. Если у этого Леонида уже была мысль выпи-

литься, то проклятию оставалось лишь ненадолго вывести ее на первый план, чтобы она казалась непреложной истиной.

Не став интересоваться, откуда обросший собеседник почерпнул озвученную информацию, я в воображении спроецировал ситуацию на себя и понял, что состою решительно из одних уязвимых мест.

— И как теперь быть? — несмотря на скепсис вырвалось у меня с неподдельным отчаянием, поскольку речь все-таки шла о собственной шкуре.

— Только сама жизнь может указать на выход из ситуации, главное — вовремя суметь разглядеть эту подсказку, — туманно ответил Николай, после чего стал вспоминать какие-то необъяснимые случаи, произошедшие с ним в прошлом.

Наш разговор вскоре скатился на темы, присущие третьесортным эзотерическим телешоу и низкопробным фильмам ужасов, поэтому я стал мысленно искать повод распрощаться с добрым самаритянином Николаем, однако правдоподобную причину придумать не удавалось. В конце концов пришлось отделаться избитой фразой: «Ну, мне пора!», после чего оставалось только вежливо отклонить предложение допить бутылку на двоих на втором этаже, где по его словам можно было закусить «чем Бог послал».

— Что ж, как знаешь! — пожал плечами он. — Приятно было с тобой поговорить.

Часы в телефоне показывали без четверти шесть, а значит несмотря на окружающую ноябрьскую тьму начиналось утро. Выйдя из предназначенного под снос дома, я внимательно осмотрелся, удостоверившись в отсутствии какой-либо опасности, а затем побрел по тротуару, на котором появлялись первые спешащие к остановке общественного транспорта прохожие. Минут через пять мне самому удалось до нее добраться, где как нельзя кстати я сразу же стал пассажиром раннего автобуса, а спустя час уже сидел у себя на кухне.

Головная боль медленно, но верно возвращалась, снова поднимались волны похмельной тошноты, а обнаруженная на лбу багрово-синюшная гематома от удара при падении заставляла то и дело оценивать свое отражение в настольном зеркале. Мой первый ноутбук находился рядом с ним, но ни о какой работе в таком состоянии речи быть не могло, даже желание общаться в чате или смотреть ролики на видеохостинге напрочь отсутствовало. Конечно, нужно было проглотить болеутоляющую таблетку, затем принять горизонтальное положение и попытаться уснуть, но я, как никогда прежде, находился во власти алкогольного демона. С помощью доводов своей извращенной логики, выборочно подсвечиваемых примеров из моей и чужой жизни, а также пословиц типа «Клин клином вышибают» он виртуозно убедил меня решить проблему радикальным образом, сходяв за новой бутылкой. И уже вскоре я, надев закрывающую лоб бейсболку, спускался в кабине лифта к занимающему первый этаж моего дома магазину, еще не осознавая, что погружаюсь в адские глубины тяжелейшего запоя. Такое состояние само по себе ежесекундно грозит человеку смертью из-за зашкаливающей концентрации алкоголя в крови, когда работающие на износ печень, почки и сердце могут отказать в любой момент, однако на этот раз мои шансы бесславно испустить дух оказались как никогда высоки вследствие экстремальных ситуаций, куда меня заманивал зеленый змий.

Купленную в магазине снизу бутылку я к вечеру выпил, окончательно превратившись в забывшее обо всех своих обязательствах и планах отупевшее существо с примитивным набором помыслов и устремлений, которые полностью определялись наличием или отсутствием очередного глотка горячительного. Теперь подсознательный страх неотвратимой похмельной агонии заставлял меня, подобно плотно сидящему на наркотиках торчку, оттягивать свой ужасный конец регулярной поддержкой состояния опьянения. Обычно я бегал в магазин по утрам, пока меня со стороны можно было посчитать более-менее адекватным типом, несмотря на блуждающий взор, опухшую физиономию, дрожащие руки и шаткую походку. Иногда так подпирало, что приходилось прикладываться к бутылке прямо на выходе из магазина, и тогда

обманчивое облегчение заставляло меня бродить по округе в поисках хоть какого-нибудь общения, прежде чем возвратиться в одиночную камеру своих четырех стен.

Однажды у магазина низких цен, куда пришлось наведываться в целях экономии быстро тающих средств, я пересекся со своим одноклассником из золотой школьной поры Антохой — лоботрясом, двоечником, а ныне живущим случайными заработками спившимся неопрятным типом. Мой собственный вид презентабельностью тоже не отличался, из-за чего бывший одноклассник, распознав во мне себе подобного, криво ухмыльнулся и с нескрываемой радостью в голосе спросил вместо приветствия:

— Отдыхаешь?

— Привет. Пойдем, накатим где-нибудь, — отреагировал я, указав глазами на пакет, где находились купленные бутылка, кусок сала и хлеб.

— Пошли в кооперативные гаражи за стадионом, — выдвинул он встречное предложение, легонько похлопав рукой по выпирающему карману куртки, из которого на миг показалось стеклянное горлышко. — Меня самого командировали. Ждут.

Спустя двадцать минут мы уже сидели втроем в кирпичном гараже, седовласый хозяин которого дядя Саша словно мальчишку отчитывал Антоху за неверно выбранное в магазине низких цен пойло.

— Рупь сэкономил, зато пить невозможно! Настоящая отравка! Я же русским языком говорил — бери только местного спиртзавода! — разорвался он, нюхая кусок ржаного хлеба и сплевывая прямо на дощатый пол.

Водка в самом деле оказалась ужасной, поскольку опрокинутая вместе с ними рюмка у меня просилась назад даже после нескольких глотков мутного рассола.

— Замучился я с этим корытом, на свалке ему самое место! — раздосадованно бросил уже в мою сторону отдышавшийся наконец дядя Саша. — Движок надо перебирать, ходовая вся убита, днище проржавело. Глушак еще прогорел в двух местах. Как думаешь, холодной сваркой его заделать или жестяную заплатку на эпоксидном клее присобачить?

Речь шла о стоявшей на домкрате перед гаражом старой шестерке со снятым задним колесом, которую хозяин за небольшую мзду взялся подшаманить. В то время меня интересовало все связанное с легковыми машинами, к тому же как раз недавно я сам заменил на станции техобслуживания свой хрипло рычащий глушитель на новый, поэтому без лишних слов, но с видом бывшего автомобилиста направился проводить осмотр. Дядя Саша пошел следом. Конечно, в трезвом состоянии мне бы такого и в голову не пришло, однако алкоголь чрезмерно раздувал собственную важность, отчего желание казаться в чужих глазах лучше, чем ты есть на самом деле затмевало остатки разума. Будто нарочно сзади машины уже было брошено на землю старое одеяло, поэтому я в один миг практически полностью залез под ее днище со стороны багажника, если не считать оставшихся снаружи ног. Само собой разумеется, при ближайшем рассмотрении основательно проржавевшая труба ничего нового мне не сообщила, поэтому я исключительно для вида пару раз недовольно цокнул языком, как бы вынося неутешительный вердикт увиденному. Когда же пришло время выбираться, подошедший к машине на нетвердых ногах Антоха слегка покачнулся и невольно оперся рукой о заднюю дверь для восстановления равновесия. В следующий миг я заметил, как опорная стойка Г-образного домкрата вошла немного глубже в отсыревшую землю у гаража, а затем стала медленно крениться набок.

— Вылазь!!! — истошно заорал дядя Саша.

Его отчаянный крик лишь сбил меня с толку, и вместо того, чтобы быстро поползти на спине, энергично работая конечностями, я замешкался и отупело наблюдал, как ржавое днище шестерки приближается к моему лицу. Сам же ужас происходящего накрыл меня лишь после того, как я был буквально выдернут за ноги обоими мужиками из-под машины, которая тут же осела левым боком на слегка посыпанный щебнем грунт.

Первым моим порывом было наброситься с кулаками на своих собутыльников, один из которых поднял домкратом автомобиль на месте со столь зыбким покрытием, а второй с пьяных глаз нарушил его шаткое равновесие. Однако вспышка гнева моментально иссякла, когда я вспомнил, что сам вызвался лезть под днище, предварительно не позаботившись о собственной безопасности. К тому же собутыльники все-таки успели меня спасти, вытащив обратно под хмурое небо с небывалой для нетрезвых типов сноровкой.

Трясаясь всем телом от не нашедшей выход злости и нервной дрожи, я ринулся в гараж, где выпил залпом полстакана вонючей отравы, после чего схватил свой пакет и, не сказав ни слова проглотившим с перепугу языки мужикам, пошел прочь из гаражей, заметив краем глаза на зеркале заднего вида шестерки покачивающуюся подвеску с изображением кошачьей морды. По дороге к дому мне вспоминались когда-то слышанные случаи о людях, насмерть задавленных своими плохо зафиксированными транспортными средствами, вследствие чего представлялось собственное сплющенное тело с переломанными костями и вылезшими из всех его отверстий внутренностями. Объятый мыслями о подстерегающих повсюду опасностях, я вскоре подошел к своему дому, возле которого встретил обычно розовощекого соседа по этажу Валеру с бледно-серым лицом и темными кругами под глазами. Задавать ему вопрос о самочувствии мне показалось не с руки, поскольку самого было впору госпитализировать в наркологический диспансер для прерывания запоя, поэтому я спросил о другом:

— У тебя разве сегодня выходной?

— Состояние неважное, — ответил он, символически прикоснувшись к моей протянутой пятерне с подрагивающими пальцами своей непривычно холодной ладонью, — Взял отгул. Жена гонит в поликлинику, а мне неохота там в очередях сидеть. Тем более температура у меня нормальная. Лучше, говорю, прогуляюсь по свежему воздуху, и к завтрашнему дню все пройдет.

— Поня-я-ятно, — протянул я, а потом осторожно поинтересовался — А как история у Леонида закончилась?

— Да так... — горестно вздохнул он, махнув при этом рукой. — Участковый поначалу каждого из нас двоих долго расспрашивал по отдельности, предварительно выгнав второго из комнаты. Но ведь у Ленки был затяжной депрессняк, и врач потом ментам подтвердил, что даже выписывал ему какие-то таблетки от этого состояния. Ну а после вскрытия от нас совсем отстали, потому что следов насильственной смерти не было.

Мне захотелось высказать Валере слова поддержки по поводу всего произошедшего, но в итоге вышло нечто маловразумительное. Мысли в голове путались, а усиливающаяся дрожь напоминала о необходимости срочно принять очередную порцию спиртного. В итоге я все-таки сумел относительно внятно пожелать ему здоровья, и быстрехонько устремился к двери подъезда, словно меня резко приспичило в туалет.

«Какое гнетущее впечатление производит нездоровый вид человека, которого привык видеть только пышущим здоровьем. Наверняка, в равной мере радостно вдруг обнаружить вечно больного полным сил и, как говорится, кровь с молоком, — мысленно философствовал я спустя полчаса, закусывая простейшим бутербродом из ржаного хлеба с розовыми ломтиками сала. — Из-за встречи с соседом у меня даже вылетело из башки, что совсем недавно самого от гибели спасли лишь доли секунды. Хорошо хоть мы оба пока живы!». Слово «пока» закралось в мои размышления совсем не случайно. После случая с задавленной кошкой я ни на секунду не мог избавиться от ноющего предчувствия надвигающейся беды, а история с повесившимся Леонидом и тем более едва не захлопнувшаяся для меня в гаражах страшная ловушка смерти идеально подпитывали его, отравляя всякий миг существования фатальной обреченностью приговоренного к казни. Алкоголь ненадолго дарил желанное успокоение с вкраплениями обнадеживающих мыслей о неизбежной смене темной полосы жизни на светлую, однако каждая новая рюмка давалась изнуренному организму все труднее, мои силы вме-

сте с финансами постепенно таяли, и ужас положения заключался в том, что спиртное сделалось для меня действенным лекарством и смертоносным ядом одновременно. По сути, я сам себе создал ловушку, сходную с той, что чуть не захлопнулась в гаражах, только теперь моя воля к спасению была полностью парализована страхом мучительного похмелья, которое легко могло закончиться летальным исходом или белой горячкой, а готовая раздавить меня машина опускалась медленно, словно наслаждаясь тупым оцепенением своей жертвы.

На следующее после еще одной бессонной ночи ушедшего в пике алкоголика утро я направился пополнить запас горючего и на обратном пути снова умудрился встретить знакомого из прошлого, только в этот раз им оказался Кирилл Евгеньевич — грузный мужчина лет сорока пяти с собранными в хвост волосами, когда-то учивший меня вождению в качестве инструктора автошколы при ДОСААФ. После окончания учебы мы остались в приятельских отношениях, несмотря на значительную разницу в возрасте, и иногда потом пересекались с ним в моем районе, где он тоже проживал. Одно время его не было видно, но с полгода назад из окна своей машины я вновь заметил уже опирающегося на трость Кирилла Евгеньевича, еле-еле идущего по прогулочной дорожке сквера. Поговаривали, что инструктор автошколы перенес тяжелую болезнь, давшую осложнение на ноги, и теперь ему предстоит длительный процесс восстановления. Те же любители почесать языками уверяли, что оставшийся в живых после тяжелейшего недуга Кирилл Евгеньевич стал религиозен, и теперь регулярно посещает храм в воскресные дни и церковные праздники. Как говорится, мне сам Бог велел потолковать с таким человеком, к тому же верующим, поскольку я сам оказался на краю пропасти и не находил в себе силы сделать шаг назад, чтобы начать возвращение в безопасное место.

После обмена стандартными фразами двух давно не видевших друг друга людей мы как-то сразу нашли общий язык, минут десять вспоминая автошколу и общих знакомых. Сразу заметив плачевное состояние своего бывшего ученика, Кирилл Евгеньевич попытался деликатно вывести причину моей внешней деградации. Ответить на столь резонный вопрос я сходу не мог даже самому себе, поэтому пришлось отделяваться туманной фразой о том, что «это долгий и тягостный разговор»:

— Ну так пойдем ко мне, — неожиданно предложил он. — Посидим, потолкуем. Времени у меня хоть отбавляй, пока инвалидность не сняли. Закуску тоже найду, она тебе сейчас необходима. Все равно ведь продолжать будешь, раз бутылку взял, но с закуской совсем другое дело.

Удивившись тому, что подобного мне типа еще могут приглашать в гости, я, недолго думая, кивнул головой в знак согласия, и спустя полчаса мы сидели друг против друга на уютной кухне. Дом Кирилла Евгеньевича возвышался невдалеке от магазина низких цен, однако мой бывший инструктор по вождению пока мог передвигаться только очень медленно, осторожно, ступая мелкими шажками, поэтому наш путь до него занял почти тридцать минут. Хозяин разложил по тарелкам домашние заготовки, нарезал хлеб, сыр, ветчину и разогрел в микроволновке пиццу. Я знал, что мой отравленный организм вряд ли позволит вкушать, а главное усвоить и десятой доли предложенных яств, однако перечить хлебосольному хозяину оказалось сложно.

— Понимаю, не лезет. А ты все равно ешь! Через не могу жуй и глотай! — заявлял он тоном воспитателя детского сада.

Мне казалось, Кирилл Евгеньевич выпьет со мной одну рюмку, максимум две, и то только ради уважения к своему гостю — все-таки человек на реабилитации, инвалид, да еще верующий. Но не тут-то было! Хозяин вовсе не собирался отставать от меня, а порой даже поторапливал, шутливо намекая на затянувшийся интервал между очередным наполнением рюмок. Однако самое неприятное открытие я сделал, когда мою опустевшую бутылку на столе сменил штоф с домашним самогоном, и мы начали активнее налегать на разносолы, чтобы после каждой опрокинутой рюмки поскорее перебить его ядреный дух. Как выяснилось, Кирилл Евге-

ньевич был из той породы людей, натуру которых алкоголь в серьезных количествах меняет до неузнаваемости. Про таких обычно говорят: «С ним лучше не пить». Еще в начале нашего застолья он наотрез отказался говорить о своем заболевании, а все мои вопросы о вере в Бога и религии в целом сначала встречал со снисходительной усмешкой, затем просто игнорировал, пока в конце концов не начал раздраженно перебивать меня на полуслове фразой: «Не гони лошадей», словно я намеревался слушать его до глубокой ночи. Хозяин проговаривал вслух обрывки своих нелепых мыслей, которыми в трезвом состоянии вряд ли с кем-нибудь смел делиться, вспоминал какие-то старые обиды, обещал вывести на чистую воду неизвестных мне людей, и в итоге всего через час передо мной сидел обозленный на все и вся человек, готовый взорваться от любого моего слова, если сочтет его слишком резким или оскорбительным.

— Вот ты хочешь знать, как вера в Бога помогла мне выкарабкаться, снова встать на ноги! — распаялся он, брызжа слюной. — Но это же чистой воды эгоизм, искать в религии только выгоду для себя! Лучше разберись, почему тебя тянет на всякую мерзость, почему сатанинские уловки влекут тебя больше, чем угодная Богу благопристойная жизнь! Если будешь честен с собой, тогда Он сам обратит на тебя внимание и поможет во всем! Понял мою мысль?

Но для моего затуманенного сознания сказанное представлялось запутанной головоломкой, непостижимой тайной. Еще более таинственной загадкой было видеть вместо добродушного и обстоятельного Кирилла Евгеньевича, классного инструктора и просто располагающего к себе человека, постоянно затыкающего мне рот неуравновешенного типа с безумным взглядом и перекосившимся багровым лицом.

— Извини, но в этой поповской пурге сам черт ногу сломит. Можешь выразаться яснее? — неожиданно для себя сказал я с пьяной прямолинейностью.

— Не чертыхайся! — оглушительно рявкнул он, задыхаясь и дрожа от неконтролируемого гнева. — Вот из-за таких, как ты козунников и наглецов у нас все беды!

— А из-за таких, как вы, не доверяют хорошим людям, — парировал я, не желая оставаться в долгу.

— Прикуси язык, мразь! — заорал стряхнувший с себя остатки гостеприимства хозяин, привстав на ноги. — Заткни пасть, иуда, куда не удавил тебя!

— Угомонись, прошу, болезный, горемыка наш нетрезвый, — произнес я нараспев с деланным спокойствием, коверкая цитату из вспомнившегося стихотворения барда.

Остается только гадать, что послужило искрой, воспламенившей горючую смесь внутри Кирилла Евгеньевича — слово «болезный» или мой невозмутимо-надменный вид, но в следующий миг он схватил со стола столовый нож и резко подавшись в мою сторону попытался ударить меня лезвием в грудь. Так как ситуация во время нашего застолья неуклонно накалялась, я все время был настороже, и лишь поэтому успел мгновенно прижаться спиной к стене так, чтобы его выкинутая вперед рука с ножом пронзила пустоту в том месте, где только что было мое тело. Хозяин ненадолго замешкался, застыв с вытянутой рукой над столом, однако тут же со звоном бьющейся посуды опрокинул его и, сжимая рукоять, пошел на меня. Мне ничего не оставалось, как схватить свой табурет за ножки обеими руками и начать размахивать им перед собой в качестве щита от смертоносного лезвия кухонного ножа и одновременно примитивного орудия нападения. В завязавшейся схватке деревянное сиденье табурета сильно ударило взбесившегося хозяина по руке, тот взвыл от боли, инстинктивно прижав ушибленную конечность к груди и согнувшись в три погибели. Воспользовавшись моментом, я с размаха врезал предмет мебели в область его левого плеча, отчего Кирилл Евгеньевич рухнул на правый бок, но так и не сдался, совершая одну безуспешную попытку за другой встать на ноги без посторонней помощи и стоявшей в углу трости. Выкрикивая в мой адрес грязные ругательства, он продолжал сжимать в руке нож, а порезанные его лезвием куски хлеба, сыра и ветчины валялись по всему полу кухни вместе с битой посудой.

Поставив табурет, я пошел в прихожую, где быстро оделся и вскоре оказался на улице. Рабочий день еще был в разгаре, однако все мои заботы сводились к необходимости затариться спиртным на предстоящие вечер и ночь. Пришлось заскочить в первый попавшийся по дороге к дому магазин, а минут через двадцать я уже вышел из лифта на своем этаже, где нос к носу столкнулся с женой Валеры. На ней не было лица.

— Привет, Лена. Что-то случилось? — спросил я предательски заплетающимся языком.

Обычно соседка за версту чувствует перегар и демонстративно воротит нос от пьяных. Однако на этот раз она не спешила поскорее юркнуть в открытые двери кабины, уставившись на меня своими утомленными холодными глазами серого цвета с тяжелыми покрасневшими веками.

— Утром Валеру скорая увезла, — пугающе ровным голосом огорошила меня она, раскрыв затем некоторые подробности: — Ему уже несколько дней было плохо, но в больницу он не шел, думал отпустит. А сегодня одышка, кашель страшный, холодный пот, встать с кресла не может. Подозревают острую сердечную недостаточность. Мне сейчас надо в садик к детям забежать, а потом снова в больницу поеду, хоть и не пускают в интенсивную терапию.

— Вот так так! — выдохнул я от неожиданности и пока подбирал нужные слова, Лена сумела ошеломить меня повторно.

— А час назад позвонили с завода со страшной новостью, — она сделала тягостную паузу и продолжила: — Его друга Валентина задавило металлической арматурой. Насмерть. Он всегда пренебрегал техникой безопасности, частенько приходил на работу с бодуна. Вот результат. Просто кошмар какой-то! Ад самый настоящий! И все в один день!

— Валентин это такой лысый, в очках? — спросил я сиплым шепотом.

— Да, он. У мужа другого знакомого по имени Валентин нет, — сокрушенно ответила соседка, не поинтересовавшись, откуда я его знаю.

Несколько бесконечных мгновений мы стояли в гнетущем безмолвии у закрывшихся дверей лифта. Наконец, Лена нажала кнопку вызова, они снова растворились, и кабина увлекла ее вниз, оставляя меня в настороженной тишине лестничной площадки с всплывающими в помраченном сознании образами задавленной кошки и чудом не пострадавшей девочки с ее страшным предсказанием относительно нашей пьяной компании.

«Несомненно, мы все виноваты в случившемся, ведь никому из нас даже в голову не пришло попросту отказаться ехать с пьяным водителем, а лучше вообще ни меня ни Ленку за руль не пускать, — размышлял я позже вечером, сидя перед бубнящим телевизором. — И ведь, черт возьми, сказанное девчонкой сбывается. Двоих из нас уже нет, а мы Валеркой на грани жизни и смерти! Меня как минимум два раза за последние дни подстерегала стопроцентная гибель — сначала плохо зафиксированный автомобиль, теперь вот взбесившийся собутыльник с ножом. Определенно, старухе с косой я приглянулся, иначе как объяснить ее настойчивость? И непонятно, что делать в такой ситуации! Найти ту девчонку, чтобы умолять ее о пощаде? Закрыться в четырех стенах и не показывать носа? Попробовать спрятаться от смерти на краю света?».

Обычно телевизор у меня не включался неделями, однако теперь кроме него во всех комнатах горел яркий свет, чего вообще отродясь не было. Причиной тому стал суеверный страх, ледяное дуновение которого я ощутил сразу после разговора с женой Валеры, хотя в полной мере он заявил о себе лишь с наступлением сумерек, наполнив погружающуюся во мрак квартиру зловещими призраками. Учитывая все происходящее вокруг меня и со мной лично, это было неудивительно, поскольку сбывающееся предсказание и постоянная угроза собственной жизни заставляли волей-неволей проникаться мистическим мировосприятием. А может, я уже ощущал первые признаки надвигающегося алкогольного психоза с его пугающими до истерики видениями, безотчетной тревогой и манией преследования. Мне тогда очень не хватало кого-нибудь, кто мог бы просто побыть рядом, причем даже не обязательно было постоянно раз-

говаривать со мной, вот только с женой я расстался, настоящий друг жил в другом городе, а немногочисленные знакомые вряд ли горели желанием тратить время на запойного социопата.

Телевизионные каналы приходилось постоянно переключать, поскольку во всех без исключения передачах или фильмах обязательно присутствовало что-то внушающее необъяснимый страх, будь то странное выражение лиц, пронзительная музыка, хроника тревожных событий или дружный хохот в студии. В конце концов я остановился на трансляции футбольного матча, после чего пришло время в очередной раз идти на кухню. Однако сделать это привычное перемещение оказалось не так просто вследствие вернувшейся ко мне из раннего детства боязни покидать свою комнату, когда темными вечерами приходилось оставаться одному в квартире. В итоге я с колотящимся от ужаса сердцем все же уселся за кухонный стол, где рядом с бутылкой находились открытая банка рыбных консервов, куски ржаного хлеба и красное яблоко в качестве десерта для восполнения сниженного водкой уровня сахара в крови. После опрокинутой стопки меня немного отпустило, ладони вновь сделались сухими, а ребяческий страх перед затаившимися по углам монстрами вернулся в сумрачную глубину подсознания. Задумчиво подперев подбородок рукой, я стал вспоминать самые светлые эпизоды школьной поры, а также бесшабашной юности, улыбаясь и шевеля губами синхронно с прокручивающимися в голове фразами и диалогами из них, навсегда отпечатавшимися в сознании. Намеренно принятые без закуски граммы действовали сильнее обычного, даря иллюзию того, что в общем и целом все хорошо, а собственные затруднения сушая ерунда по сравнению с серьезными проблемами других людей, и поэтому они раньше или позже разрешаться самым наилучшим образом, стоит только собрать волю в кулак и перестать пить. Смерть приятелей, конечно, вещь непоправимая, но ежедневно в мире погибает бесчисленное количество людей, которые по большому счету такие же чужие для меня, как повстречавшиеся единственный раз в жизни Валентин с Леонидом. Сосед же Валерка обязательно поправится, во всяком случае он находится под наблюдением врачей в специально оборудованном для больного человека месте.

Успокоив себя обнадеживающими мыслями, я полностью расслабился и долго сидел без движения, пока вдруг не услышал доносящиеся из большой комнаты хорошо различимые звуки плача, протяжные вздохи и жалобные причитания. Телевизор их издавать не мог, поскольку громкость его была убавлена до минимума, да и по жизнеутверждающему спортивному каналу вряд ли бы показывали нечто подобное. «Наверное, соседи сбоку или сверху, — подумалось мне. — Ведь шумоизоляция не только стен, но даже потолка оставляет желать лучшего». Однако доводы рассудка не возымели должного действия, и сердцебиение вновь участилось. Для собственного спокойствия следовало просто зайти на секунду в большую комнату, но я буквально прирос к стулу, ноги налились свинцом, а на шею будто наложили фиксирующий воротник. Где-то в животе опять начал ворочаться недавно утомившийся страх, моментально перешедший в леденящий кровь ужас после того, как мои глаза явственно разглядели сгорбленный силуэт, бесшумно скользнувший из прихожей в большую комнату. «Ну вот и все, от проклятия не уйдешь, — промелькнула в голове жальная мысль. — Сейчас задушат меня или выбросят из окна, а потом все будет списано на пьяную смерть». Напрасно я попытался успокоить себя тем, что входная дверь была точно мною заперта, а забираться по стене на седьмой этаж способны разве только киношные душегубы — элементарная логика уничтожалась на корню животной паникой попавшей в ловушку жертвы. Некоторое время мной владел ступор, однако потом я инстинктивно ринулся в сторону прихожей, надеясь выбежать на лестничную площадку и звать там на помощь, но едва вскочив на ноги, тут же опустился обратно на стул, так как ватное тело отказывалось слушаться. «Что-то подмешали в водку» — подумал я и услышал тихие гитарные переборы со стороны спальни, где давно без дела пылился на стене мой шестиструнный музыкальный инструмент. До боли знакомое расстроенное звучание то нарастало, то совсем затихало, пока плавно не вылилось в прекраснейшую мелодию, от которой перехватило дыхание, а на глаза навернулись слезы. Задевающая за живое музыка,

казалось, исполняется на струнах моей души и является квинтэссенцией всего лучшего из настоящей, прошлых и будущих жизней. Я точно раньше слышал эту чарующую, ни с чем не сравнимую мелодию, но постепенно забыл о самом ее существовании в суматохе дней. Хотя игра на гитаре подразумевала исполнителя, который безусловно находился у меня в квартире, панический страх как рукой сняло. Отрицательное чувство в принципе не могло существовать в одном пространстве с волшебными звуками струн, постепенно возвращающих моему телу естественную легкость. Мечтательно подперев подбородок рукой, я смаковал каждый доносящийся из спальни звук, каждую сыгранную ноту, пока не проснулся именно в этом положении у кухонного стола...

Выпитая без закуски стопка кроме иллюзорного умиротворения подарила мне несколько минут того особенного сна, когда отравленный алкоголем мозг находящегося в запое человека лихорадочно генерирует широкую гамму настолько яркий переживаний, что после пробуждения приснившееся часто смешивается с реальностью. Налив себе подрагивающей рукой водки, я в очередной раз накатил, после чего, жуя брошенный в рот кусочек хлеба, вернулся в большую комнату, где улегся на диване. Горящая люстра создавала дефицит привычного уюта, спешащие часы напоминали о скоротечности жизни, а во весь экран телевизора красовалась довольная кошачья морда из рекламы корма для домашних любимцев. Поначалу мне приходилось невольно бегать глазами по углам, стенам, занавескам, потолку и полу в поисках засевших в сознании призраков из недавнего сновидения. Лишь укрывшись пледом с головой, я начал тревожно дремать, готовый, подобно спящей кошке, улавливать малейшие шорохи сквозь монотонную речь спортивного комментатора.

Всю ночь напролет мне приходилось то вскакивать в туалет, то плестись на кухню, то просто ворочаться с боку на бок в отчаянных попытках найти наконец удобное положение своему покрытому липким потом телу. Около пяти часов утра с лестничной площадки стал слышаться шум раз за разом отворяемой и захлопывающейся двери, постоянно оживал лифт, доносился торопливый топот ног вперемешку с глуховатым кашлем. Столь ранняя суeta на этаже, где кроме меня в двух других квартирах проживали Валера с женой и малолетними детьми, а также пожилая супружеская пара была по меньшей мере странной, но в удушающей лихорадке запоя я о ней быстро забыл.

Тягучее наступление очередного дня из вереницы таких же хмурых ноябрьских дней диктовало мне волей-неволей снова тащиться в магазин. Кое-как умывшись и торопливо одевшись, я вскоре вышел из дома и у дверей подъезда столкнулся с Клавдией Федоровной — живущей на четвертом этаже дородной седовласой женщиной со следами былой красоты и патологической тягой к бабьим пересудам.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Знаешь уже? — даже не кивнув ради приличия, поинтересовалась она.

Меня начинал колотить мандраж, к горлу подступала мучительная тошнота, перед глазами мелькал рой мушек, а магазин низких цен располагался неблизко, поэтому я, желая поскорее отделаться, хмуро бросил:

— Нет.

— Валера с твоего этажа ночью умер в больнице. Сердце.

— Как же так! — оглушенный страшной вестью, произнес я зловещим полусшепотом, — Только вчера с его женой разговаривал. Как же так...

— Вот так! — выпалила в ответ Клавдия Федоровна, после чего, отвернув голову в сторону, желчно добавила: — Рабочие люди мрут, как мухи, а тунеядцев с алкашами ничего не берет. С утра zenки зальют и носятся.

По ее демонстративному нежеланию смотреть в мою сторону, искривившимся губам и всему брезгливому виду нетрудно было догадаться, кого именно она подразумевает под тунеядцами и алкашами.

— Следующий я, — сокрушенно вырвалось у меня, отчего Клавдия Федоровна на секунду повернула лицо, сердито зыркнув острыми глазками.

Ничего не поясняя, я побрел прочь с единственной целью поскорее сделать большой жадный глоток обжигающего нутро пойла. Теперь меня не покидало стойкое ощущение, будто я на мушке у готового в любой момент спустить курок снайпера, а хоженный-перехоженный путь к магазину кишит смертельными опасностями. Я боязливо сторонился встречных прохожих, огибал скопления людей у остановок и шумных перекрестков, замирал в нерешительности перед канализационными люками и строительными лесами, вздрагивал от каждого громкого уличного звука и боялся переходить дорогу даже на зеленый свет. Мой путь до магазина обычно пролегал по нескольким прямым участкам пешеходных дорог, однако теперь с высоты птичьего полета он представлял извилистую линию с причудливыми завитками в тех местах, где я особенно паниковал. Конечно, можно было приобрести выпивку чуть дороже в любом супермаркете по ходу, но вместе со страхом во мне росла невероятная жадность до каждой капли позволяющего оттягивать свою агонию спиртного, к тому же я чувствовал угрозу своей жизни повсюду, даже в собственных четырех стенах, а потому соображения экономии возобладали.

После того, как в конце концов мне удалось добраться до магазина и купить там впрок сразу три бутылки, я, опустившись на скамейку у его входа, свернул с одной из них крышку и сделал прямо из горлышка несколько судорожных глотков. Спустя пару минут дрожь тела начала униматься, скованные мышцы заметно расслабились, а окружающий мир хоть и продолжал быть враждебным, но уже напрямую не угрожал моей жизни здесь и сейчас. Резкие порывы пронизывающего ветра швыряли в лицо колючую снежную крупу, как назло, посыпавшуюся с серого неба, стоило мне присесть на скамейку. Я уже собирался отправиться в обратный путь, но вдруг увидел возле своих ног невесть откуда взявшегося котенка трех или четырех месяцев отроду такого же черепахового окраса, какой был у задавленной на пешеходном переходе кошки, только с небольшим преобладанием в шерсти красно-рыжего оттенка. Он весь дрожал от холода, испуганно таращась на меня медно-золотистыми глазками, издавая при этом жалобный писк. Его беззащитный вид на фоне позднеосенней непогоды, предвещающей скорую зимнюю стужу, вызвал к жалости любого нормального человека. Как ни странно, но мое истерзанное алкогольным марафоном и последними событиями сердце тоже оказалось тронутым, а потому я отрезал имевшимся при себе складным ножиком кусочек купленной в качестве закуски вареной колбасы и бросил себе под ноги. Мой новый дружок в два счета его уплел и принялся тереться мордочкой о джинсы, громко мурлыкая песенку благодарности за вкусную еду и проявленное участие.

— Ну все, Айша, мне пора, — сказал я, вставая со скамейки, назвав его первой пришедшей мне в голову благодаря ассоциативной памяти кличкой.

Отойдя от магазина метров на двадцать, я невольно оглянулся и увидел, как отчаянно семенивший лапками котенок, старается меня нагнать. Я хотел отпугнуть своего преследователя, строго прикрикнув: «Иди домой, глупыш!», но тут же понял, насколько это глупо, ведь, вероятнее всего, он не имел ни дома, ни заботливого хозяина. Чтобы не рвать себе сердце, мне оставалось только бросить ему еще один отрезанный кусочек колбасы, а самому поскорее скрыться в близлежащих дворах.

По возвращении домой я вновь стал обуреваем тяжелыми мыслями и инстинктивным страхом за собственную жизнь, а также, само собой разумеется, непрестанно вспоминал своего бедного соседа. Правда, мне показался несколько кошунственным тот факт, что скорбь по нему я ощущал не так остро, как щемящую жалость к оставленному на пронизывающем ветру четвероногому малышу, изо всех своих сил пытавшемуся догнать человека, который мог даровать спасение от голода и холода. Образ котенка то и дело вставал у меня перед глазами до тех пор, пока ближе к вечеру я все-таки не сумел залить жалость, страх, отчаяние и скорбь

обильной выпивкой, практически доведя себя до беспамятства. Следующие несколько часов прошли словно в вязком тумане. Я засыпал то в кресле, то на стуле за кухонным столом, сло- нялся из угла в угол, натыкался на стены, ронял предметы, тревожил своими звонками самых разных людей, что-то им доказывал, приглашал в гости, жаловался на судьбу, разбрасывался абсурдными обвинениями и в конечном итоге умолял о прощении даже когда на другом конце уже повесили трубку. А потом наступила очередная страшная ночь со всеми известными каж- дому побывавшему в длительном запое «прелестями».

Как только следующим утром у меня немного прояснилась голова, я ощутил жгучий стыд за свое телефонное юродство, лишь очередная стопка помогала хоть как-то приостановить поток смутных воспоминаний о вчерашнем позоре. Чтобы не повторить подобного впредь, я подумывал удалить все контакты из своего мобильного, кроме самых необходимых, но вме- сто этого позвонил Клавдии Федоровне с четвертого этажа, случайно обнаружив у себя номер когда-то нашей старшей по дому. Она меня известила, что сегодня в полдень Валеру привезут к подъезду для прощания, а потом похоронят на городском кладбище, не преминув язвительно спросить: «У тебя опять выходной?», хотя ответ ей был заранее известен. Поблагодарив всеве- дающую женщину за нужную информацию, я твердо решил продержаться до обеда на мини- мальных дозах алкоголя, чтобы спуститься к траурной церемонии в более-менее пристойном виде, а до магазина остававшийся запас пока позволял не ходить.

Ровно в двенадцать часов дня катафалк бесшумно въехал во двор, после чего открытый гроб с телом установили напротив нашего подъезда. Кроме немногочисленных жильцов дома по преимуществу пенсионного возраста и родственников покойного на прощании никого не было, поэтому мне удалось быстро подойти к гробу и, коснувшись своей ладонью сложенных на груди рук Валеры, в нескольких сумбурных фразах сказать ему последнее прости. Лицо усопшего я по давно заведенному правилу старался не разглядывать, желая оставить его образ в памяти таким, каковым он был при жизни. Когда гроб погружали обратно в катафалк, коре- настый мужчина с рыжеватой бородой вежливо осведомился, не желает ли кто из стоящих у подъезда ехать на кладбище? Никто из вышедших, включая меня, не удостоил бородача отве- том. Однако секундой позже я подумал, что стоит пользоваться любой возможностью нена- долго убежать из гнетущей атмосферы своих четырех стен, а потому вскоре оказался на заднем сиденье одной из машин, следующих печальным караваном вслед за катафалком.

На кладбище прощаться с Валерой приехало значительно больше людей, чем вышло к подъезду. В основном это были труженики вагоноремонтного завода, где сам усопший прора- ботал почти всю сознательную жизнь. Оказавшись в окружении совершенно незнакомых мне людей, я со стыдом признался самому себе, что приехать сюда мне захотелось в значительной мере из-за следующих за похоронами поминок в какой-нибудь столовке или кафе, где име- лась возможность на халяву накатить с мужиками. Разум стесненного в средствах алкоголика всегда ищет возможность добраться до спиртного, тем самым определяя поступки человека, даже когда ему самому так не кажется. Еще когда караван во главе с катафалком подбирался к кладбищу, повалили тяжелые хлопья мокрого снега. И теперь, стоя под ними в угрюмой толпе возле могилы, я ощущал себя чужаком, оказавшимся здесь лишь из-за своей дурости и тяже- лой алкогольной зависимости.

Поскольку мое прощание с Валерой уже состоялось, я решил немного прогуляться по дорожкам кладбища, а после погребения поехать вместе с остальными на поминки. Обычно лица с надгробий напоминали мне очевидную истину о неизбежности смерти, которая пара- доксальным образом восстанавливала мое вечно нарушенное душевное равновесие осозна- нием ничтожности терзавших меня в данный момент печалей. Теперь же вместо философского лада возникло неприятное чувство, будто я приехал еще раз осмотреть свой последний приют, куда вот-вот должен переселиться, а знающие мою предрешенную участь почившие с фотогра- фий внимательно изучают своего нового соседа. «Что ж, здесь тоже полно интересных людей,

— сокрушенно подумал я, окидывая взглядом убегающие вдаль ряды могил, — Но ребята, извините. Мне как интроверту, социопату и вообще латентному отшельнику лучше подойдет кремация с последующим развеиванием праха».

Пройдясь чуть-чуть вглубь кладбища, я повернул обратно, и вдруг заметил во втором ряду от асфальтовой дорожки серое гранитное надгробие скромного размера, на котором не было ни фотографии усопшего, ни его имени, только виднелась дата рождения и знак тире. Мне недавно кто-то рассказывал о таких памятниках в мемориальных семейных комплексах, когда при жизни человек таким образом бронирует себе место захоронения рядом с близкими, а дата смерти наносится сразу после его ухода в мир иной. Но привлекшее мое внимание компактное надгробие ничего общего с семейным захоронением не имело. На сером граните отсутствовала обычная для могильных камней информация, кроме шести цифр даты рождения. Сделав несколько шагов по сырой пожухлой траве, я подошел ближе к памятнику и вздрогнул, разглядев полную дату своего рождения с точностью до месяца и дня. «Розыгрыш какой-то? Удивительное совпадение? Или все же белая горячка? — звучали у меня в голове вопросы без ответов, — А может, я уже на том свете?». Поскольку застревать на кладбище в мои планы никак не входило, постояв минуту у таинственного надгробия, я вернулся на асфальтовую дорожку, где испытал еще большее потрясение. Вдоль рядов могил, жалобно мяукая, ко мне бежал точно такой же котенок черепахового окраса, от которого я спешно удрал прошлым днем. Сначала я испуганно попятился от него назад, но потом остановился и взял малыша на руки. Можно было дать девяносто девять процентов из ста, что именно этот дрожащий котенок с медно-золотистыми глазками на умильной мордочке и облепленной сейчас мокрым снегом шерсткой из темных, кремовых и рыжих пятен появился передо мной вчера у магазина низких цен в десяти километрах отсюда, поэтому крайне удивительным, если не сказать больше, оказалось обнаружить его спустя сутки здесь, посреди кладбища. Я легонько погладил котенка пальцами по головке, он тут же замурлыкал, отчего мою заблудшую душу охватывало подзабытое тепло, жалость и заботливое участие, заставившие меня впервые за долгое время почувствовать свою человеческую ответственность перед другим живым существом. Теперь и речи быть не могло о том, чтобы уйти, бросив его дрожать под мокрым снегом у бесконечных рядов могил. Слегка расстегнув молнию куртки, я прижал пушистый комочек к груди, после чего быстро зашагал в направлении кладбищенских ворот, оставляя позади себя скопление людей у могилы соседа по этажу.

— Аша, иди кушать! — часом позже звал я своего нового друга, нарочно опуская в прозвище букву «й» ради простоты произношения.

Прерывая знакомство с моей квартирой, котенок мчался на кухню, где у раковины стояли наполненная водой пиала и блюдо с ломтиками нетронутой мной колбасы. Под лоток пока пришлось приспособить набитую обрывками газет крышку картонной коробки из-под обуви, правда оставалось не совсем понятным, каким способом приучать к нему нового жильца. Отыскав в интернете нужную информацию, я с удивлением отметил, что в свалившихся на голову хлопотах позабыл о стоявшей на кухонном столе бутылке, хотя по идее должен был ринуться к ней прямо с порога. Мне все же пришлось вскоре выпить, чтобы в очередной раз парадоксальным образом отодвинуть от себя неминуемую расплату за многодневное пристрастие к огненной воде ее новым глотком, после чего измученный организм потребовал короткую передышку на сон и глаза стали слипаться.

Проснулся я от залиистой трели дверного звонка, поначалу ворвавшейся в мое жуткое сновидение об ужасах ядерного апокалипсиса под видом взывшей сирены. Оказалось, ко мне пожаловал старый приятель Максим Светов по прозвищу Светик — любитель поэзии и неисправимый романтик в душе, вынужденный ради куска хлеба торговать тряпками как индивидуальный предприниматель. Щуплый очкарик Максим в принципе парень неплохой, начитанный, незлобивый, умеющий поддержать интересный разговор, однако, подобно мне, товарищ

запойный, что в глазах окружающих людей часто перечеркивает все положительные качества самого достойного человека.

— С какого перепугу ты обо мне вдруг вспомнил? — поинтересовался я, впуская его в квартиру.

— Ну, здравствуйте! Звонил вчера, плакался в трубку, просил придти. Надо, думаю, проведать, выручить. Но смог только сегодня, — ответил нежданный гость, изумленно уставившись на меня сквозь линзы очков.

Я сразу все понял, опять испытал жгучий стыд за свои звонки в непотребном состоянии, а по доносящемуся из его сумки позвякиванию догадался, каким образом меня будут выручать. Опрятный вид, гладко выбритое лицо и внятная речь слегка поддатого Светика свидетельствовали о том, что он только начинает погружаться туда, откуда в этот раз я уже не знал, вынырну или нет.

— Где такого интересного котенка нашел? — спросил Максим, когда мы уселись за кухонным столом.

— Еще неизвестно, кто кого нашел, — бросил я.

Благодаря двум его бутылкам мы вскоре основательно наклюкались. Потом, уже плохо соображая и общаясь по большей части междометиями, принялись допивать купленное накануне в магазине низких цен, пока мое все более отрывочно воспринимающее окружающий мир сознание окончательно не отключилось.

Проснулся я от болезненных ощущений в правом ухе, но открыл глаза лишь после того, как в придачу к ним почувствовал острые уколы на щеке и шее. Электрический свет ударил в глаза, усугубляя и без того адскую головную боль. Мне стоило невероятных усилий осмотреться вокруг и понять, что я сижу в кресле перед бубнящим телевизором, а забравшийся на его спинку котенок кусает мое ухо, одновременно царапая лапкой с выпущенными коготками щеку и шею.

— Отстань, брысь! — буркнул я, сбросив проказника на пол инстинктивным движением руки.

В тот момент мне больше всего на свете хотелось вернуться в темную бездну сна без сновидений, где не существовало ни выпивки, ни похмелья, ни страхов, ни опасений. Однако снова уснуть мешал удушающий запах и элементарная нехватка свежего воздуха, к тому же котенок теперь вцепился в мою ногу, покарябав щиколотку. Раздраженный этими обстоятельствами, я окончательно проснулся и только потом разглядел поднимающийся над диваном с лежащим на нем Светиком сизый дымок, плавно распространяющийся по комнате. В следующий миг пришло осознание происходящего, после чего мне оставалось только вскочить на ноги и, подбежав к дивану, несколькими усилиями спихнуть на пол уснувшего с непотушенной сигаретой гостя.

— Сдурел, что ли? — повторял ничего не понимающий Светик, пока я бегал в ванную наполнять ведро водой.

К счастью, диван только-только занимался, поэтому десяти выплеснутых на него литров с лихвой хватило для предотвращения беды. От ворвавшегося в распахнутые мною окна квартиры холодного ветра Максим постепенно приходил в себя, меня же неожиданно вырвало прямо на пол большой комнаты, а потом еще долго выворачивало над унитазом.

Когда я снова опустился в кресло, он принялся вслух недоумевать, каким таким образом его угораздило закурить в практически бессознательном состоянии и снова отключиться вместе с сигаретой. Мне ничего не оставалось, как насупившись слушать сбивчивые объяснения собутыльника, сдобренные извинениями и обещаниями возместить материальный ущерб. Зная, что сильно пьяные люди иногда становятся схожи с лунатиками, я никак не реагировал, больше виня себя за данное ему разрешение курить в квартире, и лишь когда он осторожно поинтересовался, осталась ли у нас выпивка, недовольно бросил:

— Сходи, да посмотри.

Кряхтя, отдуваясь и опираясь о стены, Светик ушел на кухню, откуда сначала донесся звон посуды, а потом его раздраженный вопль:

— Пошла отсюда, тварь!

Мне волей-неволей пришлось вставать с кресла и топать вслед за ним, поскольку теперь было боязно оставлять гостя без присмотра. Как выяснилось, зайдя на кухню, он увидел расхаживающего по столу котенка, который при его виде засуетился, повалил стопки, после чего спешно спрыгнул на пол.

— Чуть пузырь не грохнула, гнида хвостатая! Хорошо, успел подбежать! — не унимался Светик.

Меня жутко взбесила его ругань в адрес существа, по чьей милости мы не задохнулись дымом от тления синтетических тканей дивана или вообще не спалили себя заживо, заставив эвакуировать половину подъезда. От такого сценария нас отделяло максимум полчаса, но Айша вовремя смогла разбудить меня своим острыми зубками и коготками.

— Собирайся и уматывай! — спокойно, но твердо сказал я Светику, плеснув ему на дорожку из ополовиненной бутылки.

Он поначалу пытался робко протестовать, взывая к нашей многолетней дружбе, но в итоге, видя мой агрессивный настрой, пошел одеваться, предварительно выпив на посошок.

Оставшись один в продуваемой сквозняками квартире, я первым делом затворил распахнутые окна, за которыми уже светало, после чего позвонил двоюродной сестре с просьбой перевести мне на карту деньги, которых оказалось бы достаточно для вызова на дом прерывающего запой врача. Она только вышла из дома, чтобы ехать на работу, но все равно вскоре перевела нужную сумму, трижды взяв с меня честное слово, не тратить их на выпивку. Обещаниям алкоголиков верить трудно. Вызвав без проблем нарколога по найденному в интернете телефону, я на три четверти наполнил граненый стакан остававшейся в бутылке водкой, после чего резко выдохнул в сторону и осушил его шумными глотками. Все это время сидевшая напротив на кухонном полу Айша внимательно наблюдала за мной своими немигающими глазками, в которых читался немой укор.

— Так надо, малыш, так надо, — вытерев рот тыльной стороной ладони, сказал я и без промедления пошел одеваться в прихожую.

Доктор должен был приехать через час, и за это время мне следовало сбегать в супермаркет, чтобы снять наличку и заодно купить корм для котят. Я уложился за сорок минут, успев после возвращения домой немного прибраться в прихожей и покормить Айшу, а затем прибыл нарколог. После инъекции транквилизатора мне пришлось около трех часов пролежать в более-менее прибранной спальне под поставленной им капельницей с растворами хлорида натрия, солей, глюкозы и чего-то еще. Пока кровь избавлялась от токсинов, одновременно насыщаясь необходимыми компонентами, я поведал доброму доктору о том, сколько длится мой запой и о примерном количестве потребляемого за сутки алкоголя. Узнав эти угрожающие жизни параметры, он ненавязчиво предложил мне лечь на недельку в стационар для более серьезного курса детоксикации и лечения.

— Там хоть вы будете под присмотром. Все лучше, чем одному дома восстанавливаться, — со знанием дела говорил он.

— Мы теперь вдвоем, — отвечал я загадочно.

Когда оставивший мне горсть успокаивающих, обезболивающих и противосудорожных таблеток врач ушел, Айша забралась ко мне на кровать и долго спала рядом. Несмотря на капельницу и принимаемые впоследствии препараты восстановление протекало мучительно. Я раз за разом покрывался холодным липким потом, то мерз, то изнывал от нестерпимой духоты, испытывал страшную ломоту во всем теле, постоянно бегал в туалет, не мог толком унять жажду, поскольку отказывающийся принимать даже воду желудок реагировал на каждый глоток.

ток рвотными позывами. Иногда мне казалось, что чем так мучиться, лучше из последних сил поползти до магазина или попросить кого-нибудь принести бутылку, чтобы положить конец адским страданиям и хоть немного еще пожить, а там будь что будет. В такие моменты я смотрел на всегда находившуюся рядом Айшу, думая о лишениях, которые претерпевают бездомные животные, особенно недавно появившиеся на свет, и мне, взрослому мужику, становилось стыдно за свое малодушие. Поскольку в нашем мире ничто не длится вечно, к третьему дню удушающая хватка абстинентного синдрома начала понемногу ослабевать, а еще через сутки я понял, что благодаря своему стоическому терпению окончательно вырвался из порочного круга.

С тех пор минуло десять лет, в течении которых у меня не случилось ни одного запоя, хотя алкоголь продолжает присутствовать в моей жизни. Обычно, по мере удаления каких-либо событий во времени все более проясняется их общая картина, расставляются акценты, даются итоговые оценки. Однако я до сих пор не могу сделать однозначных выводов по поводу случившегося, но если проклятие все же работало, то сама жизнь мне аж целых два раза подсказывала, как его снять. Бомж Николай говорил дело. Оставалось только понять, что согласно отпечатанным в совести духовным законам, помощь другому живому существу есть помощь прежде всего самому себе. И если бы на кладбище под тяжелыми хлопьями мокрого снега голос совести заглушили иные чувства и устремления, то точная дата моей смерти вскоре несомненно бы появилась, причем не обязательно на памятнике из серого гранита. К счастью, для меня тогда все сложилось наилучшим образом, поэтому я до сих пор имею возможность ходить по земле, читать книги, ощущать вкус хлеба, наслаждаться звуками музыки и гладить живущую со мной в квартире десятилетнюю кошку Айшу по густой блестящей шерсти черепахового окраса.

Интерлюдия 1: «Вкус ржавчины и медно-золотые глаза»

Ноутбук нагрелся так, что от дешевого пластика запахло паленым. Писатель откидывается на спинку стула, который жалобно пищит в тишине комнаты. На часах 05:40 утра.

Он смотрит на свои пальцы — судорога похмельного синдрома, описанная в рассказе с такой пугающей точностью, вдруг отдается в его собственном теле. Он не пил уже несколько месяцев (нет денег, да и страшно), но во рту явственный вкус ржавой трубы «шестерки» из кооперативных гаражей.

— Помощь другому — это помощь себе, — шепчет он сиплым голосом бомжа Николая.

Писатель встает, подходит к окну. С седьмого этажа ночной город кажется огромной печатной платой, где автомобили мигают фарами, как диоды. Вдруг на подоконнике с той стороны окна — на узком жестяном отливе — раздается тихий скрежет лап. Писатель замирает. Там, за стеклом, на пронизывающем ноябрьском ветру сидит котенок. Черепехового окраса, с медно-золотыми глазками. Он беззвучно открывает рот, прося впустить его.

Писатель зажмуривается. «Этого не может быть. Седьмой этаж. Я просто перенес деталь из текста в окно. Это абстинентный психоз, которого у меня быть не должно, я же трезв». Он открывает глаза — подоконник пуст. Только капли талого снега лежат на жести, напоминая розовые капли из пасти кошки, переехавшей на зебре.

Ему нужно заработать немного денег. Днем предстоит расшифровка старых аудиозаписей для какого-то архивного проекта — нудная работа за гроши. Но именно звуки чужих голосов в наушниках вернут ему ощущение того, что мир вокруг состоит из звуков, а не из его липких фантазий.

Он снова садится за стол. Сюжет второго рассказа уже зреет в его голове, как нарыв. Это будет попытка сбежать в город детства, где все было удивительным.

ГЛАВА 2

В город своего детства я приехал без сколько-нибудь веской причины, если не брать в расчет его растущее изо дня в день неизъяснимое притяжение, выливающееся неотступными воспоминаниями и ночными сновидениями. Давным-давно случившиеся здесь эпизоды из собственного бытия всплывали в сознании с поразительной ясностью, словно пузыри с темного илистого дна на зеркальную поверхность безмятежного лесного озера, заставляя меня вновь и вновь переживать связанные с ними ощущения и эмоции. Как оказалось, прошедшее с тех пор время притупило лишь часть из них, при этом значительно усилив чувства неловкости, раздражения, а иногда жгучей вины за произнесенные тогда слова и опрометчивые поступки или, напротив, ничем не оправданное бездействие. Эти вырвавшиеся из хранилищ памяти моменты когда-то прожитого, сны искусно вплетали в свою ткань, расцвечивая новыми красками и волшебным образом преображая до неузнаваемости их самые разные детали — от сопутствующих вспомнившимся событиям временам года до очертаний знакомых лиц, однако всегда в полной мере воспроизводя вызванную ими гамму переживаний. В результате перечисленных факторов я все чаще выпадал из реальности, захваченный навязчивыми мыслями о прошлом, и постепенно проникался осознанием того, что меня тянет на малую родину, словно преступника на место преступления.

Изначально я собирался остановиться в гостинице, чтобы посвятить несколько дней бесцельному брожению по знакомым улицам, но перед самым отъездом при общении в соцсети проговорился о своих намерениях другу детства Виталику, так и не выбравшемуся из городка несмотря на все грандиозные планы времен школьной поры. Он сразу же написал мне сообщение, с предложением погостить в его «берлоге со всеми удобствами» и тем самым скрасить бытие закоренелого холостяка. Отказываться от такого приглашения, больше похожего на просьбу, было бы глупо, к тому же я боялся обидеть приятеля отрицательным ответом без веских на то оснований, а потому по прибытии на малую родину сел в такси у железнодорожного вокзала и огласил его адрес.

Спустя полчаса мы с Виталиком на правах старых приятелей вели теплый и непринужденный разговор, сидя за наскоро накрытым столом в его маленькой кухоньке. Собственно говоря, особых новостей у нас друг для друга не оказалось припасено по причине регулярного общения в соцсетях и чатах на протяжении многих лет, поэтому беседа стала сразу же напоминать вечер воспоминаний, хотя часовая стрелка кухонных ходиков указывала на римскую цифру десять, а в окно пробивались первые лучи низкого зимнего солнца.

— Ну разве у меня хуже, чем в «Радуге» или «Планете»? — периодически восклицал Виталик с наигранным недоумением, стараясь не дать навеянной мыслью о былом меланхолии окончательно овладеть нами.

Названия двух гостиниц моментально воскрешали в памяти безбашенные ребячьи велогонки и более поздние тусовки старшекласников на залитых электрическим светом центральных улицах городка, где располагались «Радуга» с «Планетой». Казалось, каждая фраза нашего разговора была отсылкой к прошлому и могла иметь хоть какой-то смысл только в контексте давно минувших дней. Наверное потому, что мы оба осознавали невозможность вновь ощутить присущую той навсегда ушедшей поре радость, бьющую фонтаном без особых причин от расвета и до заката, витавшую в пространстве кухоньки грусть вряд ли можно было назвать светлой. К тому же покрытое сеткой мелких морщин лицо друга детства, заметная одышка, подрагивающие пальцы рук, а главное, какая-то печать обреченности в его некогда искривившихся задором глазах, совсем не добавляли мне настроения. Я будто глядел в колдовское зеркало, прекрасно отдавая себе отчет в том, что сам теперь выгляжу похожим образом, и растянутый

во времени процесс моего превращения в старую развалину не под силу остановить ни одному эскулапу из всего подлунного мира.

— Извиняй, дружище, но мне все же стоит сегодня появиться на работе, а то в мое отсутствие такого напортачат, что потом за год не разгрести. Как дети малые право слово! — с плохо скрываемым раздражением заявил Виталик после краткого телефонного разговора, будильником ворвавшегося в гипнотическую атмосферу нашей кухонной посиделки. — Вернусь ближе к вечеру, а ты пока отдыхай. Или сходи куда, прогуляйся по местам своей боевой славы. Ключи на тумбочке в прихожей...

Он быстро собрался и ушел, а я, вперив взгляд в тарелки с закусками, так и продолжил сидеть за кухонным столом, прикидывая дальнейший план действий. В вагоне поезда стояла жуткая духота и постоянно плакал грудной ребенок, поэтому ночью толком выспаться мне не удалось. Для начала можно было немного покемарить, а уж затем со свежими силами отправиться в пеший тур по улицам, буквально кишашим призраками прошлого. Даже во время недолгой дороги от железнодорожного вокзала до дома Виталика я успел испытать массу противоречивых эмоций, наблюдая проплывающие за окнами автомобиля такси городские очертания. Каждый микрорайон, двор или отдельное строение являлись для меня такими архитектурными триггерами, способными одним своим видом активировать давно вытесненные в глубины подсознания переживания.

По-свойски развалившись на диване в большой комнате, я закрыл глаза и вскоре оказался в состоянии между бодрствованием и сном, где размывается грань, отделяющая реальность от иллюзии. Продолжающие по инерции возникать внутри черепной коробки мысли перестали получать должную подпитку в виде всецелого внимания к себе, вследствие чего погибали еще до того, как дать многочисленные побеги. Незамутненное сознание дарило блаженный покой, который в свою очередь выливался расслаблением каждой клеточки утомленного тела. Доносящийся с улицы шум расчищающего дороги от снежных заносов трактора гармонично сливался с царившей в квартире тишиной и звучал теперь своего рода колыбельной, помогающей плавному засыпанию.

Однако окончательно уснуть мне помешало в какой-то момент возникшее вдруг ощущение, будто я в комнате не один. Оно не несло с собой никакого страха или дискомфорта, но все же мои веки разомкнулись сами собой, безотчетно повинаясь вполне естественному импульсу, идущему от инстинкта самосохранения.

— Прошу прощения, не хотела вас будить... — почти шепотом произнесла невесть откуда взявшаяся женщина, стоявшая посреди гостиной.

По идее, в такой ситуации мне следовало машинально вскочить на ноги в паническом страхе, но острая реакция словно увязла в овладевшей моим естеством сладостной истоме, не давая испугу диктовать свою волю.

— Кто ты? Как попала в квартиру? — наконец вымолвил я, подняв голову.

— А я вас сразу узнала по фото, которые Виталя показывал. Вы ведь с ним старые друзья, верно? — отозвалась она уже достаточно громким голосом.

На вид незнакомке было около тридцати лет. Ее лицо источало свежесть пришедшего с мороза человека, изучающий взгляд серых глаз пронизывал насквозь, длинные русые волосы падали на плечи, а светлый кардиган свободного кроя придавал силуэту изящества и невесомости.

— Будем знакомы, меня зовут Анастасия. Можно просто Настя, — непринужденно продолжила она. — Уже скоро год, как мы с Виталей встречаемся, правда до сих пор так и не съехались. Он часто бывает в моем доме, ну а я приезжаю время от времени сюда, чтобы навести порядок и приготовить нормальную еду для его больного желудка. С гастритом шутки плохи...

Произнесенные слова несколько прояснили ситуацию. Я с облегчением выдохнул, после чего поднялся с дивана и, назвав свое имя, сообщил Анастасии о неподдельной радости вследствие столь неожиданного знакомства, при этом шутя добавив:

— Как был Виталик сам себе на уме, так и остался! Ведь изловчился ни разу в нашей с ним переписке не обмолвиться о вас, постоянно прикидываясь одиноким бобылем. Мог бы хоть сегодня открыть свою тайну и предупредить о вашем возможном визите!

— Зато мне все уши прожужжал про своего друга детства, с которым продолжает поддерживать связь через соцсети! И фотографии ваши частенько показывал, — улыбнулась женщина, окончательно снимая вызванное своим появлением напряжение.

— Правда? И что же он рассказывал? — поинтересовался я.

— Много чего... Например, как вы лизнули в такую же стужу железную лесенку, — сходу ответила Настя, кивнув головой в сторону окна, за которым начинался морозный январский день.

Этот эпизод из детства хорошо запомнился мне на всю жизнь, поскольку именно тогда я впервые ощутил ужас ловушки и узнал солоноватый вкус своей обильно хлынувшей крови. Прощание с иллюзией того, что настоящая опасность подстерегает кого угодно, только не меня, случилось во дворе детского сада в пылу веселой до самозабвения игры. Наверное потому, что мы с самого раннего возраста познаем окружающий мир, иногда пробуя на вкус находящиеся в нем предметы, мне захотелось лизнуть опору металлической дугообразной лесенки. В результате язык мгновенно примерз к крашенному железу, а воспитательница заметила неладное лишь тогда, когда я оказался в окружении прекративших резвиться ребят, среди которых был и Виталик. По какой-то непонятной причине Юлия Ивановна не стала отогревать примерзший орган вкуса дыханием и не сбегала за стаканом теплой воды, а встав у меня за спиной, обхватила мою голову руками и дернула ее на себя уверенным движением. Освобожденный таким образом из коварной ловушки, я зарыдал еще пуще не столько от боли, сколько от вида собственной крови. Тот день запомнился еще и тем, что после обработки раны в медицинском кабинете детского сада обычно строгие воспитатели с нянечками мигом преобразились, пытаясь мне всячески угодить: гладили по голове, рассказывали байки и обещали угостить самыми лучшими сладостями, как только подживет мой язык. Оказалось, пострадавшим быть не так уж и скверно, если перенесенные мучения компенсируются теплом человеческого участия. Правда позже, уже в зрелые годы, я стал более всего остального ценить каждое мгновение, проведенное без недомогания или физической боли, и ни за что не променял бы ни одно из их на заботливое внимание окружающих, в котором стал видеть изрядную долю притворства.

— Было дело по молодости! — пришлось признаться мне с иронией в голосе. — Жаль только, это не самая большая трагедия в моей жизни.

— Серьезно? — вполне правдоподобно выказала свое удивление Настя приподнятыми бровями и слегка приоткрывшимся ртом. — Неужели ей оказалась обнаружение вашего тайного логова в гараже?

Насмешливый вопрос весьма осведомленной о моем прошлом дамы воскресил в памяти длинные ряды из однотипных строений гаражного общества «Сигнал» вместе с вечно царившим в их пространстве букетом ароматов гудрона, горелого моторного масла и автомобильных покрышек. Именно там у двоюродного деда Виталика — ветерана ВОВ, имелся свой домик для машины, которую он то ли продал, то ли просто держал в ином месте, а может и вовсе никогда не покупал. Мой приятель частенько навещал дедулю из самых благих побуждений, иногда бегал по его поручению в магазин за продуктами, но обычно просто выслушивал истории одинокого ветерана. Взаимодействие поколений со стороны выглядело идеальным, однако в один из таких визитов юный тимуровец умыкнул ключи от пустующего гаража, чтобы, как он выразился, «у нас наконец-то появилась своя нора». Расчет Виталика оправдался — дедушка пропажи даже не заметил, поэтому изначальное намерение моего кореша «через недельку-дру-

гую» незаметно вернуть ключи на прежнее место естественным образом позабылось. На нашу радость, в гараже обнаружили старые стулья, а импровизированный стол из ящиков и досок в его центре мы соорудили сами. Электричество в «нору», или как ее окрестил на блатной манер один наш одноклассник «хату», подавалось бесперебойно, и вскоре оно стало для нас и наших друзей излюбленным местом. Мальчишеские тусовки обычно проходили по одному и тому же сценарию: под вырывающийся из охрипших динамиков старого кассетника музон, собравшиеся резались в карты, дымя при этом сигаретами и «перетирая» насущные проблемы, щедро используя для остроты выражений весь спектр бранных слов.

Однажды мы с Виталиком и еще двумя одноклассниками сбежали с завершающего занятия урока физкультуры к универмагу, где попросили околачивающегося там пьянчугу за небольшое вознаграждение купить нам бутылочного пива, чтобы до самого вечера «оттягиваться» в своем логове по-настоящему, как взрослые. Поначалу все складывалось по ранее намеченному плану. Спустя полчаса мы уже вальяжно восседали посреди гаража за импровизированным столом, тянули горьковатое «Жигулевское», дымили сигаретами «Ява» и играли в подкидного дурака картами с изображениями обнаженных девиц в пикантных позах, ощущая себя ни больше ни меньше как гангстерами из американского боевика. Для создания соответствующей атмосферы в магнитофоне играла кассета с «блатняком», и как раз во время звучания композиции Вилли Токарева «В шумном балагане», врезанная в тяжелые ворота гаража калитка распахнулась, после чего на дощатый пол гаража поочередно ступили мой папа, отец Виталика и наш классный руководитель Вера Павловна. Немая сцена длилась несколько бесконечных секунд, в течение которых каждый из нас не мог шелохнуться, сидя возле усыпанного эротическими картами импровизированного игрового стола с сигаретой в зубах и бутылкой пива в руке.

Последующее суровое наказание выразилось в том, что до окончания шестого класса я находился под усиленным надзором и был серьезно поражен в правах, поэтому половину апреля, а также весь май вечерами не появлялся в компаниях ребят, опьяневших от весеннего тепла. Кто оказался стукачом, выдавшим наше тайное логово, так и осталось тайной, хотя поначалу мы с Виталиком были преисполнены решимости вычислить крысу. Постепенно тот злополучный день в гараже двоюродного дедушки моего кореша перестал выглядеть трагедией, и чем больше он отдалялся во времени, тем чаще заявляла о себе светлая грусть по прекрасной школьной поре со всеми ее катастрофами и победами. Неуемное стремление убежать из волшебного мальчишеского возраста и казаться самому себе взрослее, пуская табачный дым, цедя пиво, играя в азартные игры и сквернословя, сейчас вызывает только печальную улыбку. Лишь с высоты прожитых лет детские годы представляются утерянным раем, сам же проживающий их ребенок никогда не осознает своего завидного положения и с легкостью подгоняет отмеренное ему счастливое время, нетерпеливо ожидая то новогодних праздников, то окончания учебного года, то еще какого-нибудь события.

— После того, как нас в нем накрыли, и вправду казалось, что наступил конец света. Однако негативные эмоции выветрились с течением времени, поэтому тот день теперь не кажется черным, скорее наоборот... Возможно, лет через десять-двадцать происходящее теперь тоже будет вызывать во мне умиление с оттенком печали по безвозвратно ушедшему, — ответил я, очнувшись от нахлынувших воспоминаний.

— Так и произойдет, — согласилась Анастасия, добавив предельно туманную фразу: — А лет через сорок-пятьдесят окажетесь настолько счастливы, что станете недоумевать, как вообще можно было ностальгировать по какому-либо периоду своей жизни.

«Нетрудно догадаться, где мне суждено пребывать через сорок-пятьдесят лет, — подумал я, переваривая услышанное. — Может, она сектантка, и намекает на райские кущи после смерти, счастливые обитатели которых поражаются тому, как могли когда-то так цепляться за жизнь? Все-таки мутную даму себе нашел Виталик...».

Беззаботный вид женщины вместе с чрезмерной общительностью так и подмывали меня напомнить Анастасии о цели ее визита, как бы между прочим поинтересовавшись, не стану ли я помехой при уборке квартиры. Она словно угадала мое намерение и не дала произнести завуалированную колкость, заявив с участием в голосе:

— Ой, вы ведь устали с дороги, а я со своими расспросами пристаю! Пойду на кухню, не буду мешать.

Из-за проявленной женщиной тактичности я вдруг почувствовал себя нуждающимся в особом отношении стариком, хотя, по правде сказать, действительно был значительно старше нее. Видимо, поэтому мне сразу расхотелось валяться на диване, и я, словно опомнившись, выпалил:

— Как раз собирался выпить чашку чая, так что нам с вами по пути.

Из кухонного окна открывался вид на убегающий в подернутую морозной дымкой даль центральный проспект, в ослепительном сиянии зимнего солнца напоминающий красочное изображение с туристического буклета. По обеим сторонам вдоль проезжей части возвышались пяти и девятиэтажные жилые дома, где мне многократно приходилось бывать в квартирах у своих приятелей, а также родительских знакомых. Приземистые же однотипные строения магазинов спортивных товаров «Старт» и галантерейного «Ландыш» мы с ребятами в качестве развлечения и вовсе посещали на регулярной основе. Я до сих пор помню кружившие нам голову запахи велосипедных покрышек, шайб, баскетбольных мячей и резиновых лодок, насыщавшие пространство первого, равно как и букет одеколонных ароматов во втором, витавший над прилавками с наручными часами, бижутерией, бритвенными принадлежностями и кожаными изделиями.

Плюс ко всему мне хорошо были видны шесть белоснежных колонн советского классического архитектурного стиля, украшающие главный фасад трехэтажного Дома культуры «Восход», и часть уютной площади перед кинотеатром «Спутник» с большой круглой клумбой в ее центре. Оба заведения сыграли значительную роль на раннем этапе моего земного бытия, поскольку вместе со стадионами они являлись тогда центрами общественной жизни и главными местами встреч для горожан всех возрастов. В Доме культуры существовало масса кружков и студий, в нем проходили самые заметные детские и юношеские мероприятия — новогодние елки, общегородские и районные конкурсы, олимпиады, лекции, встречи с интересными людьми, вечерние танцы, концерты для октябрят, пионеров и комсомольцев, а в перестроечное время ко всему перечисленному добавился видеосалон. С дошкольной поры его высокая колоннада, как и вся строгая симметрия монументального стиля вызывали во мне невольный трепет, напоминая о величественных королевских дворцах из любимых сказок. Однако чаще прочего я вспоминал колонну автобусов прямо напротив длинных каменных ступеней главного входа Дома культуры, к которым в первых числах каждого летнего месяца стекались ребята, чтобы оставить знакомый до каждого закоулка городок ради четырех удивительных недель на территории загородного пионерлагеря. Ну а проведенное в летнем лагере время можно смело считать наиболее яркой страницей из всей сказочной книги детства, и поистине уже счастлив тот, кому когда-то повезло прожить собранные в ней истории.

Что касается ничем не примечательного двухэтажного здания кинотеатра типового проекта, то оно вплоть до старших классов являлось для меня одновременно порталом в иной дивный мир, машиной времени и просто местом, куда всегда хотелось направиться с друзьями или даже в одиночку. Теперь сложно представить, но в ту пору далеко не на все картины можно было без труда приобрести билет, поскольку походу в кино отсутствовала альтернатива со стороны всемирной паутины и бесчисленных телеканалов, способных удовлетворять требования самых привередливых зрителей. Магия начиналась после того, как на стенде перед кинотеатром появлялась рисованная афиша с названием фильма, притягивающая к себе всеобщее внимание ярким маяком посреди серой улицы без сегодняшнего засилья наружной

рекламы. Затем на скопленные самыми изощренными способами карманные деньги совершалась покупка билетов стоимостью в десять, тридцать пять или сорок пять копеек, в зависимости от времени начала сеанса и ряда в зрительном зале. Я хорошо помню, как вслед за его приобретением слонялся по просторному фойе кинотеатра в предвкушении просмотра фильма, рассматривая висящие по стенам картины местных художников вместе с репродукциями известных живописцев и тайком косясь на постепенно наполняющих кинотеатр зрителей. Первый звонок приносил в нетерпеливое предвкушение частицу затаенного волнения, хотя опоздание на сеанс было исключено. Со вторым нахождение в фойе начинало приносить дискомфорт, что заставляло меня наконец-то появиться в освещенном желтым электрическим светом зрительном зале и, найдя свой ряд, пробираться к выведенному шариковой ручкой на сером бумажном билетике месту, то и дело задевая колени не желающих приподниматься зрителей. Сразу после третьего свет плавно гас, отчего зачастую возникал эффект куриной слепоты, пропадающий с первыми кадрами предваряющего показ киножурнала, который вспыхивал во весь экран под приятное потрескивание некачественной киноплёнки. Сам фильм мог оказаться увлекательным или до зевоты скучным, однако, как я уразумел много позже, моя мальчишеская тяга к важнейшему по определению вождя мирового пролетариата из искусств зиждилась не на одном только интересе к сюжетным поворотам картины. Дело было в том, что каждая, особенно иностранная лента, давала мне возможность удовлетворить мое жгучее любопытство, увидев на большом экране кусочек другого мира, надежно скрытого от нас в реальной жизни железным занавесом. Иногда я настолько увлекался разглядыванием фона, на котором происходило действие фильма, внимательно изучая каждую попавшую в кадр деталь — от блестящего автомобиля неведомой марки до экзотического дерева или неоновой вывески, что забывал о главных персонажах, пропуская мимо ушей произнесенные ими фразы. Еще более увлекательными казались исторические картины и фантастика, поскольку благодаря их декорациям я буквально переносился в далекое прошлое или будущее, напрочь забывая о том, что на экране умело сконструированная создателями ленты иллюзия.

Пожалуй, еще библиотека со стадионом тогда были значимы для меня в такой же степени, как Дом культуры и кинотеатр. В читальный зал я стал ходить с пятого класса исключительно ради того, чтобы при помощи вспомогательной литературы лучше выполнять домашние задания по таким гуманитарным дисциплинам, как история и литература. Получилось так, что с каждым его новым посещением меня все более пленила царившая там атмосфера, а потому хотелось задержаться в стенах библиотеки подольше, иногда вплоть до самого закрытия. Впоследствии я старался навестить читальный зал городского Дворца книги при каждом удобном случае, лишь бы вновь оказаться в обществе героев из произведений отечественной и мировой литературы, чаще всего не имеющих отношения к школьной программе. Стадион же зимой превращался в большой каток, поэтому магнитом притягивал к себе презревших опасность прилюдных падений любителей эффектно покататься на коньках под эстрадную музыку, в числе которых был и я. Эти залитые ярким светом прожекторов морозные вечера на заполненном розовощекиими людьми коварном льду голубоватого оттенка, вспоминаются мне намного чаще, чем безумные юношеские вечеринки и дискотеки. Ну а в теплое время года мы с ребятами гоняли мяч по стриженной траве стадиона в составе детских футбольных команд и регулярно проводили турниры настольного тенниса возле главного здания физкультурно-оздоровительного комплекса, где располагались многочисленные спортивные секции.

— Прощу к столу, — громко сказала Настя, заставив меня вздрогнуть.

Как оказалось, пока я стоял у окна и путешествовал по волнам своей памяти, замороженный открывшимся видом, подруга Виталика успела вскипятить воду и заварить чай. Мне ранее уже приходилось выпадать из реальности из-за причудливой игры собственного воображения, но то случалось в одиночестве или окружении близких людей, когда на время можно было забыть о внешнем мире, не опасаясь последствий.

— Извините, знакомый пейзаж навеял воспоминания, — буркнул я в свое оправдание, усаживаясь за стол.

— Не удивительно, когда через столько лет возвращаешься в город детства, — понимающе кивнула она, разливая чай по чашкам.

В ее голосе сквозило какое-то снисхождение, а на умиротворенном лице неуловимо играла ироничная улыбка, отчего создавалось впечатление, будто женщина видит меня насквозь. «Похоже, балабол Виталик во всех подробностях живописал наши прошлые похождения, и теперь она считает себя прекрасно осведомленной о моей персоне», — подумал я, а вслух сказал:

— Многое, конечно, здесь изменилось за прошедшие годы, но вопреки выросшим на местах пустырей высотным домам с супермаркетами и рекламным баннерам вдоль сохранившихся прежнее название улиц, у меня стойкое ощущение, что оказался в музее воспоминаний под открытым небом.

— А я вот вся в настоящем и даже шага из него ступить не хочу ни в сторону прошлого, ни в сторону будущего. С какой стати покидать место, где тебе хорошо? — заключила Анастасия.

Ее вполне логичный вывод сложно было оспорить, однако звучал он слишком фальшиво. Мне никогда не приходилось встречать настолько слившихся с настоящим счастливых, что их переставали тянуть назад воспоминания или увлекать за собой мечты. Менее всего я желал задеть собеседницу, приготовившую чай с поистине божественным ароматом, но все-таки не смог удержаться от едкого комментария:

— Вот бы и мне такому научиться! Но, боюсь, в этой жизни уже не получится. Только если тронусь умом и стану блаженным...

— Не самый плохой вариант! — шутливо воскликнула она без тени смущения. — Если так называемый спятивший ощущает себя счастливым, то ему лишь остается пожалеть вечно недовольных нормальных. К тому же безумие нередко граничит с мудростью, как вам наверняка известно.

Слегка озадаченный словами человека, с которым едва успел познакомиться, я все же вынужден был внутренне согласиться с услышанным. Счастливые моменты обычно переживались мною именно в состоянии отсутствия ума, с его хаосом мыслей и постоянными оценками происходящего, неизбежно приводящими к неудовлетворенности самим собой и положением вещей в целом. И если считать счастье высшей ценностью, ради которой человек готов переносить тяготы с лишениями всю сознательную жизнь, тогда как минимум следует задуматься, не препятствует ли безостановочное рациональное мышление ее достижению. Что касается рождающейся из помешательства мудрости, то о живущих в иной реальности и потому способных мыслить без оглядки на устойчивые стереотипы гениальных безумцев написано предостаточно. Мой собственный опыт лишь подтверждал эти свидетельства, поскольку помогающие выбраться из творческого тупика наиболее оригинальные идеи я находил в близком к сумасшествию состоянии полной отрешенности, когда гасли импульсы окружающего мира и стихал присущий большинству разумных существ внутренний монолог, вследствие чего восприятие становилось по-младенчески чистым.

— Может, доля истины в ваших словах и есть, — осторожно согласился я. — Но все же хочется пребывать в относительно вменяемом состоянии до самого последнего вздоха, и если уж суждено кирпичу упасть мне на голову, то пусть вместе со здравым рассудком он заберет и саму жизнь.

— Понимаю, — вздохнув, произнесла Анастасия и отхлебнула чай из чашки. — Оставаться в добром здравии до конца дней вполне естественное желание. Только почему все привязались к кирпичу? Куда больше вероятность угодить под колеса свадебного кортежа, например.

Постепенно мы разговорились, и битый час беседовали в общем-то ни о чем, но в то же время о многом по-настоящему важном, позволяя иногда мгновениям тишины растянуться до продолжительных пауз, придающих нашему общению неспешность и глубину. Чтобы не уходить от ответов на прямые вопросы собеседницы, мне волей-неволей надлежало быть предельно искренним при освещении некоторых подробностей из своей биографии. Сама же Анастасия по большей части говорила о том, как ей работает в офисе городского отделения почты, где со слов рассказчицы удивительным образом сложился дружный коллектив из сотрудников самых разных возрастов. Она с легкостью облекала в шутки даже самые серьезные темы, отчего время от времени создавалось впечатление, будто женщина рассказывает не о себе, а делится со мной содержанием просмотренного сериала. Лишь однажды во время нашей беседы, когда речь зашла о Виталике, ее серые глаза вдруг потемнели от грусти и с губ на мгновение слетела улыбка.

— Знаете, Виталия имел смелость не скрывать своих чувств и всегда напрямую мне о них говорил, — тихо произнесла Анастасия после выдержанной паузы, а затем с досадой добавила: — Чего я не могу сказать о себе, хотя он завладел моим сердцем с первой же встречи.

После второй выпитой за разговором чашки чая я решил под благовидным предлогом прервать затянувшееся общение, поскольку прекрасно знал ревнивую натуру своего друга.

— С вами безумно интересно, да и вообще хорошо сидим, но в моих планах вдоволь нагуляться по городу, пока не позвала обратная дорога. Поэтому вынужден раскланяться, — заявил я, неохотно поднимаясь из-за стола.

Женщина понимающе кивнула, заботливо добавив:

— Только одевайтесь теплее, на улице морозно.

Я не стал уточнять, будет ли она дожидаться Виталика или тоже вскоре уйдет, поскольку не считал себя в праве интересоваться взаимоотношениями Анастасии с хозяином квартиры, которые до сего дня от меня вообще держались в тайне. Причины мешкать отсутствовали, поэтому я быстро оделся, сказал «до встречи» вышедшей в прихожую женщине и минуту спустя оказался на улице, защищенный от холода объемным пуховиком и вязаной шапкой с веселым помпоном.

Первый этаж дома, где проживал Виталик, ранее занимал продуктовый магазин с яркой неоновой вывеской «Весна» над наружной витриной стеклянного фасада. Само собой разумеется, теперь он превратился в обложенный красно-белой плиткой бюджетный супермаркет, вследствие чего укутанные людские фигуры постоянно сновали туда-сюда возле его входа, как и много лет назад. На противоположной стороне улицы возвышалось здание бывшего «Детского мира», где сейчас, судя по узнаваемому благодаря всепроникающей рекламе логотипу, расположились офисы одного из коммерческих банков. И если преображение продмага советского образца в современный супермаркет казалось более-менее естественной трансформацией, то случившееся с когда-то беззаветно любимым предприятием розничной торговли, где кроме игрушек и конструкторов приобретались школьная форма, обувь, а также канцелярские принадлежности, выглядело не иначе, как осквернение главного символа самой счастливой и беззаботной поры моей жизни. В полете своей фантазии я на мгновение представил бывший магазин детских товаров таким щедрым добряком, имевшим несчастье дожить до времен, с наступлением которых его насильно облачили в строгий деловой костюм и заставили делать то, к чему он никогда не имел склонности и даже испытывал отвращение.

Решив дойти до своего родного двора, где вместе с ростом посаженных согласно плану озеленения деревьев происходило мое взросление вплоть до окончания школы, я энергично зашагал по узкому тротуару под мерный скрип утрамбованного снега. Минут через десять двор детства по прошествии многих лет вновь принял меня в свои пределы, некогда казавшиеся отдельным миром посреди еще незнакомого белого света. Добравшись протоптанной в снегу дорожкой до игровой площадки, я встал лицом к пятиэтажному дому, на верхнем этаже кото-

рого в свое время обитал с родителями и невольно застыл столбом. Сколько раз мне вспоминались уютный свет его окон, цветочные горшки на однотипных балконах, дружные соседские посиделки возле подъездов, оглашающие весь двор звуки шумного свадебного веселья или траурного марша Шопена в исполнении безбожно фальшивящих музыкантов местного духового оркестра! В скольких сновидениях я взбегал по ступеням лестницы до своего последнего этажа, делал домашнее задание за письменным столом с выдвижными ящиками, наряжал вместе с родителями новогоднюю елку в большой комнате! От осознания факта того, что именно это убогое сероватое здание середины прошлого века из семищелевого кирпича и железобетонных плит, каковых по стране до сих пор стоит тьма-тьмушая, занимает столько места в моей душе, я оставался обездвижен, пока замерзшие пальцы ног не потребовали возобновить двигательную активность.

Мне не хотелось покидать двор, поэтому сначала я медленно обошел его по периметру, еще раз посмотрел на окна пятого этажа, из которых некогда выглядывал сам, и лишь затем вышел на заснеженный проспект, после чего побрел в направлении хорошо видимого издалека торгового центра. На первых этажах многоквартирных домов по ходу моего движения пестрели вывески салонов красоты, зоомагазинов, турагенств, стоматологических клиник и небольших забегаловок. Увидев на одной из дверей нарисованную кофейную чашку и в следующее мгновение уловив аромат бодрящего напитка, я сначала замедлил шаг, а потом решил заглянуть в попавшееся по дороге заведение, так как несмотря на свое облачение стал понемногу замерзать.

Внутри уютненькой кафешки с незатейливым интерьером оказался только один посетитель — сидевшая за дальним от входа столиком пышная дама, вперившая взгляд в экран своего телефона. Мне сразу же приглянулось место у выходящего на проспект окна, поэтому я проследовал к нему, предварительно повесив пуховик на вешалку-стойку рядом с входной дверью. На подошедшую вскоре ко мне девочку-официанта я обратил внимание лишь после ее повторного, более громко произнесенного приветствия, поскольку открывшийся вид всецело завладел моим вниманием. Заказав себе чашку кофе и сдобную булочку, я продолжил внимательно изучать видимый из окна фрагмент городского пейзажа, где отдельные сохранившиеся с прежних времен детали были способны активировать во мне целую вереницу воспоминаний. К примеру, за расположенном на противоположной стороне проспекта двухэтажным зданием Дома быта располагалось самое злчное место, куда пацаны из окрестных дворов стекались «перетереть» возникшие разногласия, нередко устраивая между собой кулачные бои. Или вход в подвал под бетонным козырьком на торце малосемейного общежития, где ушлый перестроенный кооператор за умеренное вознаграждение записывал недоступные для большинства альбомы зарубежных рок-групп, и мы с ребятами таскали туда свои бобины и кассеты магнитолных лент.

В отличие от времен моего отрочества люди не успевали скапливаться на принявшей современный облик остановке общественного транспорта, поскольку к ней то и дело подъезжали автобусы с яркой рекламой по бортам. Невольно обратив внимание на зеленый «пазик», остановившийся с донесшимся в кафе сквозь оконное стекло натужным скрипом тормозных колодок, я успел заметить двадцать второй номер его маршрута и тут же вспомнил забавную историю. Будучи учеником девятого класса, я участвовал в новогодней костюмированной постановке, изображая на сцене актового зала школы мушкетера перед ребятами помладше и их родителями. За окнами установилась необычно теплая для конца декабря погода, видимо, по этой причине после завершения представления мне и еще двум задействованным в спектакле одноклассникам захотелось потешить свой подростковый эпатаж, прокатившись по городу прямо в сценических костюмах. Накинув зимние куртки, мы направились к расположенной рядом со школой остановке, где весьма удачно успели заскочить в уже отходящий автобус двадцатого, как нам казалось, маршрута. Однако в дороге выяснилось, что мы по

ошибке сели не на двадцатый, а на совсем недавно начавший ходить двадцать второй автобус, который делал большой круг по городу. Это внезапное открытие нас слегка смутило, поскольку изначально мы планировали краткий вояж в самом центре, но сходить жутко не хотелось, а потому было принято единогласное решение прокатиться по кольцу. И надо же было такому случиться — старенький «лиаз» сломался в отдаленном микрорайоне унылых хрущевок и домов барачного типа, где обитали рабочие чулочно-носочной фабрики и кирпичного завода, а также располагалась обнесенная высоким бетонным забором с колючей проволокой колония общего режима. По просьбе водителя мы сошли возле одной из остановок и вместе с прочими пассажирами, которым, по всей видимости, было плевать на наш экстравагантный вид, стали ожидать следующего автобуса под номером двадцать два. Произошедшее поначалу казалось лишь мелкой неприятностью, таким безопасным дорожным приключением, пока из-за угла стоявшей вдоль дороги хрущевки не появилась компания наших сверстников, лузгающих семечки и пускающих клубы табачного дыма. Проблема заключалась в том, что местные пацаны всегда были враждебно настроены к ребятам из центральных микрорайонов, куда нередко совершали вылазки, заканчивающиеся избиениями или массовыми драками. Поэтому нам троим, облаченным в шутовские костюмы мушкетера, пирата и веселого гнома, с несмытым гримом в виде подрисованных усов, шрамов и нарумяненных щек, появляться на их территории было, мягко говоря, нежелательно. Пока стоя гогочущих аборигенов медленно приближалась к остановке, я успел мысленно попрощаться с жизнью и послать тысячу проклятий самому себе и одноклассникам за нашу дурацкую затею с катанием по городу. Пират все это время пребывал в ступоре, поэтому не проронил ни слова, а веселый гном то и дело порывался куда-то побежать, но сам только нервно дергался, оставаясь на месте, поскольку было ясно, что незаметно удрать оттуда уже вряд ли удастся. Свирепая расправа казалась неизбежной, однако, когда компания пацанов приблизилась к остановке на расстояние футбольного пенальти и стали отчетливо различимы отдельные слова из их «базара», со стороны дворов раздался протяжный свист, после чего вся ватага резко развернулась, а затем быстро засеменила в обратном направлении, так нас и не заметив среди ожидающих автобус людей. Вскоре прибыл грязно-желтый «лиаз» с цифрой двадцать два над лобовым стеклом, и лишь оказавшись в его прогретом салоне, мы стали понемногу успокаиваться, весь обратный путь благодаря фортуна за свое фантастическое избавление.

Мне принесли горячий кофе с румяной булочкой на десертной тарелке, отчего я вновь вернулся в настоящее. Как выяснилось, за время моих блужданий по лабиринтам памяти, в заведении появился еще один посетитель. Грузный мужчина примерно моего возраста сидел за соседним столиком, видимо, ожидая свой заказ. Его лицо, а вернее косоватые глаза, мне показались знакомыми. С минуту я исподволь наблюдал за новым посетителем, помешивая свой кофе, а потом меня словно осенило: «Ведь это Витек Косой, только порядком раздобревший, ну и, само собой разумеется, постаревший!». С Витей Панкратовым, которого жестокосердные дети по понятным причинам прозвали Косой, я впервые встретился на дне рождения у Виталика. Мой друг пригласил его к себе на двенадцатилетие, поскольку они тогда были соседями по лестничной площадке, хотя учились в разных школах. Там мы с ним и познакомились, став впоследствии добрыми приятелями, правда обычно виделись только в Виталикином дворе.

Ошибиться я точно не мог — за соседним столиком восседал некогда шупленький и малость застенчивый Витек, наш общий с Виталиком дружбан. Как по мне — встретить знакомого человека через десятилетия, в течение которых с ним не поддерживалась связь посредством старой доброй переписки или современного виртуального общения, удовольствие так себе. В подобных случаях чаще всего приходится с глуповатой улыбкой на лице выдавливать из себя шаблонные фразы о здоровье, детях, личной жизни, не забывая с тем же энтузиазмом самому проявлять живой интерес к уже давно чужому тебе человеку, неприятно поражаясь при этом вполне естественному изменению его внешнего облика. Но, видимо, сам факт пребыва-

ния в городе из моих снов об ушедшей поре волшебным образом избавил меня от въевшейся с годами привычки по возможности избегать такого общения, а потому в следующий момент я подсел к нему за столик со словами стандартного приветствия:

— Ну, здравствуй, Витя!

Выдержать долгий испытующий взгляд бывает нелегко, а когда оказываешься под прицелом косящих глаз и подавно. Тем не менее я смог сохранить невозмутимость, после чего оказался в дружеских объятиях Витька, подавшегося ко мне через столик.

— А я поначалу не мог понять, что за наглец уселся напротив, когда столько свободных мест! Любой растеряется в такой ситуации! — громогласно восклицал он, словно находился у себя на кухне. — Давай, рассказывай, как жизнь! А то смотался после окончания школы и не слуху не духу! Виталик как-то заикался о ваших контактах в соцсетях, но никаких подробностей не раскрыл.

Понимая, что лучше сразу удовлетворить такого рода любопытство, я постарался нарисовать подробную картину своего существования, начиная с того дня, в котором скорый поезд унес юношу под моими именем и фамилией из этих мест. Во время моего рассказа ему успели подать чашку чая, хотя в целом он длился недолго, поскольку я описывал лишь внешнюю сторону своей жизни, события которой вряд ли отличались особой оригинальностью, поэтому без труда умещались в короткие фразы. А вот передать словами свою постоянную внутреннюю трансформацию, к сожалению или счастью, не представлялось возможным, во всяком случае для меня, вследствие чего я не мог отделаться от ощущения, что говорю о постороннем человеке. В свою очередь Виктор поведал по большому счету схожую, ничем не примечательную историю собственного бытия, списывая каждый жизненный промах на козни каких-то зловредных людей и частенько скатываясь в философское мудрствование. Grimаса раздражения вместе с кривой усмешкой практически не сходили с лица когда-то улыбчивого паренька, жадно глотающего аккуратно подклеенные книжки в жанре научной-фантастики об увлекательном и справедливом мире недалекого будущего.

— Постой, а где ты остановился? — вдруг поинтересовался он, словно опомнившись.

— Сначала собирался в гостинице, но Виталик — добрая душа, приютил у себя. — ответил я. — Он не хотел сегодня на работу идти, но вызвали, а потому мне сам Бог велел пройтись по знакомым местам. К тому же его подруга Настя пришла... Зачем мне ей глаза мозолить? Нагуляюсь и вернусь вечером, когда хозяин будет дома. Или давай вместе к нему завалимся немного попозже. Надеюсь, он против не будет.

Вместо ответа Виктор внимательно посмотрел на меня, скосив глаза сильнее обычного, и только после длинной паузы сам задал вопрос:

— Какая подруга Настя?

— Он и от тебя скрыл, что уже как год в близких отношениях с женщиной значительно моложе себя по имени Анастасия? — удивился я. — Но это невозможно! В маленьком городке все про всех знают, тем более ты с ним иногда видишься...

— Она о себе что-нибудь рассказывала? — перебил меня Виктор.

— Да не особо, хотя болтала много, — замаялся я, а затем вспомнил содержание нашей с ней беседы за чашкой чая: — Ах, да! Работает в почтовом отделении.

— Ерунда какая-то, — буркнул он, после чего молча достал из кармана телефон и принялся сосредоточенно тыкать в него указательным пальцем.

Спустя пару минут Витек издал нечленораздельное «угу», после чего выставил вперед руку с телефоном, во весь экран которого красовалась фотография Насти.

— Да, это она, — сразу подтвердил я.

— Точно уверен? — тоном следователя спросил Виктор, внимательно следя за моей реакцией.

— Однозначно! — отозвался я нарочито манерно, пародируя ныне покойного политического деятеля.

Однако моему приятелю явно было не до шуток. Его живое мясистое лицо будто окаменело, на скулах взбугрились желваки, а немигающие глаза застыли в жутковатом косом взгляде.

— Не знаю, как произошла такая путаница, но этой женщины нет в живых уже более полугода, — наконец произнес он, словно выдавливая из себя каждое слово. — Да, звали ее Анастасия, и она в самом деле работала на почте. Могу также подтвердить, что наш Виталик с ней замутил роман примерно год назад. Вот только спустя несколько месяцев она заболела атипичной пневмонией или заразилась ковидом — точно не знаю, но выкарабкаться, к сожалению, не смогла. Летальный исход. Виталик тоже тяжело хворал, но, слава Богу, выздоровел.

Прежде чем до конца осознать услышанное, я вспомнил, как прошлой весной Виталик писал в сообщениях о своей высокой температуре и кашле, после чего пропал из мессенджера аж до лета, лишь дежурные утренние открытки продолжал слать регулярно.

— Но я только сегодня беседовал с Настей, сидя с ней за одним столом, как сейчас сижу с тобой! — вырвалось у меня взволнованное восклицание.

Вместо ответа Виктор, не сводящий с меня пристального взгляда, который становилось все труднее выдержать, положил передо мной свой телефон. Чувствуя себя без вины виноватым и окончательно сбитым с толку, я еще раз посмотрел на уже уменьшенную фотографию Анастасии, под которой столбцом размещались комментарии с соболезнованиями.

— Публикация от двадцать пятого апреля прошлого года на странице городского портала, — сухо сообщил Виктор, возвращая свой телефон.

Мне стало совсем непонятно, как следует реагировать. Если продолжать настаивать на том, что мой разговор с Настей имел место быть, то уподобишься полностью сбрендившему типу либо отъявленному лжецу. Перестать говорить на эту тему, каким-либо образом взять свои слова назад, а тем более попробовать перевести все в шутку и вовсе было невозможно. В итоге посидев еще немного в давящем безмолвии напротив умолкшего Витька, я сообщил ему, что мне пора идти, после чего протянул руку, которую он вяло пожал без лишних раздумий и вопросов. Оставив купюру возле нетронутых кофе с булочкой, я облачился в пуховик, натянул шапку и, толкнув входную дверь с дурацкими колокольчиками, вышел из душной забегаловки на морозный проспект.

«Ведь знал же, что истории оставшихся в маленьких городках обычно схожи, тривиальны и хороши только в качестве снотворного, подобно скучной литературе. Знал прекрасно, но все равно подсел за столик к Косому! — корил я себя, ускоряя от негодования шаг.

— В итоге пришлось не только выслушивать его банальщину, лишь из уважения изображая заинтересованность, но и попасть в глупейшее положение с этой загадочной Настей. К сожалению, талант находить неприятности так и не удалось пропить вопреки многолетним усердиям».

В самом центре города проспект пересекала небольшая тихая улочка, по которой ранее ребята проводили свои неформальные велогонки. Раздраженный неприятным завершением разговора с Виктором, я упустил из вида, что хорошо знакомый пешеходный переход теперь стал регулируемым, и повинувшись сформировавшейся много лет назад привычке, продолжил без остановки идти по расчищенной зебре, хотя на светофоре горел запрещающий красный сигнал. Оказавшись на проезжей части, я успел сделать только пару шагов, сразу после чего, вздрогнув от истошного воя клаксона, инстинктивно отпрянул назад к тротуару, потерял равновесие и грохнулся возле бордюра. Ко мне тут же подскочил оказавшийся рядом молоденький паренек, и пока я с его помощью поднимался на ноги, успел краем глаза заметить быстро удаляющуюся вереницу украшенных разноцветными лентами легковушек с белым свадебным лимузином впереди.

— Что же вы на красный дорогу переходите? — с вежливой укоризной спросил юноша и, не дожидаясь ответа, добавил: — Сегодня пятница, вот они и носятся к «Мосту влюбленных».

Я поблагодарил паренька, сразу поняв, что он имеет ввиду дугообразный мост для пешеходов над старым прудом, оставшийся в моей памяти безымянным. Зимой горожане о нем забывали, зато с наступлением тепла желающих неспешно фланировать от берега до берега становилось хоть отбавляй. Со временем, как выяснилось, мост обрел название и стал популярен круглый год.

Между тем короткий январский день понемногу угасал. Морозное солнце спряталось за строения западной части города, и лишь отдельные багряные лучи пробивались между домами. Гулять мне совсем расхотелось, поэтому я решил возвращаться обратно, надеясь, что к моему приходу Виталик окажется дома. При мысли о его подруге перед глазами всплыла фотография Анастасии с городского портала и тут же на память пришла сказанная ею фраза: «Куда больше вероятность угодить под колеса свадебного кортежа». Я еще раз взглянул на пешеходный переход, где меня чуть не сбил несущийся к «Мосту влюбленных» белый лимузин с молодоженами, и застыл как вкопанный. «Чертовщина какая-то или простое совпадение? — мелькнуло в моей голове. — Не слишком ли много загадок для одного дня? Похоже, пребывание здесь, среди призраков прошлого, сопряжено с риском для психики».

Назад я пошел не проспектом, а коротким путем через дворы, о чем вскоре пожалел, поскольку знакомые тропы теперь перегораживали втиснутые между ветхими пятиэтажками новостройки, заборы автостоянок, парковочные ограждения и полосатые шлагбаумы. По мере приближения к дому Виталика во мне нарастала смутная тревога из-за мыслей о разномасштабных мошенниках и воровках, одну из которых я вполне мог оставить в квартире приятеля, уходя на прогулку. Голос рассудка пытался меня успокоить, приводя в качестве аргумента факт прекрасной информированности Анастасии о моей скромной персоне, однако он растерянно смолкал, когда вспоминалось сказанное про нее Витьком.

Обуреваемый смутными предчувствиями и нелепыми догадками, я перестал обращать внимание на окружающий городской пейзаж, ради которого решил прогуляться, и не заметил, как оказался у входной двери в жилище своего друга детства. Оставалось только открыть ее оставленным мне ключом.

— Нагулялся? Давай, проходи! Сейчас для согрева выпьем и хорошенько закусим! — крикнул Виталик с кухни, заметив меня в прихожей.

Раздеваясь и разуваясь возле вешалки, я обратил внимание на отсутствие женской одежды, после чего прошел в кухню, где увидел на столе сыр, колбасу, хлеб, какие-то консервы, а также бутылку хорошей водки. Очевидно, возвращающийся с работы хозяин в отличие от своего гостя не забыл заглянуть в магазин. Мне стало стыдно.

— Черт возьми, столько шляется, а приперся с пустыми руками. Вот же идиот! — раздосадовано бросил я.

— Ерунда, завтра затаришься, — шутливо сказал стоявший у плиты Виталик, добавив: — Главное, посуду помыл.

Его последние слова заставили меня невольно замереть, поскольку перед тем, как мне пойти гулять, на кухне хозяйничала Настя, а я к грязным тарелкам с чашками даже не притронулся. По какой-то необъяснимой причине мне не хотелось первым заикаться о ней, поэтому я попытался сказать так, чтобы мой друг сам обо всем догадался:

— Не приписывай мне чужих заслуг. Разве от такого лентяя, как я, можно ожидать помощи в домашних делах?

В ответ Виталик лишь слегка ухмыльнулся, вероятно, восприняв мои слова за неудачную шутку, что только сбilo меня с толку. Я не мог заставить себя напрямую поинтересоваться о его подруге, словно эта тема в доме моего приятеля была табуирована, а потому просто сидел на табурете, надеясь на внезапное появление Анастасии, с которым разрешатся все вопросы

и загадки. Однако ничего подобного не произошло, зато вскоре на кухонном столе появилась глубокая тарелка с отварной картошкой, и после того, как Виталик посыпал ее зеленью, мы наконец выпили по рюмке.

В последние годы алкоголь перестал развязывать мне язык, как бывало прежде. Наверное, с возрастом пропала потребность изливать свое наболевшее на других, которые все равно тебя по-настоящему не поймут, поскольку живут в своей собственной реальности. А может во внешнем мире стали иссякать сколько-нибудь значимые поводы для содержательных разговоров, и потому молчаливое созерцание оказывалось предпочтительнее. Однако произошедшее в первый же день моего пребывания на малой родине озадачило меня настолько, что уже после второй рюмки я не смог удержать язык за зубами и сказал хозяину квартиры:

— Послушай, мы сегодня совершенно случайно пересеклись с Витьком Косым в кафешке на проспекте. Как водится, посидели, поболтали о жизни, вспомнили былое. А перед тем, как попрощаться, он кое-что рассказал о некой Анастасии. Вернее, о вас с ней...

— Косой сплетник, зачем его вообще слушать? — с ходу пошутил хмелеющий Виталик, но потом сделался серьезным и со вздохом продолжил: — Что тут говорить? Познакомились в прошлом январе, когда отмечали старый Новый год у общего знакомого. К февралю уже сошлись, но так и не съехались. Зато я часто бывал у нее, а она приезжала ко мне в свободные дни, обстирывала закоренелого холостяка, гладила, убиралась, готовила. Все было хорошо, даже слишком. Наверное, поэтому вскоре закончилось самым трагическим образом. В середине апреля мы оба заболели — высокая температура, сухой кашель, слабость, одышка... Поначалу думали, весенняя простуда, ОРВИ, но инфекция оказалась более коварной. В итоге Настю госпитализировали двадцатого числа с приступом удушья, а двадцать пятого она умерла в реанимации. Я же выкарабкался, оставаясь дома, но до конца июня просидел в самоизоляции.

После последнего произнесенного им слова, на кухне воцарилась гнетущая тишина, в которой мне отчетливо был слышен стук собственного сердца и учащенное дыхание Виталика. Я хотел поподробнее расспросить его о Насе, но не решался. Словно угадав мое сдерживаемое чувством такта любопытство, он взял в руки свой телефон, немного в нем порылся, после чего протянул мобилу мне.

— Вот, взгляни, если хочешь. Здесь мы вдвоем гуляем по зимнему парку.

Пока я рассматривал удивительно красивые для любительских фотографий изображения, меня так и подмывало сообщить Виталику, что запечатленная рядом с ним миловидная женщина сегодня пила чай за этим самым столом. Я все-таки смог промолчать, поскольку осознавал последствия подобного заявления, хотя невозможно передать, что творилось у меня внутри.

— Почему же ты ни разу не обмолвился о ней в нашей переписке? — спросил я, оторвавшись от экрана телефона.

— Боялся спугнуть удачу, до конца не веря своему счастью. Ты же знаешь, как мне не везло в отношениях. И вдруг сам собой, без усилий с моей стороны, завязывается роман с красивой женщиной, которая младше меня аж на два десятка лет! К тому же я постоянно сомневался в чувствах Насти, подозревая, что ее увлечение мной лишь способ убежать от скуки, — сказал Виталик, немного помолчал, а затем с улыбкой продолжил: — Представляешь, забавная штука! У Насти были ключи от моей квартиры, которые после ее смерти куда-то запропастились. Я уже подумывал менять замки, но все откладывал, поскольку ни наличку, ни драгоценности в доме не храню. А сегодня перед твоим приходом совершенно случайно обнаружил их в керамической вазе, которая так нравилась Насе. Как они там оказались — не могу понять, хоть убей!

Мне сложно было комментировать услышанное, но просто промолчать оказалось еще труднее, поэтому я, преодолев волнение, сказал:

— Определенно, она питала к тебе такое же сильное чувство, каковое ты сам испытывала к ней.

— Тебе-то откуда известно? — усмехнулся Виталик.

Я еле удержался, чтобы не ответить: «Из первых уст».

После затянувшегося до поздней ночи кухонного застолья с гостеприимным хозяином мне долго не удавалось уснуть. В памяти стихийно возникали эпизоды прошедшего дня, живые картины давно прожитого, образы знакомых и совершенно посторонних людей, обрывки когда-то слышанных фраз. Я безуспешно пытался их игнорировать, старался отвлечься при помощи известных мне уловок, делал глубокие медленные вдохи, но сумел успокоиться и задремать только после того, как принял решение следующим же днем покинуть город, населенный призраками прошлого и настоящего.

Интерлюдия 2: «Почтовые штемпели на белой коже»

Писатель резко закрывает крышку ноутбука. Экран гаснет, но в темноте комнаты перед его глазами все еще стоит лицо Насти — серые глаза, русые волосы, светлый кардиган.

Он чувствует себя Виталиком. Он чувствует себя тем самым девятиклассником в костюме мушкетера, который едва не попался банде с чулочно-носочной фабрики. Писатель трет лоб — гематома, полученная им (или его героем?) в заброшенном бараке, всё еще ноет. Или это был удар об асфальт у пешеходного перехода, когда мимо несли свадебный кортеж? Все аварии и падения из его текстов начинают сливаться в одну бесконечную черепно-мозговую травму.

В прихожей раздается шорох.

Писатель медленно встает. Его блеклые, акварельные ноги едва держат его. Он подходит к двери. Возле нее лежит конверт. Без марки, без обратного адреса. Обычный серый конверт, какие используют на Почте России.

Он вскрывает его дрожащими пальцами. Внутри — два ключа на старом латунном кольце. И записка, написанная аккуратным женским почерком: «Посуду я помыла. Чай был с божественным ароматом. Не задерживайся в прошлом, там слишком холодно. Н.»

Писатель смотрит на кухню. На столе действительно стоит чистая чашка, от которой еще пахнет чабрецом и морозным бергамотом. Но он живет один. К нему никто не приходил.

Мир трещит по швам. Реальность курьера, реальность алкоголика, реальность Насти и его собственная комната превращаются в слоеный пирог.

— Чтобы спастись, нужно удвоить ставку, — бормочет Писатель. — Если реальность кусает меня за пятки, я создам мир, где я буду абсолютным Богом. Шахиншахом. Пусть у меня будет океан, пустыня и четыре мудрых жены. Пусть этот мир защитит меня от писем из ниоткуда.

Он открывает текстовый редактор и начинает яростно набивать текст.

ГЛАВА 3

Шахиншах Ильфара, правителя небольшого государства, прижатого знойной пустыней к бескрайнему океану, с некоторых пор преследовали навязчивые сновидения, в которых он обнаруживал себя несчастным голодранцем. Практически сразу после засыпания его охватывали тоска и безысходность загнанного жизненными неурядицами человека одного с ним возраста, живущего в огромном невообразимом городе, фантастический уклад жизни которого наяву сложно было описать и даже представить. Тот, кем он становился вовсе не испытывал мучительную жажду или голод, не изнывал от палящей жары, однако ему настолько опостылело однообразное и безрадостное прозябание среди высоченных строений и самодвижущихся повозок, что Ильфар всякий раз пробуждался в ледяном поту и долго потом приходил в себя. До появления этих ночных кошмаров ничего сравнимого по глубине страдания шахиншаху испытывать не доводилось. Жизнь его протекала относительно безмятежно, но в последние дни он все яснее отдавал себе отчет, насколько легко в подлунном мире потерять приумножающую несметное богатство власть и обречь себя на подобного рода пытку, только уже в бодрствующем состоянии. Хотя ситуация в государстве вот уже много лет в целом отличалась стабильностью, теперь у Ильфара стыла в жилах кровь при вестях о самых незначительных проявлениях недовольства среди его жителей. А когда неподалеку от восточных границ страны полыхнуло восстание религиозных фанатиков под зеленым знаменем Пророка, оторопевший властитель поначалу просто потерял дар речи и только когда немного оклемался, срываясь на истеричный крик повелел своим бесстрашным военачальникам-сардарам жестоко подавить бунты. Пошатнувшееся душевное равновесие монарха все-таки удалось поправить лучшим лекарям с их целебными снадобьями, однако смутная тревога рано или поздно оказаться в шкуре снившегося горемыки из-за превратностей судьбы острым шипом засела в его сердце.

Шахиншах взял за правило не покидать свой окруженный башнями дворец, состоявший из нескольких роскошных залов и подсобных строений, куда имел доступ ограниченный круг проверенных лиц. Чтобы поддерживать бодрость духа, Ильфар каждое утро начинал с дыхательных упражнений и омовения в ароматной воде, а весь оставшийся день посвящал совершенствованию своей игры на чанге, чтению стихотворных произведений, разбору и толкованию цитат Писания, вкушению изысканных яств и неспешным беседам с особо приближенными льстецами. Вечерами властитель находил утешение в своих четырех женах, предпочитая остальным юную Ямину — свою последнюю страсть, которая была так же нежна и прекрасна, как другие, но в отличие от них еще и мудра не по годам. Припадая к ее медовым устам, он забывал обо всем на свете, а когда после долгих пылких объятий его мужская сила истощалась, шахиншах просил грациозную словно лань Ямину остаться с ним на ложе, желая быть убаюканным чарующим голосом своей возлюбленной.

— Чувствую твою беспокойную душу, — сказала она в один из таких вечеров, пронзая Ильфара черными очами. — Поделись, мой господин, какая печаль в силах одолеть счастливейшего из рожденных, у которого есть все то, о чем другие даже не мечтают?

У опьяненного ее ласками властителя сам собой развязался язык, и шахиншах поведал Ямине содержание своих сновидений, вылившихся в неотступный страх испытать темную сторону жизни.

— Знала б ты, сколько султанов, эмиров, падишахов и прочих полновластных правителей были низвергнуты по злему умыслу окружения и собственной беспечности! — восклицал он, вспоминая истории дворцовых переворотов. — Я перестал доверять самым верным людям и боюсь собственной тени!

Внимательно выслушав Ильфара, она задумчиво нахмурила изломанные смоляные брови и на мгновение застыла мраморным изваянием. В наступившей тишине жалобно поскрипывали резные ставни, потревоженные ветром с океана.

— В деревушке на краю пустыни, где я родилась, давным-давно поселился загадочный старик Керуш. До сих пор никто не знает, откуда он пришел и сколько ему лет, но местные старики утверждают, что его внешность не изменяется со временем. Спокойный нрав и добродушие старика постепенно расположили к нему односельчан, которые все как один признали в нем мудреца и даже кудесника, чьи советы много раз помогали им в трудной ситуации, — сказала Ясмине так, будто раскрывала самую сокровенную тайну. — Попробуй, не таясь, поговорить с ним о своих терзаниях, может быть Керуш поможет и тебе. Только прошу, не причиняй ему зла, даже если он окажется бессилем даровать избавление.

Поначалу шахиншах отнесся к словам младшей жены с изрядной долей скептицизма, так как был премного наслышан о морочащих голову безграмотным простолюдинам шарлатанах. Однако из-за сильных чувств к Ясмине ее предложение никак не выходило из головы властителя, и в конце концов он приказал доставить деревенского старца во дворец в качестве своего личного гостя.

Керуш с первого взгляда произвел на Ильфара приятное впечатление. Седая приглаженная шевелюра вкупе с аккуратно подстриженной бородой обрамляли сияющим нимбом его испещренное морщинами загорелое лицо, которое несмотря на пристальный взор самого шахиншаха излучало вселенское спокойствие. Задав своему гостю несколько дежурных вопросов о самочувствии после долгой дороги и жизни в целом, властитель как бы между прочим предупредил его о казни, если содержание их последующей беседы станет кому-либо известно, не забыв уточнить, что голов в этом случае также лишаться все имевшие несчастье развесить уши. Сохраняя завидную невозмутимость, старик понимающе кивнул и заверил Ильфара в своем умении хранить тайны, после чего без лишних предисловий шахиншах рассказал о своих ночных кошмарах, проникающих ядом тревоги в часы бодрствования. Выслушав с внимательным почтением властителя, гость неожиданно заявил:

— Просто дайте понять снимаемому вам господину, что он иллюзорен, следовательно вся его трагедия нереальна. Приободрите его. Когда же он осознает свою призрачную природу и почувствует ни с чем не сравнимое облегчение, напряжение спадет и с вас.

С минуту шахиншах молчал, переваривая слова Керуша, а затем вполне резонно заметил:

— Твой совет бесполезен, ибо в сновидении я всецело нахожусь в шкуре того несчастного, а себя настоящего считаю лишь сладкой грезой, поэтому убедить его ни в чем не могу.

— Ах да, точно! Как я мог упустить столь важный момент! Вы уж простите меня, старика, — раздосадовано покачал головой Керуш. — Раз такое дело, то спокойно отходите ко сну сегодня вечером и помните — все было, есть и будет хорошо, а во всем мироздании вряд ли найдется то, что способно причинить вам вред. В конце концов тревога и страх развеются, как ночные миражи с восходом солнца.

Ильфара не понял, к чему клонит его гость, отчего мысли в голове начали путаться. Однако слова старика, произнесенные с уверенным спокойствием и его невозмутимый вид, вызвали неподвластное рассудку доверие. Немного поколебавшись, шахиншах решил послушаться Керуша и провел остаток дня за музицированием, а когда опустившаяся ночь окутала здания дворца темным покрывалом, властитель, как обычно, раскинулся на своем широком ложе и вскоре стал проваливаться в сон, повторяя про себя словно мантру: «Все было, есть и будет хорошо...».

«...Все было, есть и будет хорошо; все было, есть и будет хорошо» — крутилась в голове просыпающегося Федора фраза из ушедшего обратно в глубины подсознания сновидения. Сквозь закрытые веки проникал утренний свет, с улицы доносилось урчание заведенных автомобилей, мочевого пузырь требовал опорожнения. Новый день начинался до омерзения

типично, в точности так же, как сонм предыдущих. С какого-то момента — с какого точно он уже не помнил, из его жизни ушла радость простого общения с себе подобными и удовольствие от мелочей вроде звучащего в наушниках музыкального трека, расслабляющего теплого душа или глотка холодного пива жарким днем. Вставать с кровати, умываться, чистить зубы, вливать в себя залитый кипятком растворимый кофе и плестись к припаркованному во дворе старенькому «Логану» было неважноту. Все сколько-нибудь весомые причины думать, двигаться, дышать остались в той дивной поре, когда он заканчивал вуз, имел много друзей, любимую девушку и, как полагается без пяти минут дипломированному экономисту, уже распланированное светлое будущее. Однако массовая драка у популярного в городе клуба злосчастным холодным вечером пятницы, закончившаяся убийством одного из ее зачинателей, вмиг перечеркнула радужные перспективы, придававшие сокровенный смысл существованию и заряжавшие драйвом на каждый новый день. Каким образом в руках у Федора оказалась непонятно чья бейсбольная бита и наносил ли он ей удары вообще, молодой человек не помнил, оглушенный танцевальной музыкой и алкогольными коктейлями. Однако именно его признали виновником смерти человека и, несмотря на усердие нанятого адвоката и положительные характеристики, приговорили к пяти с половиной годам колонии строгого режима. Из-за сложного характера и общей подавленности, обернувшейся затяжной депрессией, с лагерными активистами у Федора сложились напряженные отношения, поэтому досрочное освобождение ему не светило. Отбыв весь срок от звонка до звонка и освободившись двадцатисемилетним молодым человеком, он не стал наводить справки о возможности продолжить обучение, как и искать встречи со своей бывшей подругой, не говоря о позабывших его сразу же после ареста друзьях. Вместо этого Федор реанимировал свой старенький автомобиль, безропотно дожидавшийся хозяина в склепе гаража пять с половиной лет, и попытался устроиться таксистом в одну из многочисленных фирм. Однако судимого водителя брать всюду отказывались, ссылаясь на новое законодательство либо вовсе без всяких объяснений. Когда же он отчаялся стать извозчиком и уже собрался облачиться в робу разнорабочего, на городском портале ему попало объявление о вакансии курьера с личным автомобилем, а пару дней спустя, не ожидавший такого везения Федя, стал колесить между разбросанными по всему городу офисами и конторами различных организаций, перевозя документы, письма и посылки. Но несмотря на удачу с трудоустройством, случившийся несколько лет назад душевный надлом, делал окружающий мир серым, холодным и враждебным, отбывать пожизненное заключение в котором приходилось без всякого на то судебного вердикта и понимания своей вины. Колеса по рекам дорог мимо снующих тут и там обитателей когда-то милого сердцу города, он с горечью думал, насколько легко слепому случаю искалечить их относительное благополучие, лишить здоровья, свободы, сделать презренными изгоями, заставить воспринимать доселе пугающую смерть как долгожданную избавительницу. Оглядываясь назад, Федор поражался своей наивной до глупости вере в устойчивость подпорок вроде образования, круга общения, финансового положения, внешности и здоровья, поддерживающих нарисованный воображением собственный образ. Теперь увечные и слабоумные с рождения, изначально лишённые того, в чем он когда-то видел смысл жизни, все чаще казались ему в более выигрышном положении, так как по крайней мере не имели возможности очароваться тем, что так легко потерять.

Подобные воззрения вкупе с мрачным настроением сделали его замкнутым и мнительным, склонным предвосхищать трагическую развязку там, где с виду все было хорошо и прекрасно. Единственной отдушиной, разбавляющей теплыми тонами внутренний сумрак, еще во время заключения стали яркие ночные сновидения, где Федор ощущал себя полновластным правителем затерянной в прошлом азиатской монархии. По-видимому, немалую роль сыграл тот факт, что с раннего детства его завораживали пропитанные неповторимым восточным колоритом сказки о мудрых султанах, простодушных халифах, жестоких ханах, лукавых падишахах, почерпнутые из красочно иллюстрированных книжек, популярных мультфильмов и кинокар-

тин. Будучи на зоне, Федор приноравливался коротать однообразные дни за подробным мысленным воспроизведением и тщательным обдумыванием своих монарших впечатлений и поступков во время сна, рассматривая их под разными углами в полете фантазии. Как-то за ужином, собирая ложкой размазанную по алюминиевой тарелке переваренную кашу, он решил конкретизировать свой титул и имя, вылетавшие из головы сразу же после подъема. Воскресив в памяти коллаж из детских сказок, заключенный Федор Крапивин назвался шахиншахом Ильфаром. К его удивлению, древнеперсидское имя и титул властителя, несколько раз повторенные перед отбоем, прочно прижились в последующем сновидении.

Крутя баранку на воле, новоиспеченный автокурьер по заведенной в колонии традиции то и дело мысленно воссоздавал события прошедшей ночи, сбегаая из ненавистной реальности в роскошные залы своего дворцового комплекса, где решал государственные вопросы, проникался искусством и наслаждался обществом четырех жен. Со временем он наткнулся в интернете на диковинное слово «эскапизм», точнее всего характеризующее его каждодневные побеги и обозначающее уход из постылой действительности в сконструированную силой воображения иллюзию. Вот только Федор специально не создавал свои яркие сновидения, которые, как он считал, являлись манифестацией скрытых желаний, реализовавшихся в его второй сущности. Но как Федя ни старался свести до минимума свое соприкосновение с реальностью, она продолжала отравлять ему жизнь.

По окончании второй рабочей недели ему захотелось посидеть в баре, выпить и расслабиться, нарушив тем самым длившийся более пяти с половиной лет сухой закон. Выбор пал на расположенное напротив дома питейное заведение под вывеской «Мейстер», которое до его ареста вряд ли существовало даже в проекте. Расположившись за пустующим столиком у самого входа, он опрокинул одну за другой две стопки водки и, потягивая из высокого бокала темное пиво, уткнулся в недавно купленный китайский смартфон. Тем временем празднующих долгожданный пятничный вечер в небольшом помещении бара становилось все больше, и вскоре у Федора появился сосед — крупногабаритный тип средних лет с собранными в конский хвост волосами и чуть тронутой сединой короткой бородой.

— Можно здесь приземлиться? — спросил он, усаживаясь напротив.

— Конечно, — буркнул Федя, не отрываясь от смартфона.

Пока амбал заказывал себе большую кружку светлого пива с солеными фисташками, Федор своим обостренным чутьем уловил в его голосе и выражении лица уже позабытое человеческое добродушие. Взыгравший в крови после долгого воздержания алкоголь будто растопил сковавший сердце лед, отчего когда-то свалившегося со студенческой скамьи прямо на нары Крапивина подмывало раскрыть душу, исповедоваться, поплакаться в жилетку. И такая возможность вскоре появилась.

— Наконец-то до пивка дорвался! — радостно сообщил бугай, промокнув губы салфеткой после жадного глотка. — Представляете, целый месяц без любимого напитка! Совсем закружился, то одно, то другое! — покачал головой он.

— Представляю, — внутренне закипая, отозвался Федя. — Первые месяцы самые тяжелые. Если их выдержишь, то и в оставшиеся годы перенесешь все лишения! Никуда не денешься!

Почувствовав горький сарказм в словах сидящего напротив молодого человека, добродушный амбал в предельно тактичных выражениях попытался выяснить причину такого тона. Только и ждавшего подобной реакции захмелевшего Федора тут же прорвало, и он вывалил на голову соседа по столику краткое содержание обрушившихся на него мытарств, мельком упомянув о своих фантастических сновидениях.

— Теперь мне всюду одиноко, хоть и общаться по необходимости приходится с разными людьми. Лишь уверенность в том, что после засыпания я вернусь туда, где чувствую себя на

своем подлинном месте, смягчает душу и не дает скатиться в мизантропию, — завершил он, подзывая рукой официанта.

— Да, пришлось хлебнуть тебе лиха... — перешел на «ты» бугай, которого, как выяснилось, звали Глеб. — Но с другой стороны таких счастливчиков надо еще поискать. Да, да, я не оговорился. Сам посуди: ты проживаешь сразу две интереснейшие, насыщенные жизни, в отличие от тех, чьи сновидения отрывочные, спорадические, без последовательно развивающейся от ночи к ночи сюжетной линии. Познавать себя и мир на контрасте, с разных колоколен, несомненно, особая привилегия избранных. Люди готовы платить миллионы, отдать последнее, лишь бы протянуть еще годик-другой, а тебе посчастливилось проживать две параллельные жизни и на законных основаниях иметь четырех жен. Аж зависть берет! — он весело подмигнул, припадая к своей литровой кружке.

Федор ожидал от амбала всего, чего угодно — слов поддержки, жалости или полного молчания, но никак не подобной трактовки.

— Может, так оно и есть, — озадаченно промолвил он, собираясь с мыслями. — Однако мои сновидения не в силах уничтожить причиняемые реальным миром страдания. Да и к чему мне две жизни, если я счастлив лишь в одной, а из другой стараюсь убежать?

— Тогда поменяй приоритеты: принимай привычную за сон, а ту, которой отдаешь предпочтение, за реальность. Поначалу придется постоянно самому себе напоминать это новое правило, но со временем оно укоренится и станет непреложной истиной. Поверь мне — одно только осознание нереальности происходящего снизит остроту восприятия, отчего разнообразные невзгоды будут ранить значительно меньше, пока не начнут веселить, — со знанием дела посоветовал Глеб, отодвигая от себя ребром ладони фисташковую скорлупу. — Думаю, в твоём случае процесс пойдет как по маслу, ведь сердцем ты давно пребываешь только в одной реальности, где получаешь яркие незабываемые впечатления, что само по себе делает ее единственно подлинной для тебя.

— Звучит красиво, но сработает ли на практике? — усомнился Федор.

— Обязательно сработает, если отбросить колебания, — утвердительно покачал головой амбал. — Тем более, что так называемое состояние бодрствования итак ежесекундно превращается в мираж, существующий только в памяти, которая в свою очередь полностью во власти воображения. Если попытаешься освежить события и чувства прошлого, то поймешь, насколько они похожи на сон.

Феде тут же припомнился забавный, как тогда казалось, эпизод, случившийся во время зимней сессии второго курса, после чего ему пришлось признать правоту своего собеседника.

— Ты или психолог, или йог! Угадал? — выпалил он.

— Я-то? Пожалуй, йог, но с психологическим уклоном, — неопределенно ответил Глеб, с нотками иронии в голосе. — К сожалению, вынужден удалиться. Рад был познакомиться, премного благодарен за интересное общение, желаю удачи!

С последними словами он прижал дном опорожненной кружки краешек денежной купюры, кряхтя выбрался из-за стола и скрылся за входной дверью бара. Подошедшему официанту Федор заказал стопку водки, просидел с ней еще около часа, наконец, выпил на посошок, расплатился и поплелся домой.

В выходные дни он раз за разом прокручивал в голове слова любителя пенного напитка, размышляя над ними и засоряя мозги найденными в интернете эзотерическими терминами. С началом же рабочей недели окончательно запутавшийся Федя бросил терзаться сомнениями и решил, невзирая ни на что, попросту воспользоваться данным ему советом. Теперь, просыпаясь поутру, молодой человек напоминал самому себе о начале очередной серии неприятного сновидения, зловещие миражи которого к концу снящегося дня обязательно растают, после чего он пробудится в просторном великолепии дворцовых покоев шахиншахом Ильфаром и вскоре позабудет о нем за своими любимыми занятиями. Поначалу казалось, что ничего не

меняется, но изо дня в день Федор с завидным упрямством убеждал себя в иллюзорности происходящего, мешая глухому раздражению разрастись до потаенной злости, налиться бессильным гневом и принести горький плод болезненной жалости к себе. Мало-помалу настойчивые усилия вошли в привычку и превратились в некое подобие ритуальных действий, несоблюдение которых вызывало дискомфорт. К концу же третьей недели стараний Федя впервые за долгие годы почувствовал умиротворение, осознав внутреннюю пустоту ранее пугающих образов. По меткому сравнению духовных учителей прошлого, которое не раз попадалось ему в сети, вселяющая ужас в путника ядовитая змея при свете дня оказалась обыкновенной веревкой, лежащей поперек дороги.

Вместе со становившимся все более бесстрастным отношением к своему незавидному положению его жизнь удивительным образом пошла более гладко. Свои разъезды по городу Федя все чаще воспринимал как маленькие путешествия, непосредственный начальник прекратил придирается по пустякам, даже дышащий на ладан автомобиль будто забегал резвее. А однажды, заскочив в маленькую булочную после рабочего дня, он разговорился с продавцом Варей, двадцатитрехлетней девушкой из области, которая после второго свидания заглянула к нему домой на чай и вскоре перебралась в его холостяцкую берлогу со всеми своими пожитками.

Но несмотря на это у Федора исчезали последние сомнения в иллюзорности мира, считавшегося с детства реальным. Даже в объятиях пахнущей сдобой сожительницы душой он был там, где в тени кипарисов били украшенные золотом фонтаны его, раскинувшегося зеленым оазисом посреди шумного восточного города дворцового комплекса. Однажды на рассвете не до конца проснувшийся Федя прошептал лежащей рядом девушке:

— О, Ясмина, душа моя, драгоценнейший бриллиант в тиаре, нектар сладчайшего плода, мудрейшая из прекрасных, пожирающий пламень страсти! Не покидай своего господина, побудь со мной до того мгновенья, когда сон унесет властителя Ильфара в чужие холодные земли!

— Какой такой Эльдар? Почему Жасмин? Кого сожрали?! — тревожно воскликнула разбуженная Варя, смотря вокруг себя сонными глазами.

Неотступно следующие за каждым смертным неприятности превратились в малозначительные фрагменты новой серии сновидения и практически перестали выводить из себя обычно раздражительного Федора. Однажды утром его «Логан» заглох прямо на оживленном перекрестке из-за сдохнувшего бензонасоса. Ранее подобное происшествие в самом начале рабочего дня омрачило бы и без того вечно угрюмый настрой молодого человека, неизбежно вызвав приступ отчаяния и жалости к себе. Однако перенос акцента с реальности курьера на действительность монарха снизил остроту восприятия настолько, что Федя воспринял поломку как забавное недоразумение, вносящее разнообразие в череду однообразных событий иллюзорного мира. В другой раз произошла путаница с бандеролями, из-за чего незадачливому курьеру пришлось долго выслушивать язвительные упрёки разгневанной дамы, не дождавшейся своих бумаг. Но вопреки приобретенному с молодых ногтей рефлексу асимметрично отвечать на резкие словесные выпады, Федя сохранил полнейшую невозмутимость и, внутренне потешаясь, позволил женщине исчерпать свой словарный запас, после чего заверил ее в скором исправлении досадной ошибки.

Участившиеся эффекты дежавю вкупе с удивительными совпадениями создавали впечатление, будто мироздание периодически намекает на свою присущее сновидению призрачность. К тому же огромная масса людей от детей младшего школьного возраста до глубоких старцев выпадали из действительности и становились похожими на фантомы из мистического представления, стоило им впиться глазами в свои телефоны, чего в государстве шахиншаха невозможно было представить.

В течение нескольких вечеров по развлекательному телеканалу демонстрировали приключения заколдованного принца, превращающегося, когда им одолевали страх, ложь или гнев, соответственно, то в зайца, то в паучка, то в гадюку. Обычно равнодушный к мультипликации Федор, на свое удивление, сразу же втянулся в просмотр и затаив дыхание следил за развитием сюжета. История сказочного наследника престола напоминала ему собственную судьбу с той лишь разницей, что принц заслужил избавление через мучительное осознание пагубности пороков, а он удостоился спасительного совета без всяких на то усилий. «Может быть, амбал в баре был прав и мне правда повезло оказаться в лапах отчаяния хотя бы для того, чтобы понять, кто я на самом деле и обнаружить обман пугающих миражей, — размышлял подуставший за день автокурьер, растягиваясь на нагретой Варей кровати. — Сейчас очередная серия сновидения закончится, я вновь проснусь в своем дворце, только уже без груза тревоги из этой действительности». Однако тем вечером иллюзорный мир вознамерился показать свой не менее буйный, чем у реальности норов, заставив Федора вылезти из-под теплого одеяла.

А дело было в том, что неожиданно позвонившая Варина мать сквозь слезы сообщила своей дочери о случившемся у отца девушки инсульте и его госпитализации в районную больницу. По окончании разговора подруга Феде по-детски разрыдалась, но быстро взяла себя в руки и, несмотря на поздний час, стала собираться в дорогу.

— Как оставить маму одну в такой ситуации! — восклицала она, спешно втискиваясь в облегающие джинсы. — Надо ехать сейчас, все равно глаз до утра не сомкну!

Учитывая тот факт, что машина автокурьера стояла под окнами во дворе, ее владелец вызвался отвезти Варю в родной городок, не позволив девушке одной укатить на такси. Уже за рулем автомобиля Федора стали обуревать мысли об удивительной силе иллюзии, заставляющей его помогать, сопереживать и в целом относиться с эмпатией к населяющим ее образам. «Зная, что нахожусь в сновидении, я мог бы изобразить сочувствие, ссылаясь на усталость остаться в кровати и вскоре пробудиться на широком ложе властителя, — думал он, набирая крейсерскую скорость на загородной трассе. — Видимо, если наяву я в глубине души добро-сердечный и заботливый отец своего народа, то и во сне моя натура имеет схожие черты».

Дорога до райцентра, где проживали родители Вари, судя по навигатору, должна была занять примерно сорок минут. Отвыкший от ночного вождения Федя быстро почувствовал подзыбытый драйв скоростной езды без ограничений в виде бесконечных пешеходных переходов, уличных перекрестков и автомобильных пробок. Единственным сдерживающим бег машины фактором оказались большегрузные фуры и грузовики помельче,двигающиеся особенно на подъемах значительно медленнее легковушек. В принципе, торопиться было незачем, но, как известно, быстрой ездой легко увлечься, подобно азартной игре. Когда половина пути до райцентра осталась позади, автомобиль Федора нагнал два идущих друг за другом по извилистой трассе большегруза с номерами соседнего государства. Необходимый для маневра обзор отсутствовал и вцепившемся в рулевое колесо Феде пришлось долго плестись в их хвосте. Наконец следующий вторым автофургон, согласно неписаным правилам, включил правый поворотник, извещая водителя легковушки о свободной встречной полосе. Давший по газам Федя начал обгон, однако обойдя один грузовик, тут же нырнул в карман между ними, остерегаясь из-за затяжного поворота завершить маневр. Правда продолжать движение промеж фур ему с Варей пришлось недолго, так как идущий впереди большегруз подал аналогичный сигнал правого поворота. Пока Федор выруливал на встречу, у него в голове промелькнула мысль о том, что в иллюзорной действительности он теперь не только сопереживает, но и доверяет абсолютно незнакомым людям. В следующие мгновение ему в глаза ударили ослепительные вспышки надвигающихся фар, бешено моргающих дальним светом.

— Доверяй, но проверяй, — успел сказать Федя вслух...

«...Доверяй, но проверяй, доверяй, но проверяй, — рефреном звучала в голове просыпающегося шахиншаха незнакомая доселе пословица. — Доверяй, но проверяй». Ильфар раз-

лепил веки и некоторое время лежал на спине, уткнувшись взором в причудливые узоры на резном потолке. Когда же к властителю вернулась ясность сознания, он вдруг уразумел, что может припомнить до мельчайших деталей события и переживания своего сновидения в отличие от предыдущих пробуждений, когда значительная их часть сразу же вылетала из головы. Громко хлопнув в ладоши два раза, шахиншах дал знать страже за украшенными искусной росписью дверьми, что монарху пришло время облачиться в свежие одежды и испить традиционную пиалу утреннего чая.

Ближе к полудню он повелел привести к нему Керуша, остававшегося во дворце в качестве гостя.

— Рад видеть тебя, кудесник! — поприветствовал старца Ильфар, когда тот покорно склонил седовласую голову перед властителем. — Хочу сообщить, что меня тронула до глубины души открывшаяся панорама жизни несчастного, чья трагедия просачивалась из сновидения в явь и отравляла мое существование. Скажи начистоту, это ты пришел дать совет бедному извозчику под личиной мужа, поглощающего янтарное вино из огромного кубка?

— Ваша проницательность безгранична, повелитель. Мне пришлось навестить того, кем вы себя считали в сновидении, чтобы избавить его от уныния и тем самым вернуть вам, как законному обладателю, утерянный покой, — исчерпывающе ответил Керуш.

— Но зачем ты тогда направил на него горящую огнями повозку? — с искренним недоумением спросил шахиншах.

— Вы слишком высокого мнения о моих скромных способностях, — ухмыльнувшись, сказал старик. — Происходящие в каждом из миров события являются следствием мыслей населяющих их обитателей. Я лишь помогаю приходящим ко мне понять это и перестать запугивать самих себя.

— А мне, почему-то, жаль, что я больше не окажусь в его шкуре. С некоторых пор в ней стало так легко и свежо, как бывает пересекшему пустыню с миражами караванщику в тени родного оазиса, — задумчиво произнес Ильфар.

— Он растворился в глубинах вашего воображения, откуда против воли выпадал ночами, где обрел изначальный покой и, по сути, осуществил свою мечту, — не оставляя места сомнениям, молвил Керуш. — А та легкость, которую вы испытали в сновидении, ваша неотъемлемая часть, которой наяву тяжело расправить крылья из-за слишком серьезного отношения к жизни.

— Уж не хочешь ли ты сказать, старик, что мне, как и извозчику, следует принимать себя, государство и весь подлунный мир за мираж?! — возмутился властитель.

Личный гость шахиншаха вопреки вековым обычаям не удостоил хозяина дворца ответом на поставленный им вопрос, лишь только ниже склонил свою серебряную от седины голову. Несмотря на поведение старца, негодование Ильфара не вылилось в гнев, хотя из-за расшатанных нервов он выходил из себя по несравнимо менее веским причинам. Однако рядом с Керушем шахиншах чувствовал блаженное умиротворение, словно все опасения, обиды и разочарования, являющиеся вечными спутниками единовластных правителей, были далеким отголоском оставивших его в покое ночных кошмаров.

Интерлюдия 3: «Веревка поперек дороги»

Писатель сидит абсолютно неподвижно. Фраза «Доверяй, но проверяй» бьется в его голове, как муха в накрытом стакане.

Где он сейчас? В съемной квартире? В баре «Мейстер»? В Доме культуры «Восход» со старыми колоннами? Или на широком ложе, пахнущем сандалом и ладаном?

Писатель понимает: механика его «жесткого закрепления» дала сбой. Он хотел прибивать мир гвоздями к бумаге, но вместо этого построил лабиринт, в котором сам оказался заперт.

Котенок Айша из первого рассказа...

Настя, оставившая ключи во втором рассказе...

Кудесник Керуш, который приходит в чужие сны в третьем рассказе...

Все они — это один и тот же подмигивающий ему фантом.

Вдруг на экране ноутбука сами собой начинают появляться буквы. Писатель не касается клавиатуры. Буквы складываются в слова:

«Вы слишком высокого мнения о моих скромных способностях, — ухмыльнувшись, сказал старик Керуш. — Происходящие в каждом из миров события являются следствием мыслей населяющих их обитателей...»

Писатель в ужасе вскакивает. Стены его комнаты на секунду покрываются узорами с резного потолка дворца Ильфара, а под ногами — мокрый кладбищенский снег. Ему нужно заземление. Жесткий, осязаемый мир. Пусть это будет студент в старомодном кинотеатре, прячущийся от дождя.

ГЛАВА 4

Вести коней к воде по открытому и хорошо просматриваемому отовсюду пологому спуску со стороны сопровождающих монарха многоопытных рыцарей было непростительной ошибкой, в результате которой предводителя воинства пришлось срочно эвакуировать с окрестностей поля брани в один из приграничных замков. Пущенная с противоположного берега узкой речушки стрела, пробила своим бронзовым наконечником кованую кирасу Рианорикса и вошла в грудь на полпальца. Вряд ли затаившийся за переплетениями ивовых ветвей вражеский арбалетчик знал, что метит в самого короля Северных Земель, успевшего пройти вместе со своими ратниками сквозь горнило главных сражений затянувшейся войны, развязанной содружеством соседних агрессивных государств. Вонзившаяся стрела не достала до сердца, но раздробила два ребра и образовала гнойную рану, отчего и без того изношенный в походах организм стал слабеть не по дням, а по часам и в итоге всего через месяц стареющий самодержец оказался одной ногой в могиле.

Столь неожиданное развитие печальных событий сделало фактическим правителем Северных Земель его супругу королеву Иоланту, что позволило злым языкам при дворе прозвать ее «наседкой», греющей трон для их единственного с правителем сына принца Гадриана. Сам же монарх из-за полного упадка сил уже не мог серьезно вникать в государственные дела, а когда наступали периоды относительной ясности сознания, лишь вспоминал свои прошлые успехи и неудачи, навевающие размышления о вечном. В один из таких моментов он распорядился привести к себе одного из бродячих мудрецов, коими испокон веков славились Северные Земли. Не имеющие собственности и семьи пилигримы круглый год находились в пути, совершая вечное паломничество по многочисленным священным капищам, а также местам силы, в результате чего, как гласило дошедшее из древности устное предание, окончательно освобождались от земной суеты и обретали высшее знание.

Тем же днем в покоях короля появился седобородый человек в длиннополом сером балахоне с короткими широкими рукавами, который повинувшись жесту правителя послушно опустился на дубовый стул возле просторного ложа.

— Скажи, добрый человек, как мне надлежит встретить свою кончину? Я был свидетелем многих смертей, видел в глазах уходящих иногда спокойное безразличие, но чаще ужас вместе с обреченностью. Теперь же сам малодушничая перед неизбежным, словно новобранец накануне жестокой битвы, страшаюсь расстаться с жизнью, хоть меткая стрела неприятеля и сделала ее вмиг невыносимой, — произнес Рианорикс, не поднимая головы с подушек.

— Вам, государь, без моего напоминания хорошо известны священные заветы, согласно которым умирающий должен оставить суетные помыслы о земных заботах, успокоиться, после чего сосредоточиться на ожидающей всякого смертного вечной обители. Непрерывное размышление о небесных рощах Богов и предков позволит сохранить самообладание, а также откроет дорогу туда даже тому, чей жизненный путь не был примером для подражания, — вежливо ответил пилигрим, представившийся Парзифалем. — Поэтому ясность сознания накануне смерти огромная привилегия по сравнению с ее внезапным приходом или забытием, исключаящими возможность перевести взгляд с бренного на вечное. Вы же отдали всего себя на благо отчизны, а значит нет повода для малодушия, скорее, стоит возрадоваться из-за близящейся встречи с небесными покровителями.

— Легко сказать, но трудно сделать. Я настолько привязался к окружающим людям, красоте мира, вжился в свою роль властителя, что мысль о близящемся расставании с дорогими сердцу образами ввергает меня в смятение, недостойное особы благородных кровей, — тяжело дыша промолвил Рианорикс, вглядываясь в высокий потолок.

Задумчиво поглаживая бороду, вечный паломник выдержал короткую паузу, после чего тихо сказал:

— Чтобы сохранить невозмутимость на пороге смерти, следует с юных лет научиться проживать каждый день, как последний и всегда помнить о хрупкости человеческого тела. Обычно люди пренебрегают этой заповедью, вследствие чего прикипают душой к тому, что обречено на исчезновение. Однако встать на путь истины никогда не поздно, поэтому с сегодняшнего дня сверяйте каждый свой шаг с дошедшими до нас наставлениями мудрых волхвов, тогда и спокойствие сохраните, как только ваша жизнь вновь повиснет на волоске.

— Почему вновь? — опешил король, думая, что ослышался. — Разве я не умираю прямо сейчас?

— Всякая тварь начинает умирать с момента рождения, просто иногда может казаться, будто жизнь продлится бесконечно долго. Скоро к вам вернется эта свойственная многим людям уверенность, по крайней мере я ясно ощущаю начавшееся самоисцеление вашего раненого тела...

Дениса поначалу не занимала беседа властителя выдуманной страны с загадочным пилигримом, однако разворачивающаяся на экране история постепенно всецело завладела его вниманием. Вообще смотреть картину он совсем не планировал, а в кинотеатр забежал, прячась от внезапно хлынувшего апрельского дождя, чьи ледяные струи вмиг распугали немногочисленных прохожих близлежащего бульвара. По просторному полутемному холлу старомодного здания гуляли сквозняки, из-за чего Дену не терпелось поскорее покинуть пределы унылого убежища, только усиливающего ощущение подавленности, сопровождающего его все последнее время. Но было ясно, что дождь зарядил надолго, к тому же планы на вечер отсутствовали, поэтому он, услышав первый звонок, подошел к подсвеченному окну кассы и приобрел билет на начинающийся через несколько минут сеанс.

Когда в зале просмотра плавно погас свет и начался показ рекламных трейлеров новинок сезона, Денис насчитал всего восьмерых зрителей вместе с собой, чему мало удивился. Кинотеатры с каждым годом теряли популярность, не выдерживая конкуренции с огромными жидкокристаллическими и плазменными экранами, предлагавшими своему хозяину насладиться практически любой лентой мирового кинематографа в наивысшем качестве. Кроме того, сам фильм никак нельзя было назвать кассовым блокбастером с известными актерами в главных ролях, поэтому он вполне ожидаемо привлек внимание небольшого числа людей, готовых пожертвовать ради него двумя часами своей жизни.

Сюжет картины оригинальным назвать было сложно, тем не менее выпавшие на долю главного персонажа испытания и душевные терзания Денис по неведомой причине с самого начала просмотра воспринимал близко к сердцу. Он сам переживал сложный период своей жизни, созвучный, как ему казалось, по остроте восприятия с душевными муками короля Рианорикса, несмотря на несопоставимый масштаб вызвавших их событий. В отличие от получившего тяжелое ранение монарха, восемнадцатилетний студент первого курса оказался буквально сражен несчастливой стечением обстоятельств. Бросившись из самых лучших побуждений разнимать внезапно вспыхнувшую потасовку двух своих одноклассников, он не рассчитал силы и излишне резво оттолкнул одного из драчунов, в результате чего тот потерял равновесие и при падении сломал лодыжку. После того, как скорая помощь увезла бедолагу из институтского корпуса, к нему подошел замдекана — на редкость желчный тип, и сообщил о решении подать на подпись ректору приказ об отчислении Дениса, не преминув упрекнуть студента в обозначившейся академической неуспеваемости из-за «окончательной потери связи с вузом». Будучи после случившегося на взводе, Ден не сдержал клокотавших внутри эмоций и в резких выражениях высказал заместителю декана все, что о нем думает, чем вынес себе окончательный приговор.

Уйдя в сердцах с занятий, юноша весь оставшийся день бродил по незнакомым кварталам мегаполиса, мысленно представляя свое бесславное возвращение в сонную атмосферу родного провинциального городка, заранее предугадывая уничижительные слова разгневанного отца и воздыхания опечаленной матери. К вечеру незадачливый студент уже плохо понимал, в каком районе оказался, поэтому решил после короткого отдыха на одной из скамеек весеннего бульвара найти станцию метрополитена и до наступления ночи вернуться в свое общежитие. Однако апрельский ливень загнал его под крышу культурного заведения, где шел прокат ленты о духовном становлении вымышленного властителя мифического государства.

Тем временем на широком экране разворачивалось действие, в котором пошедший на поправку Рианорикс начал по совету мудреца рассматривать даже самую благоприятную ситуацию не более чем мимолетную игру наблюдаемых форм и образов, чья выигрышная конфигурация в скором времени должна измениться вопреки всем усилиям сохранить сложившийся на данный момент расклад. Подобное воззрение монарха хоть сперва и омрачало переживание радостных мгновений, однако щедро вознаграждалось неколебимым душевным равновесием в куда более частые моменты трудностей и утрат, которые перестали нагонять на него уныние и лишать покоя в свете осознания их скоротечности. Вскоре из жизни Рианорикса стала уходить неизменно сопутствующая ей тревожная настороженность, а с исчезновением страха перед будущими невзгодами король в полной мере ощутил вкус подлинной свободы. Постепенно к нему пришло понимание того, что страдания чаще всего порождались его бурными реакциями на быстро меняющиеся события и ситуации, которые без придаваемой им важности вряд ли могли задеть за живое, а вскоре и вовсе забывались. Монарх прекратил переживать из-за того, чего не мог исправить и все больше полагался на силу провидения, считая себя орудием в руках высших сил, которым позволил беспрепятственно рисовать причудливый узор своей судьбы. Как только истина о предначертанной природе всего ранее произошедшего поселилась в сознании, с королевских плеч упал груз тяжких дум об упущенных возможностях и нерешенных задачах, что позволило избавиться от снедающего чувства вины за неизбежные на многолетнем поприще властителя промахи и вздохнуть наконец полной грудью.

Бесчисленные преткновения в решении государственных вопросов, которыми Рианорикс по выздоровлении занялся вновь, теперь рассматривались как скрытое благословение Богов, напоминавшее ему о несовершенстве порядков брэнного мира. Такой подход удивительным образом позволял находить кратчайший выход из самого запутанного лабиринта проблем, а в случае возникшего тупика без привычного негодования отойти в сторону и дать самому течению вечно меняющейся жизни преобразить ситуацию вместе с отношением к ней. Даже когда начинала ныть затянувшаяся рана, король не спешил принимать назначенное лекарями снадобье. Встреченная спокойным безразличием боль быстро достигала своего пика и тут же отступала, озадаченная столь равнодушным приемом.

На исходе десятого года войны с соседними княжествами наконец-то удалось заключить долгожданное перемирие, после подписания которого властитель направился в свой дворец у южного взморья. После того, как король со свитой сопровождающих его рыцарей проскакал по горбтому мосту над стремительной рекой, столбовая дорога по ходу движения оказалась перекрыта большим отрядом вооруженных до зубов всадников. Каменная переправа за их плечами также была заблокирована. Выдвинувший навстречу монаршей процессии парламентар безмолвно вручил одному из рыцарей охраны лист папируса, из которого следовало, что в связи с очевидным для всех помешательством нынешнего самодержца, вся полнота власти в стране перешла к принцу Гадриану, которому уже присягнул на верность столичный гарнизон и самые боеспособные части войска. Рианориксу предписывалось немедленно сдаться представителям новой власти, гарантирующей ему жизнь, уважение и безбедную старость в живописных пределах отдаленного лесного поместья.

Поначалу властитель отказывался верить в змеиное коварство единственного сына и измену поддержавших его ратников, однако перечитав ультиматум, безошибочно узнал вышедший из-под пера жены слог. На ум сразу же пришла мысль, что поднаторевшей в дворцовых интригах Иоланте не составило труда запудрить голову и без того смотрящему в ее рот принцу, после чего посулить охочим до роскоши военачальникам золотые горы за предательство. Видимо, врожденная дьявольская хитрость, помноженная на стремление к абсолютной власти, а также растущая год от года едва скрываемая неприязнь к своему властвующему супругу, подтолкнули королеву вонзить нож ему в спину.

Мгновенно собравшись, Рианорикс велел самому храброму всаднику сбросить тяжелые доспехи и мчаться через поля за подмогой стоявших у границы верных ему сил, а рыцарям окружения приказал занять самые крепкие строения придорожной деревушки чтобы держать в них оборону как можно дольше.

Этот эпизод обещал зрителю хоть какой-то экшн во второй половине фильма, однако Денис только теперь обнаружил свое полное одиночество в темном пространстве вместительного зала. Судя по всему, разочарованные киноманы предпочли незаметно покинуть заведение культуры, не выдержав тяготно отображенное преображение монарха в результате следования вековыми заветам волхвов.

В следующем эпизоде властитель, оказавшийся на чердаке одного из островерхих домов с высокой двускатной крышей, задумчиво говорит своему верному оруженосцу Леандру:

— Все последнее время я не могу отделаться от чувства, будто кто-то с нарастающим интересом наблюдает за мной. Словно замороженный созерцатель рассматривает ожившее полотно с идеально изображенными сценами из моей жизни. Я же подобно артисту придворного театра самозабвенно играю свою роль для неведомого зрителя даже теперь, когда нахожусь в смертельной опасности.

После этих слов воцарилась оглушительная тишина, а на экране появились крупно взятые глаза Рианорикса, которые бесконечно долгую минуту пристально вглядывались в зал. Странный фрагмент кинокартины здорово напугал Дениса, отчего он вжался в свое кресло и непроизвольно поежился. Ему, как единственному оставшемуся зрителю, начало казаться, будто произнесенными фразами и совершенными действиями персонажи ленты пытаются донести до него какой-то важный посыл, намного более глубокий, чем основная идея сюжета.

Когда окружившие деревушку мятежники получили отказ на свое требование, в ход пошли подожженные стрелы. Их явное намерение без лишних сантиментов поджарить монарха, словно праздничного гуся, свидетельствовало о том, что государева смерть вполне устраивала главарей заговорщиков. Вскоре дом, где укрывался Рианорикс, занялся огнем, который стал быстро распространяться по кровле. Король вглядывается в небо через слуховое окно и, преодолевая мучительное удушье, обращается к всемогущим божествам:

— Я встал на путь дарованной вами истины, успев насладиться свободой штормовой волны, не беспокоящейся о своем непрерывном изменении во время краткого существования и спокойно возвращающейся в изначальное бытие бескрайнего океана. Однако от осознания скорой гибели меня все равно охватывает замешанный на горечи расставания трепет. Ведь насколько бы высоко не взмыл я духом, тело остается прикованным к земле. Именно из-за этой роковой двойственности мыслящий человек страдает даже больше, чем не ведавшее прозрений животное!

После крика души Рианорикса камера оператора от смотрового окна плавно взмыла вместе с клубами дыма в поднебесье и на широком экране открылся общий вид объятый пламенем деревушки с высоты птичьего полета.

С начала сеанса прошло менее часа, поэтому Денис предположил, что король и теперь обязательно выживет, а если погибнет, то только ближе к финалу кинокартины. Он был всецело захвачен появившейся динамикой фильма, и даже, как ему казалось, ощущал запах гари от

сжираемых пожарищем сельских строений. Вскоре единственному зрителю стало заметно, как пространство в кинозале подергивается сгущающейся дымкой, а спустя еще одно мгновение он, непроизвольно зажмурив слезящиеся глаза, зашелся в судорожном кашле. В итоге Денису пришлось вскочить с кресла и начать инстинктивную эвакуацию из задымленного помещения. Несмотря на спешку, головокружение и размытое зрение, он бросил взгляд на широкий экран, где взятый крупным планом Рианорикс в густом дыму исходил крупным потом и содрогался от надрывного кашля.

Выбежав в панике из зрительного зала, Ден взорвался возмущенным криком:

— Вы спите что ли!? В кинотеатре пожар! Я чуть насмерть не угорел!

Ответом ему была тишина пустынного фойе, освещенного тусклым сиянием массивной потолочной люстры. В ту же секунду неожиданно громко зазвучали резкие сигналы пожарного оповещателя, заставившие ничего не понимающего зрителя вздрогнуть, попятиться назад и, оступившись, удариться плечом о яркую витрину попкорн-бара, враз покрывшуюся паутиной трещин. Окончательно растерявшемуся Денису меньше всего хотелось приумножать напасти злосчастного дня, поэтому он, не проронив больше ни слова, метнулся к стеклянным дверям заведения культуры и вскоре шагнул прочь от него по сумеречному бульвару.

Ночью он долго не мог уснуть, то и дело ворочаясь на общаговской кровати, чей жалобный скрип был бессилён потревожить крепкий сон соседа по комнате. В уме всплывали эпизоды недосмотренного фильма, вспоминалась пугающая атмосфера безлюдного фойе загадочного кинотеатра, иногда возвращалось ощущение удушья задымленного зала, словно подожженного вылетевшими с экрана огненными стрелами мятежников. На удивление редко приходили быстро тающие мысли о готовящемся заместителем декана приказе, хотя до странных событий прошедшего вечера практически свершившееся отчисление из института воспринималось не иначе как конец света. К еще большему изумлению уже собравшегося прощаться с однокурсниками студента, узнавший все подробности потасовки замдекана, сменил гнев на милость и в личном разговоре признал, что погорячился с приказом, однако в силу своего ехидства все-таки вынес в завершение беседы устное замечание.

Казалось бы, жизнь самым чудесным образом вновь наладилась, однако прежней ее назвать можно было лишь с большой натяжкой. Из головы Дениса ни днем ни ночью не выходила история прерванного вследствие загоревшейся, как он полагал, проводки просмотра. Она нарушила привычное душевное спокойствие юноши, а также стала отправной точкой формирования нового взгляда на себя и окружающий мир.

Поначалу Ден пытался найти в интернете информацию о фильме, название которого вылетело из памяти по причине случайного попадания на сеанс. Но «загугливание» по известной ему части сюжета дало нулевой результат, даже помощь лучших сайтов для киноманов с их фильтрами поиска ленты по жанрам, годам выхода и странам ее производства не помогла.

Тогда он решил действовать иначе и большую половину одного из воскресных дней потратил на поиски кинотеатра, в котором чуть не угорел. После утомительной езды в общественном транспорте с частыми пересадками и долгих блужданий по дебрям незнакомых районов Денису наконец удалось отыскать бульвар, где его застал ливень. Однако теперь он почему-то упирался вместо старомодного здания кинотеатра в перекресток, за которым возвышались многоквартирные дома. Ошибки быть не могло, так как на противоположном его конце в прозрачном шатре ожидал скорого пробуждения законсервированный на зиму фонтан, чью форму в виде изящного лебедя Ден хорошо запомнил. Нашлась и деревянная скамейка с вырезанным на одной из ее досок косым крестом, откуда присевшего передохнуть студента согнал апрельский проливной дождь.

В крайнем недоумении Денис некоторое время бродил по брусчатке бульвара, не замечая дурманящего аромата лопнувших почек и первой травы. Он уже собрался поинтересоваться у проходящей мимо пожилой пары, куда делся кинотеатр, однако вовремя опомнился и скор-

ректировал свой вопрос, просто попросив указать дорогу к нему. Супруги обстоятельно объяснили молодому человеку, что ближайший заведение подобного типа находится в двадцати минутах ходьбы у станции метро, а возле бульвара сроду не было даже фабричного клуба или дома культуры. Спустя полчаса, перед тем как войти в метрополитен, Ден мельком взглянул на сияющий в лучах весеннего солнца большой развлекательный центр, не имеющий ничего общего со старомодным зданием середины прошлого века, которое он безуспешно пытался найти.

На майские праздники Денис укатил домой, где вдоволь вкусил родительского тепла, а также наелся от пуза приготовленными заботливой матерью блюдами домашней кухни. Пропахшие запахами костров и жареного шашлыка по-летнему прогретые дни с очарованием едва подернутых зеленью деревьев, создавали атмосферу вечно торжествующей жизни. Разомлевший в ласковых ладонях весны первокурсник, во время бодрствования практически перестал терзаться бесплодными догадками и напряженными раздумьями о загадочном сеансе, однако каждое сновидение воскрешало его в самых причудливых вариациях. Иногда это были кошмары, где он выбегал в безлюдное фойе из охваченного пожаром зрительного зала, долго и безуспешно пытался докричаться до кого-нибудь из персонала заведения, а когда в конце концов решал покинуть кинотеатр, вместо улицы вновь попадал в задымленный зал. Правда, чаще во снах Денис сам искал место проведения сеанса и даже бросался на звучащее где-то поблизости музыкальное сопровождение фильма, вот только всякий раз быстро терял след, после чего долго блуждал по незнакомым переулкам, аллеям и дворам под холодным проливным дождем.

Возвратившемуся к занятиям студенту накануне летней сессии волей-неволей пришлось с головой погрузиться в изучаемые дисциплины, поэтому загадочная история теперь напоминала о себе исключительно после отхода ко сну, когда жутковатая игра воображения возвращала вытесненные во время бодрствования мысли. Вот только все чаще на лекциях, лабораторных занятиях, в общаге, столовой и библиотеке он ощущал на себе чей-то любопытный взгляд, однако, оглядываясь по сторонам, никогда не обнаруживал смотрящего. Поначалу Денис списывал все на утомляемость и недосып, стараясь меньше думать о странном переживании или вовсе его игнорировать. Но случаи необъяснимого феномена сделались настолько частыми, что потерявшему естественную раскованность из-за чувства постоянного внимания чужих глаз студенту, начало казаться, будто он вынужденно играет роль своей жизни для неведомого зрителя.

Возникшее намерение сходить в поликлинику для консультации со специалистом было с ходу отброшено из-за боязни постановки на учет к психиатру, не говоря о диспансеризации со всеми вытекающими последствиями. Оставалось только найти в себе силы для принятия новой реальности и научиться в ней существовать, лелея надежду на скорое восстановление прежнего состояния. Как известно, здоровый организм молодого человека способен адаптироваться к самым на первый взгляд невыносимым обстоятельствам. Что еще вчера для него было неприемлемым, сегодня уже покажется сносным, а завтра и вовсе станет в порядке вещей.

Денис понемногу свыкся с присутствием невидимого наблюдателя в своей жизни и даже время от времени ловил себя на том, что старается выглядеть безукоризненно в его глазах. В конце концов неприметному первокурснику по большому счету скрывать было нечего от кого бы то ни было, особенно если учесть полное отсутствие интимных отношений. Лишь изредка он встречался ради вечерних прогулок возле общежития с однокурсницей Наташей, в которой разглядел родственную душу еще будучи, как и она, абитуриентом накануне вступительных экзаменов.

— Я совсем не узнаю тебя! — заявила она на исходе одного из погожих майских дней, когда пурпурный от закатных лучей воздух кишел юркими стрижами, звонко вторящими торжественной песне весны. — Влюбился, или еще какая беда приключилась?

Застигнутый врасплох неожиданным вопросом Ден, хотел изобразить на своем лице гримасу непонимания, но сама окружающая студентов атмосфера непритворного праздника жизни была противна лжи и недоговоркам, поэтому юноша поведал как на духу о преследующем его с недавних пор ощущении, правда про случай с кинотеатром все же благоразумно промолчал.

Однокурсница особенного изумления не выказала, словно ежедневно выслушивала подобные откровения. После многозначительной паузы она, хитро прищурившись, взглянула на своего притихшего в ожидании реакции на сказанное спутника и произнесла вкрадчивым голосом:

— А может и правда за нами сейчас следит незнакомец или неровно дышащая к тебе незнакомка? Это так будоражит. Давай внесем перчинку в оригинальный сценарий наших встреч и сделаем вечер менее томным, чтобы не дать заскучать таинственному зрителю.

С последними словами Наташа подалась к юноше, встав на носочки обвила его шею руками и быстро поцеловала своего растерявшегося спутника прямо в губы.

Давно заметивший благостное расположение однокурсницы Денис, все же не ожидал от нее такой прыти и в силу своей природной скромности густо покраснел. Однако мгновение спустя, почувствовав на себе уже привычное внимание незнакомого взгляда, вместо окончательного впадения в ступор тут же раскрепостился, после чего сам сжал девушку в крепких объятиях. И все потому, что ему вдруг захотелось превзойти все ожидания, дабы сорвать аплодисменты впечатленного наблюдателя, а также наглядно показать, как временами бьет ключом обычная жизнь неприметного первокурсника.

С той вечерней прогулки Ден осознал себя актером на огромной сцене бытия и принялся мастерски исполнять написанную судьбой роль, не требующую дополнительных усилий и артистического таланта. Он продолжал жить по-прежнему, только теперь воспринимал все свои действия, каждый шаг эпизодами представления, в котором отсутствуют антракты и заключительная сцена. Новое восприятие себя и действительности вовсе не обременяло студента, скорее наоборот — его переполняло спокойствие и, что удивительно, переживание свободы из-за невозможности отойти от божественного сценария. Ранее Денис сам был творцом своей жизни, а следовательно, единственным ответственным за последствия ежедневно принимаемых решений, что порядком отравляло его существование из-за нескончаемой череды сомнений, опасений и разочарований. Став актером вселенского театра, он начал вторить божественному суфлеру и действовать по его подсказке, что исключило возможность личной ошибки. А так как Ден считал высшие силы источником любви и добра, то все происходящее с ним по воле Небес в конечном итоге обязательно должно было привести к подлинному благу, даже если иногда из-за появляющихся трудностей возникало иное впечатление.

Ему часто вспоминалась притча о любившем приговаривать «Все, что ни делается, — к лучшему» королевском визире, который обронил эту фразу, когда монарх случайно поранился. Взбесившийся властитель повелел заточить посмевшегося произнести такое наглеца в тюрьму, а сам отправился на охоту, где сам оказался добычей пленивших его дикарей из лесного племени. Когда же они собрались принести короля в жертву, на его теле обнаружилась свежая рана. По существовавшему в племени поверью приносить такого человека в жертву было нельзя, дабы не разгневать свято чтимое божество. Ритуал пришлось отложить на несколько дней, но вскоре прочесывающие лес войска обнаружили табор дикарей и освободили монарха. Вернувшись во дворец, властитель первым делом приказал привести к нему визиря, а когда тот появился в дверях, король воскликнул:

— Ты был прав! Полученная по неосторожности рана действительно оказалась к лучшему для меня!

— И для меня тоже, — спокойно ответил визирь. — Ведь если бы не заточение в тюрьму, я по обыкновению сопровождал бы вас на охоте, а у меня-то на теле сейчас нет ни царапины!

Постепенно сложившееся отношение к жизни, как к интересному фильму со счастливым концом, избавило Дениса от фонового беспокойства вместе с то и дело возникающими смутными предчувствиями и свербящим желанием во что бы то ни стало утереть всем нос. Впервые с беззаботной детской поры он прекратил искать благосклонности окружающих, подстраиваясь под их мнение, а также стараться соответствовать чужим ожиданиям, в результате чего вновь стал самим собой. Появившаяся легкость высвободила зажатые в тисках комплексов и сомнений умственные способности заканчивающего первый курс парня, что заметно улучшило успеваемость, а когда пришел сессионный период, помогла ему благополучно выдержать все экзамены.

После завершения учебного года с его плотным графиком занятий два свободных летних месяца казались едва ли не бесконечностью. Вернувшийся на каникулы домой Ден занимал себя общением с друзьями, компьютерными играми, велосипедной ездой по живописным окрестностям и работой на дачном участке. Окончательно свыкшись с ощущением постороннего взгляда, он теперь с наслаждением играл роль студента, почивающего на лаврах после удачного окончания первого курса. Иногда ему казалось, будто за ним наблюдает само мироздание, отдавая должное его актерскому мастерству, ставшему безупречным после осознания своего места на вселенских подмостках и полной сдачи себя в руки высших сил.

Конец июля выдался настолько знойным, что обычно сочная трава стриженных газонов пожухла до срока, превратившись в серо-желтую солому. Проснувшийся поздно утром Денис, наскоро позавтракал, отыскал в комодке свои старенькие плавки, и не дожидаясь полуденного пекла, пешком направился к пробегающей в пятнадцати минутах ходьбы от дома реке. Знакомый с детских лет небольшой пляж оглашали звонкие голоса — компания ребят лет девяти-десяти гоняла мяч, и только поодаль на разложенном покрывале восседали две женщины.

Искупавшийся в прогретой до самого дна и уже начинающей «цвести» воде, Ден распластался спиной на травяном пятачке, огороженном от песчаного пляжа раскидистыми ивами. Несмотря на громкие крики резвящихся мальчишек, дочерна загоревших за два минувших месяца каникул, его начала одолевать сладкая дремота, чьи объятия на лоне природы казались особенно сладкими. Однако, когда он уже подошел к той неуловимой грани между явью и сном, где одинаково четко воспринимаются образы двух миров, в которых человеку суждено обитать, блаженное умиротворение разлетелось вдребезги из-за грянувшего громом басовитого голоса:

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Денис вздрогнул и тут же открыл глаза, увидев склонившегося над собой парня, но только спустя секунды, когда сознание окончательно вернулось в явь, узнал белозубый оскал своего школьного кореша.

— Рад видеть тебя, Петро! — воскликнул студент, вскакивая на ноги и обнимая разбудившего его приятеля. — Никак не ожидал, что снова встретимся! Ты же после школы к своему отцу на Север укатил! Работать там, кажется, собирался?

— Вернулся вчера, но ненадолго. Кое-какие дела с документами улажу и обратно в Воркуту, — ответил бывший одноклассник, улыбаясь во все лицо. — Пойдем, окунемся, а потом посидим, потрещим, пивка попьем.

Он поставил большую пластиковую бутылку на траву и стал стягивать с себя майку. Еще не успевшему обсохнуть Дену, пришлось за компанию вновь лезть в воду.

Выбрались они на берег лишь после того, как сил на новые заплывы и нырки уже не оставалось. Расположившись в тени раскидистых ив, друзья хлебнули по очереди теплого горьковатого пива прямо из горлышка, а затем принялись делиться последними новостями и впечатлениями от первого года по-настоящему взрослой жизни. Когда разговор зашел об успехах школьных друзей и подруг, в ветвях послышался шум, сразу после чего прямо перед ними упал и весело поскакал по траве яркий футбольный мяч, чуть не сбивший открытую пластиковую бутылку. Вскочивший Петр тут же нагнал его, взял в руки, и вратарским ударом правой ноги

отправил на середину реки, куда он с брызгами плюхнулся и оранжевым поплавком стал медленно двигаться по течению.

— Зачем!? — вырвалось у недоумевающего Дена.

— Совсем мелкие оборзели! — зло блеснув глазами, прошипел его кореш. — Надо смотреть, куда пинаешь!

За нависшими над берегом тонкими ветвями ивы послышались взбудораженные ребячьи выкрики: «Сейчас уплывет!», «Блин, что делать!», «Меня брательник прибьет!». Вскоре по приглушенным всплескам стало ясно, что кто-то из них забежал в реку, а минуту спустя школьные друзья увидели над водой маленькую светловолосую голову, приближающуюся к яркому мячу.

— Пусть поплавает милюзга, освежится немного в перерыве футбольного матча! — хохоча бросил Петро и сделал большой глоток из бутылки.

Денис никак не отреагировал на пренебрежительное замечание приятеля, с безотчетным волнением наблюдая за мальчишкой. Когда до мяча ему оставалось всего ничего, светлая голова вдруг исчезла из вида. В следующее мгновение на поверхности вдруг показались его вскинутые руки, пару раз призывно махнувшие непонятно кому. Тотчас Петр выронил бутылку из рук и с разбега бросился в сверкающую на солнце воду, после чего быстро поплыл кролем в сторону паренька, оставляя на поверхности реки пенный след. В отличие от своего приятеля, Ден так и не научился уверенно держаться на воде, поэтому беспомощно наблюдал за всем происходящим с берега. Тем временем школьный кореш быстро достиг середины узенькой речки, поднырнул под паренька, чья голова все это время то появлялась, то снова исчезала из вида, вытолкнул его пузом вверх на поверхность, обхватил лицо мальчика сзади ладонями, и гребя по возможности одной рукой, поплыл на спине к берегу, увлекая за собой пацана. Иногда до Дениса доносились сдавленные детские возгласы: «Пусти!» и «Я сам!». Когда плывущие наконец достигли мелководья, вырвавшийся мальчишка пробежал мимо стоявших у кромки воды ребят, упал на песок и зарыдал. Его тут же обступили друзья-футболисты и две подоспевшие женщины. Абсолютно лишенный внимания Петр тем временем вернулся под сень ивовых деревьев, поднял бутылку, отвернул крышку, сделал несколько жадных глотков, отдышался, после чего сказал стоявшему в каком-то оцепенении Дену:

— Все норм. Запаниковал пацан малость, когда понял, что далеко от берега уплыл. Со мной такое тоже было давным-давно. Хорошо, хоть воды толком нахлебаться не успел.

Он опять присосался к бутылке и в этот самый момент из раскидистых ивовых ветвей, напоминающих длинные зеленые косы, появилась дородная женщина в сплошном купальнике и сходу на них набросилась:

— Зачем мячик в реку запульнули? Глаза с утра залили и совсем ума лишились? Из-за вас чуть ребенок не утонул! Идите сами и топитесь, раз делать нечего, а к детям близко не приближайтесь! — истошно орала она. — А тебя, Петька, я помню, и матери твоей все доложу!

— Может, это не я мяч бросил, а вон, студент? — кивнул он головой в сторону Дениса и загоготал, даваясь очередным глотком пива.

— На всех управу найду! — рывкнула женщина, зло зыркнула на притихшего Петькиного приятеля, после чего удалилась, бормоча проклятья.

Когда дар речи вернулся к Денису, он попытался выяснить, зачем школьный кореш оговорил его, но тот перевел все в шутку и напомнил о своих решительных действиях, благодаря которым нет утонувших и каких бы то ни было проблем вообще. Однако для отдыхающего на каникулах студента они начались именно тогда.

Спустя пару дней после произошедшего на речке у обычно разговорчивых соседей и встреченных знакомых вдруг пропало желание общаться с ним. Иные даже делали вид, будто не видят юношу в упор. Причина столь загадочной перемены в отношении окружающих стала понятна вечером, когда пришедшая домой мать расплакалась и рассказала пытающемуся успо-

коить ее сыну о пересудах среди служащих почтового отделения, где она работает всю жизнь. Согласно распространившимся разговорам Денис чуть было не стал причиной смерти мальчика, проводящего каникулы у бабушки, мяч которого он злонамеренно швырнул подальше от берега. И если бы не решительность его приятеля Петра, бросившегося на помощь тонущему ребенку, в то время как сам виновник случившегося спокойно взирал на происходящее, избежать трагедии вряд ли бы удалось.

В маленьком городке кривотолки разносились со скоростью лесного пожара, поэтому до Дена сразу дошло, какую свинью ему подложил школьный друг, а также местная сплетница. Доказывать всем свою невиновность, борясь с людской молвой, было бесполезно. Вместо того, чтобы попусту тратить силы, Денис попытался объяснить с родителями. И если мать внимательно выслушала сына и вроде бы как поняла, то со отцом беседа не задалась изначально из-за его крайней недоверчивости к людям, особенно молодым парням, в которых он почему-то видел потенциальных преступников. Устав от безосновательных нападок раздухарившегося папаши, Ден демонстративно отказался ужинать вместе с родителями и молча ушел в свою комнату, громко хлопнув за собой дверью.

Дозвониться до Петра оказалось не так просто, а когда так называемый школьный друг наконец взял трубку, Денис обрушил на него свой гнев, многократно усиленный недолгим общением с отцом. Петр оказался навеселе, поэтому за словом в карман не полез, грубо высмеяв претензии звонившего и припомнив ему старые обиды, после чего прервал связь.

Последующие несколько дней обескураженный студент провел затворником, стараясь по возможности избегать общения с предками и только в случае крайней необходимости выходить из своей маленькой комнатки. Еще вчера до боли родной городок с его знакомыми лицами и тихими улочками, где было так уютно на душе, теперь казался зоной обитания скрытых недоброжелателей с тяжелыми камнями за пазухой. «Я вырос среди людей, которых ошибочно считал разумными, — мысленно негодовал он в припадке мизантропии. — Как можно выносить скоропалительные суждения на основе лживых слухов? Почему гнусная клевета принимается за чистую монету, а слова правды обычно вызывают сомнения?».

Все попытки Дена вернуться к состоянию душевного равновесия последнего времени оказались напрасными, сколько бы юноша не вспоминал о своей роли в божественной пьесе вселенского театра. Переживая ни больше ни меньше, как крушение привычного мира, хорошо знакомого и казавшегося незбылемым, он ощущал себя королем Рианориксом на объятom пламенем чердаке и все более проникался пониманием к попавшему в смертельную ловушку монарху, чей крик души сейчас резонировал с его собственными эмоциями. Подобно киношному властителю Денис успел ощутить легкость существования без вечного груза сомнений и тревог, неподвластных человеческому рассудку. С каждым днем в нем росла уверенность в том, что новое состояние уже невозможно как-то поколебать, однако первое же столкновение с жестокой реальностью развеяло радужную иллюзию и показало, насколько сложно возвысится до уровня, позволяющего игнорировать мнение окружающих о себе. Возникшее вследствие столь безрадостного факта разочарование, выливалось вспышками бессильной злобы, а также гневом на всех без разбора жителей городка, которые теперь представлялись ему воплощением двуличия и невежества.

Вполне логичное в сложившихся обстоятельствах решение поскорее покинуть отчий дом само собой созрело одной из душных ночей. Следующим днем, когда матери с отцом

не было дома, Ден написал им короткую записку, побросал свои вещи в спортивную сумку и направился на автовокзал. Ему хотелось исчезнуть максимально незаметно для посторонних глаз, а главное — чем быстрее, тем лучше, поэтому он здорово обрадовался, купив билет на готовый вот-вот отправится рейсовый автобус.

Только по прошествии четверти часа с начала его движения, когда за окном открылись виды залитых солнцем полей с убегающими к горизонту зелеными оградами лесополос, Денис

стал понемногу расслабляться. В заполненном менее, чем на треть салоне царил сонная атмосфера больничной палаты, отчего глаза парня начали слипаться. Однако плавное погружение в забытие прервал донесшийся откуда-то снизу неприятный лязг металла, после чего автобус резко замедлил ход и остановился на пыльной обочине. Водитель, чье лицо наполовину скрывали большие солнцезащитные очки, выбрался из кабины и какое-то время до озадаченных пассажиров доносился его приглушенный голос, раздраженная интонация которого свидетельствовала о неприятном телефонном разговоре. Возникшее у убегающего со своей малой родины студента нехорошее предчувствие оправдалось, когда появившийся в салоне шофер с прискорбным видом сообщил о серьезной поломке транспортного средства и попросил пассажиров без спешки пересесть в другое, которое, по его словам, было уже на подходе.

«Как же мне не везет в последнее время, — думал Ден, доставая с багажной полки свою спортивную сумку. — Похоже, напасти теперь преследуют меня повсюду, раз даже удрать из проклятого городка нормально не выходит! Чем же я заслужил такое наказание? Каким образом прогневал высшие силы, на покровительство которых безусловно полагался?».

Подошедший вскоре автобус был больше неисправного, однако с учетом новых пассажиров в нем оказалось совсем мало свободных мест. Денис заметил одно такое у окна и вежливо попросил сидящую возле прохода черноволосую девушку пропустить его к нему. Брюнетка привстала, убрав преграду в виде согнутых коленей, и пока он протискивался к пустующему креслу, их взгляды на мгновение встретились. «Надо обязательно, во что бы то ни стало завязать с ней разговор! Вот только какой найти повод? Как сходу привлечь внимание незнакомого человека? — всего пару минут спустя мысленно терзался Ден, уставившись в окно. — Такой шанс выпадает раз в жизни, поэтому я не имею права его упустить!». Он никогда не верил в байки про вспыхнувшие с первого взгляда чувства, считая их художественным преувеличением, придающим даже очень нудному сюжету налет романтизма. Однако самая что ни на есть реальная жизнь указала на ложность сложившегося убеждения, когда привела его в вышедший из другого населенного пункта автобус и столкнула лицом к лицу с той, без которой дальнейшее существование ему теперь казалось невозможным. В глубине души Дениса давно зрело мистическое предчувствие, что какая-то совершенно случайная встреча вмиг изменит его существование, заставит петь пока еще тихое сердце, а также поможет точнее определить жизненные приоритеты и расставить правильные акценты. Теперь же робко уткнувшись в окно из-за боязни вымолвить первое слово студенту оставалось лишь признать безошибочность этого внутреннего ощущения.

Желая смочить пересохшее от волнения и жары горло, он вспомнил о находящейся в его руке бутылочке минералки, которую успел купить на автовокзале перед посадкой. Однако, как только пальцы начали поворачивать крышку по часовой стрелке, теплая газированная вода вскипела и фонтанчиком вырвалась из горлышка, облив ему ноги, а также слегка обрызгав соседку. Осознав масштаб катастрофы, Ден вновь на секунду с горечью подумал о черной полосе невезения и даже успел пожалеть себя, после чего, потупив взор, проблеял дрожащим голосом:

— Извини, ради Бога. С этой дурацкой пересадкой совсем запарился.

— Да ладно, бывает, — откликнулась девушка и мягко улыбнулась. — В такую жару все быстро сохнет, а нам еще ехать и ехать.

Очаровательная улыбка ее сочных губ, а особенно слетевшее с них слово «нам» волшебным образом вдохнули красноречие в обычно скупого на слова юношу и как рукой сняли его скованность.

— Меня все равно встречать некому, даже в общаге я, похоже, буду единственным обитателем до начала занятий. Так что о своем внешнем виде могу не беспокоиться, — оживив-

шись, бодро произнес он. — А то, что путь неблизкий мне лично в кайф. Люблю дорогу, тем более в приятном обществе.

— Не «в кайф», как вы изволили выразиться, а по душе. Следует следить за своей речью и избегать жаргонизмов, когда находишься в приятном обществе студента-филолога. Проще говоря, фильтруй базар, попутчик, — повелительным тоном сказала черноволосая девушка и приснула в ладошку.

Моментально заразившийся ее веселым настроением Денис, тоже расхохотался просто так, за компанию. Способствующая непринужденному общению приподнятая атмосфера быстро сделала свое дело, и вскоре они уже болтали обо всем на свете, словно давние знакомые. Как выяснилось, брюнетку звали Кристина, училась она в том же городе на филологическом факультете университета, куда сам Ден хотел подавать документы после окончания школы, но передумал из-за высокого конкурса. Девушка тоже отдыхала на каникулах у родителей, но не выдержала провинциальной скуки и сбежала почти за месяц до начала учебы, чтобы провести август в большом городе.

Пребывая, что называется, на одной волне, молодые люди практически не заметили, как пролетело время в пути, а перед самым прощанием у дверей автовокзала обменялись телефонами и смеха ради клятвенно пообещали друг другу встретиться вновь. Прекрасно зная об обязательном присутствии доли правды в каждой шутке, Денис следующим же днем позвонил своей новой знакомой и предложил ей прогуляться по центральному парку, где летними вечерами всегда было особенно хорошо. Недолго думая, Кристина согласилась, сделав своим положительным ответом звонящего ей из опустевшей общаги студента самым счастливым человеком на свете.

В отличие от непринужденной дорожной беседы романтическое свидание было пропитано нежностью и оставило у обоих самые теплые впечатления. Потом они посещали концертные залы, выставки, плавали на прогулочном теплоходе вдоль живописных берегов, но чаще, взявшись за руки, просто бродили по улицам, открывая для себя ранее неизведанные уголки города. Неудивительно, что к началу занятий юноша с девушкой стали больше, чем добрыми друзьями.

Теперь влюбленному Дену, пребывающему на седьмом небе из-за ежедневного общения с обожаемой Кристиной, произошедшее месяц назад на пляже, разошедшийся по родному городку слух, вынужденный побег из него, поломка рейсового автобуса и даже вырвавшаяся из бутылки теплая минералка представлялись как нераспознаваемые до поры подарки судьбы. У студента второго курса практически исчезло ощущение постороннего взора, на смену которому пришла искренняя убежденность в безусловном благе каждого события его жизни, включая те, которые обычно воспринимаются как негативные. Юноша все более склонялся к мысли, что если бы человек смог увидеть всю панораму своего существования от начала и до самого конца, то вряд ли бы сдержал слез радости. Ведь, как выяснилось бы, Вселенная, Бог или Судьба — не важно какое словесное обозначение используют люди, любит его и буквально за руку ведет к подлинному благу через вереницу кажущихся случайностей в виде удач, испытаний, побед, поражений, приобретений и утрат. А поскольку Денис никогда не считал смерть концом бытия, как и рождение его началом, то прекращение существования человеческого тела в его понимании тоже случалось исключительно во благо, несмотря на совсем иное общепринятое мнение. Вспоминая иногда загадочный киносеанс, словно одно из своих ярких сновидений, Ден все чаще приходил к заключению, что королю Рианориксу у гибельной черты не доставало именно такого прозрения. Однако молодому человеку что-то подсказывало — монарх его все же обрел во второй половине фильма вслед за своим чудесным спасением из огненной западни по причудливым законам жанра фэнтези.

У самого Дениса с началом первого семестра все складывалось как нельзя лучше. После длительного отдыха он легко вошел в учебный ритм, чему немало способствовала его любимая

Кристина, считавшая высокую успеваемость при получении хорошей специальности необходимым условием их совместного счастья, тем более возможного брака. Вдобавок ко всему мать в телефонном разговоре взволнованно сообщила ему, что по городку разошлась молва о запоздалом признании нелюдимого паренька, который стоял в стороне от играющих ребят и своими глазами видел, кто на самом деле запустил мяч подальше от берега. Ден сдержанно воспринял эту новость, поскольку прекрасно осознавал зыбкую природу своего сегодняшнего везения. Повинуясь логике постоянного изменения, светлая полоса жизни в любой момент могла начать темнеть или даже мгновенно сделаться чернее самой беспросветной ночи. Но теперь одна только мысль о благе, кроющемся в каждой перемене, будет помогать юноше проходить сквозь любые испытания, какими бы суровыми они ни были.

Интерлюдия 4: «Запах гари в пустой комнате»

Писатель закашливается. Он кашляет так сильно, что на губах остается солоноватый вкус.

В комнате пахнет дымом. Не метафорическим «дымом вдохновения», а настоящей, едкой гарью от тлеющей проводки. Писатель вскакивает со стула, озирается. На секунду ему кажется, что за его спиной трещит витрина попкорн-бара, а люстра над головой качается от подземного толчка.

Он подходит к окну, открывает форточку. Ноябрьский холодный воздух врезается в лицо, но дым не уходит. Дым идет из самого текстового редактора.

«Все, что ни делается, — к лучшему», — шепчет он цитату из рассказа, и его лицо кривится в горькой усмешке.

Писатель понимает: Денис из четвертого рассказа искал кинотеатр и нашел фонтан в виде лебедя. Сам Писатель сейчас пытается найти границы своей комнаты, но они размываются. Кто-то смотрит на него. Тот самый «невидимый наблюдатель», которого так боялся и которому так подыгрывал Денис.

— Если я актер, то где мои зрители? — спрашивает Писатель в темноту.

Ответом ему служит приглушенный гомон из подъезда. Будто кто-то на последнем, девятом этаже, безуспешно пытается вызвать неработающий лифт. Ему нужны новые персонажи. Ему нужно вернуться в эпоху, когда все только начиналось — в лихие, бандитские, пьяные девяностые. Туда, где под капотом «шестерки» быются семьдесят лошадиных сил.

ГЛАВА 5

Девяностые годы сегодня принято вспоминать недобрым словом, что вряд ли по душе тем, чья цветущая молодость пришлась на последнее десятилетие прошлого века. Конечно, из-под обломков выстраиваемой в течение жизни трех поколений плановой экономики не мог в одночасье пробиться хорошо отлаженный механизм, способный сходу заменить партийно-хозяйственную вертикаль, и потому практически во все сферы жизни вместе с ветром перемен ворвался хаос — неизбежный спутники всякого радикального переустройства. Но жизнь продолжается даже в самые тяжелые времена, а у молодых людей она всегда бьет ключом, особенно, если снятые табу ушедшей эпохи предоставляют возможность, как тогда говорили, «крутиться» ради пополнения собственного кошелька. Не имеющим же предпринимательской жилки юношам и девушкам из семей с небольшим достатком приходилось довольствоваться малым, хотя зачастую именно они по иронии судьбы не давали своим прогоревшим приятелям-коммерсантам умереть голодной смертью. Безвременная кончина для мало-мальски заметных предпринимателей девяностых была вполне реальна, поскольку им поневоле приходилось иметь дело с почуявшими запах легких денег бандитами всех мастей: от матерых уголовников до бывших спортсменов. Распоясавшийся в бардаке того времени махровый криминалитет постоянно устраивал междоусобные кровавые разборки, а обложенные данью коммерсанты могли просто оказаться не в том месте не в то время или стать ритуальной жертвой для устрашения и большей сговорчивости не желающих делиться своими кровными с рэкетирами. При всем том основная масса людей жила далекими от криминальных конфликтов заботами и интересами, пытаясь адаптироваться к условиям нового времени и дыша одним на всех воздухом свободы, пьянящим после позднесоветской затхлости несмотря на массу свалившихся проблем. Но главным воодушевляющим фактором была серьезная надежда на скорые плоды рыночных реформ, мысль о безальтернативности которых умело вдалбливалась основными теле и радио каналами, призывающими стоически терпеть полное лишений настоящее ради неизбежного всеобщего процветания в обозримом будущем. Естественно, подобный сценарий выглядел заманчиво в первую очередь для активной молодежи и крепко стоящих на ногах людей среднего возраста, справедливо и в то же время наивно полагающих, что их благосостояние непременно должно выйти на уровень среднего класса ведущих стран Запада.

Сам я не считал себя особо активным человеком и вряд ли имел особые задатки предпринимателя, но зато в свои двадцать один уже имел «Жигули» шестой модели, что по тем временам считалось явлением редким и к тому же большим подспорьем для занятия коммерцией.

— Давай замутим, наконец, что-нибудь! Подари мне дед тачку, я быстро бы раскрутился, а не пахал за гроши на фабрике, — говаривал мой приятель Эдик, всегда завидовавший чужому успеху.

Ему, как и многим другим тогда, внешняя жизнь успешного торгаша, упакованного в модные шмотки, катающегося на новенькой «Ладе» и частенько заглядывающего в рестораны, казалась пределом мечтаний. Я сам, чего греха таить, считал примерно так же, да иначе и быть не могло, поскольку большинство из нас в юности неосознанно заимствуют бытующие среди сверстников взгляды на жизнь. К тому же желать материального процветания вполне естественно, когда ты молод, полон сил, привлекателен, и для полного счастья, очевидно, не достаёт лишь туго набитого хрустящими купюрами кошелька. Много позже во мне созрело понимание, что все необходимое для счастья я тогда уже имел, а по-настоящему испытывать его мешала как раз сама идея невозможности наслаждаться собственным существованием без реализации всех надуманных или, скорее, навязанных извне условий, сорной травой проросших в сознании.

В начале лета тысяча девятьсот девяносто четвертого года мне удалось устроиться приемщиком в салон ремонта бытовой техники, где занимались по преимуществу широко распространенными тогда видеомагнитофонами и плеерами. Заодно я стал ночным сторожем коммерческого магазина, или попросту «комка», делившего с салоном небольшое здание, в советское время принадлежавшее отделению связи. У торговой точки имелась вполне надежная сигнализация, но жажда наживы заставляла рачительного хозяина Георгия Федоровича продавать водку страждущим круглые сутки без соответствующего на то разрешения, для чего он и нанял двух сторожей за чисто символическую зарплату. Как следствие, мы со сменщиком Игорем, работая в статусе охранников по графику ночь через ночь, принялись после закрытия магазина и до самого утра через металлическую решетчатую дверь торговать из-под полы сорокоградусным пойлом с небольшой надбавкой, где присутствовал и наш интерес.

Поскольку элементарные обязанности в основном скучающего без дела приемщика, как и нелегальная продажа спиртного, не отнимали много сил у молодого организма, меня вполне хватало на шумные тусовки с подвыпившими друзьями. Именно тогда я основательно почувствовал кайф опьянения, без которого вскоре уже не мыслил проводить досуг, что в девяностые годы для многих считалось нормой существования, воспетой во многих популярных песнях и кинофильмах той поры. Мой розовый алкогольный период, когда горячительное приносило максимум удовольствия за ничтожную последующую плату в виде непродолжительной головной боли или легкой дурноты, как раз совпал со страстью к вождению недавно полученного в собственное распоряжение автомобиля. Вряд ли стоит пояснять опасность столь гремучего симбиоза, но мне, вечному шалопаю в душе, алкоголь казался лишь невинным способом поднять настроение, особенно по сравнению с распространившимися среди определенных групп молодежи тяжелыми наркотиками. К слову, именно в последнее десятилетие двадцатого века многим стали понятны сленговые слова «ханка», «винт», «шмаль», «ширка», «приход», в частном секторе и многоквартирных домах появились источающие запах химикатов наркопритоны, а под ногами все чаще обнаруживались шприцы и упаковки от лекарств. На этом фоне легально продававшаяся в коммерческих ресторанах, торговых центрах и обшарпанных ларьках водка только выигрывала, так как в худшем случае выглядела меньшим злом, но чаще просто традиционным крепким напитком.

Обычно я катался с друзьями по городу без особой на то причины, испытывая удовольствие от управления послушным автомобильчиком с более чем семью десятками лошадиных сил под капотом, благо бензин тогда еще стоил сравнительно дешево. Причем алкоголь продолжал оставаться неизменным атрибутом нашей компании, хотя поначалу мне хватало ума садиться за руль трезвым. Однако Зеленый змей умеет ждать, и однажды в раздражении из-за сущего пустяка прямо во время езды я позволил себе глотнуть пивка из дружески протянутой веселыми пассажирами бутылки под общие заверения, что знакомые гайцы в случае чего всегда вернут права. Как по мановению волшебной палочки, настроение быстро улучшилось, а не особо приемистый двигатель автомобиля стал казаться мощнее, отчего процесс вождения приносил удивительный кайф. С того вечера мой собственный запрет на пьяную езду оказался снят, тем более что за нее тогда грозило довольно мягкое по нынешним временам наказание.

Сегодня сложно представить, но обычные «Жигули» по тем временам считались признаком успеха, позволяя молодому человеку без труда заводить романтические знакомства, особенно с девицами, ищущими шумных развлечений за чужой счет. С одной из таких — стройной шатенкой без определенных занятий по имени Лида у нас сразу возникла взаимная симпатия, и вскоре свободное время мы стали посвящать друг другу в ущерб тусовкам в своих привычных компаниях. Нашим обычным местом встреч был дешевый кафетерий с лаконичным дизайном ушедшей эпохи, где ради самоокупаемости стали продавать спиртное на розлив. Типовые дерматиновые стулья, прямоугольные столы на металлических ножках, большие панорамные окна, декоративные панели с минималистичными узорами, потолочные

плафоны цвета топленого молока и неистребимый букет запахов советского общепита мгновенно создавали атмосферу моего не столь далекого детства, что плохо вязалось с разлитым по стаканам алкоголем и возникающими по вине сидящей напротив девицы непристойными мыслями. Лида налегала на спиртное наравне со мной, с виду оставаясь совершенно трезвой. Лишь то и дело касающаяся чувственных губ плотоядная ухмылка, а также озорной блеск глубоких выразительных глаз выдавали некоторую стадию опьянения и в то же время придавали ей привлекательность хищницы. Раньше или позже обоих удивительно синхронно накрывало состояние, при котором внутри кафетерия становилось тесно, после чего мы, взбудораженные горячительным, садились в припаркованную мною возле заведения шестерку и начинали кататься по городу в поисках приключений. Даже будучи нетрезвым, я все равно осознавал риски пьяного вождения, особенно в части возможного лишения водительского удостоверения, поэтому старался соблюдать правила, следуя в потоке машин и по возможности объезжая окольными путями облюбованные патрулями ДПС участки дорог. Иногда мы мчались за город, где на принадлежавших родителям Лиды четырех сотках стоял крошечный домишко с низеньким облезлым диваном внутри, чей деревянный скрип ритмичным аккомпанементом сопровождал наши любовные соития. Как же было романтично по их окончании устало выйти вдвоем из домика в багровые лучи заката, чтобы насладиться поистине трансцендентальным покоем удовлетворенной плоти и попрощаться до утра с жарким летним солнцем. В самом городе мы просто колесили по улицам под хиты Ace of Base, Dr. Alban, Army of Lovers, Roxette, Браво, Дюны и Сектора Газа, периодически останавливаясь у парков, скверов, магазинов, лотков с мороженым и бочек с квасом. Несмотря на мой категорический протест, Лиде каждый раз удавалось уговорить меня нанести неожиданный визит какой-нибудь из ее многочисленных подруг. Нагрянув к ним в обществе имеющего собственный автомобиль ухажера, она с поразительным артистизмом входила в образ дождавшейся своего принца золушки, между прочим сообщая за чашкой чая о том, что я якобы начинающий коммерсант. Столь беззастенчивая ложь, по всей видимости, приносила ей изощренное удовольствие, зато меня вводила в легкий ступор. «Что она мелет?» — раздраженно думал я, однако вслух не протестовал, а если требовалось, послушно кивал и поддакивал.

— На фига нужно было врать про начинающего коммерсанта? — в сердцах вырывалось у меня, как только мы покидали очередную гостеприимную квартиру.

— Пусть завидуют. Тем более ты приторговываешь водкой по ночам, а значит, я сказала почти правду, — раздавалось в ответ игривым тоном.

Конечно, слово «коммерсант» в то сложное время каждодневной борьбы за выживание являлось для многих синонимом материального благополучия, поэтому могло произвести впечатление на присматривающих себе выгодную партию девушек, однако притворяться ради этого тем, кем ты не являешься, так себе удовольствие. Хотя мой расторопный сменщик Игорек — ловкач и прожженный ловелас, несмотря на свою близорукость, малый рост и в целом заурядную внешность, охотно выдавал себя за совладельца магазина, который мы с ним сторожили от заката до рассвета. При помощи самодельной отмычки из жесткой проволоки он приноровился отпирать нехитрый замок в двери прокуренного служебного кабинета, где днем обитал настоящий хозяин торговой точки сорокапятилетний Георгий Федорович. Интерьера из канцелярского стола, кожаного кресла, металлического сейфа, толстого электронно-лучевого монитора неисправного компьютера и яркого календаря на одной из стен в кремовых обоях моему сменщику вполне хватало, чтобы пускать пыль в глаза. И хотя навещающие к нему по ночам легкомысленные девицы и без того рады были обманываться, Игорек любил для пушей убедительности раскинуться в кожаном кресле с дорогой сигаретой в зубах, демонстрируя всем своим вальяжным видом холодную надменность нового русского.

— У тебя крыша поехала! Такие понты плохо кончатся, причем для нас обоих! — высказывал я ему. — Да и ради чего весь этот цирк? Телки твои все равно потом узнают, что ты простой сторож.

— Разве я собираюсь на них жениться? Главное, зажигать сегодня, а потом будет потом. — философски отвечал он. — И не дрейф. Если даже спалюсь, то в свою смену, а значит, ты по-любому не при делах.

Несмотря на подобные легкие пикировки со сменщиком, мы с Лидой стали частенько заезжать в магазин теми ночами, когда он, если можно так выразиться, работал. От нас лишь требовалось прикинуться старыми друзьями Игорька и не срывать с него маску засидевшегося на своей работе хозяина, которую он напяливал на себя ради неизменно обнаруживающейся в магазине прелестницы. Добросовестно выполняя эти условия, мы отдыхали от разъездов по городу в подсобке торговой точки, где имелись кассетный магнитофон, электрическая плита, стол, стулья и даже старый диван. Знакомые мелодии попсовых треков вкупе с пропущенными рюмашками быстро спланивали нас в тесную компанию из четырех человек, где самые тупые шутки с анекдотами вызывали дружный гогот, и каждый стремился вставить свои пять копеек в словесный сумбур застольного разговора. Особенно меня забавляло, как «совладелец магазина» на глазах очередной своей пассии периодически бегал к решетчатой двери, чтобы продать бутылку «паленки» из стоявшего на полу ящика.

Во время одной такой ночной посиделки Игорек, улучив момент, шепотом попросил нас двоих ненадолго удалиться из подсобки с диваном, на котором он намеревался поближе узнать свою новую подругу Кристину — крашеную блондинку с аппетитными формами и обиженным выражением круглой мордашки. Снова ехать кататься по городу желание отсутствовало, а переступить порог открытого при помощи отмычки директорского кабинета лично я наотрез отказался, поэтому пришлось нам с Лидой волей-неволей переместиться в крошечную тьму прямоугольного торгового зала, чьи деревянные прилавки и зеркальные витрины заполнял обычный набор «комков» девятых из импортных шоколадных батончиков, сигарет, консервов, ликеров, лимонадов, жвачек, быстрорастворимых напитков, презервативов и видеокассет. Рыжий огонек зажигалки позволил нам пройти к дальнему углу, где мы расположились на предусмотрительно взятых с собой стульях. Слегка разбавленный льющимся из зарешеченного окна лунным светом безмолвный мрак большого помещения навевал оставшееся в детстве ощущение таинственной сказки. Однако стихийно возникшее в нас немое благоговение вскоре нарушилось доносящимися из подсобки звуками возни, которые постепенно сменились мерным поскрипыванием старого дивана. После вызванного им минутного смущения, я вдруг сам вспыхнул животной страстью к сидящей рядом Лиде. Причем плохо подходящее для интимной близости место, как уже случалось ранее, лишь сильнее заводило меня, будоража извращенное воображение откровенными сценами нашего спонтанного соития посреди торгового зала коммерческого магазина, где с утра до вечера не переводились потенциальные покупатели и просто любопытствующие ротозеи. Пытавшаяся вырваться из объятий своего внезапно рехнувшегося бойфренда Лида ко всему прочему пробудила во мне азарт хищника, но я, преодолев энергичное сопротивление, в итоге заставил ее наклониться к одному из прилавков, а сам пристроился сзади. Когда короткая джинсовая юбка была задрана к талии, а узкие черные трусики спущены до колен, мне оставалось лишь расстегнуть оттопырившуюся ширинку своих модных брюк бананов, однако последующий естественный ход вещей прервал вдруг возникший в подсобке оглушительный гомон на фоне беспорядочного топота ног и звука падающей на пол посуды. Повинуясь чувству самосохранения, вмиг перебившему другой основной инстинкт, я разом протрезвел, весь собрался и, вопреки стеснению в промежности, тотчас бросился на доносящийся в торговый зал шум, оставив ничего не понимающую Лиду стоять в интересной позе с белеющими во тьме ягодицами. Электрический свет подсобки на секунду ослепил мои успевшие адаптироваться к темноте зала глаза, после чего я увидел рукопашную

схватку на усеянном слетевшей с опрокинутого стола посудой вперемешку с закуской полу, где двое неизвестных типов пытались одолеть облаченного в семейные трусы Игорька. Прижав ладони к щекам, абсолютно голая и оттого особенно соблазнительная Кристина стояла в углу с испуганным видом, даже не пытаясь прикрыться вследствие моего появления. Мгновенно бросившись на помощь своему сменщику, я определенно ошеломил внезапно потерявших численное преимущество неизвестных, схватка с которыми продолжалась всего несколько секунд, после чего они оба как по команде вскочили на ноги и выбежали в распахнутую решетчатую дверь. Бессознательный импульс толкнул меня вслед за ними на крыльцо, но благодаря противодействию рассудка он быстро угас, и я лишь успел заметить три мелькнувших за угол дома силуэта, после чего спешно вернулся в магазин.

— Что это было!? — вырвалось у меня, когда Игорек защелкнул навесной замок решетчатой двери.

В ответ он с протяжным вздохом досадливо махнул рукой, будто в результате драки испытал глубочайшее разочарование всей своей жизни, отчего неясность ситуации только сгустилась. Тем временем в подсобке появилась растерянная Лида, видимо, озадаченная тем, что так брутально подготовивший ее к жесткому соитию насильник вдруг бросил уже смирившуюся со своей участью жертву. Испуганная же Кристина продолжала стоять в углу обнаженной скульптурой, только теперь одна ее рука прикрывала низ живота, а другая — пышный бюст, насколько это было возможно. Вскоре мой сменщик натянул штаны, затем неторопливо, словно малого ребенка, самолично одел свою пассиву в ее разбросанные по подсобке предметы одежды, после чего мы навели вокруг себя относительный порядок и вновь все четверо оказались за столом.

— Вот и верь теперь людям, — мрачно вымолвил Игорек, морщась от выпитой рюмки.

— Хорошо темнить! Объясни нормально, в чем дело! — вскипел я. — Зачем ты открыл этим отморожкам вопреки заведенному правилу? Они разве твои кенты?

По его косым взглядам на девушек было видно, насколько ему не хотелось откровенничать в их присутствии, но алкоголь вкупе с нашим общим напором все-таки развязали язык моему сменщику. Как выяснилось, всему виной оказалась кобелирующая натура Игорька, который не смог устоять перед искушением устроить «тройничок», обещанный одной из его многочисленных подружек по имени Настя. Когда мы с Лидой только-только привыкали к темноте торгового зала, эта девица заявила в магазин, пребывая в полной уверенности, что «совладелец» торговой точки будет рад принять ее у себя в кабинете. Однако мой сменщик уже находился в весьма приятном обществе, о чем напрямую сообщил Насте через решетчатую дверь. На удивление Игорька девица проявила поразительную настойчивость вместе с чудесами обольщения и в конце концов уговорила моего сменщика впустить ее под соблазнительные обещания сделать наступившую ночь поистине незабываемой.

— Я реально полагал, что нам втроем даже лучше будет, — ничтоже сумняшеся повторял Игорек, глядя на побагровевшую Кристину, чьи и без того большие глаза округлились до предела.

Однако стоило ему только снять навесной замок, как в подсобку ворвались двое парней, которые повалили «совладельца» торговой точки на пол с требованием отдать им всю имеющуюся в сейфе наличность.

— Ну как, поигрался в хозяина? — дослушав Игорька, сказал я. — Слава Богу, твою Настеньку вроде приманки использовали явные лохи. А вот если бы она навела настоящих отморожков, то наверняка завалили бы нас всех здесь ради пустого сейфа и твоих дешевых понтов.

Мои слова вовсе не были преувеличением, поскольку в ту пору бесконечных бандитских войн чрезмерная жестокость при совершении преступлений стала таким фирменным проявлением «крутизны», что неизбежно распространялось далеко за границы криминального мира. Однако к серьезному занятию коммерцией, а тем более рэкетом, я склонности не питал,

поэтому опасность для меня исходила прежде всего от пьяного вождения и спиртного в целом, поскольку в девяностые годы прошлого века даже приличные магазины не брезговали торговать контрафактным алкоголем неизвестного производства, чье употребление напоминало игру в русскую рулетку, неся серьезные риски как для здоровья, так и самой жизни. Доиграться мне пришлось несколько позже, уже накануне миллениума. Точнее, даже не самому мне, но от этого факта делалось только хуже, особенно поначалу.

Тогда, в тысяча девятьсот девяносто девятом году, всерьез и надолго поссорившись с Лидой, я по мере возможности заполнял образовавшуюся пустоту случайными связями — суррогатом подлинных отношений двух тонко чувствующих друг друга сердец. Как следствие, спонтанно завязывающиеся знакомства не имели уже привычной для меня глубины чувств, а потому все сводилось к примитивной развлекухе, обязательной выпивке и сексу, насколько, конечно, он был возможен с моей стороны после лошадиных доз горячительного. Подобным образом я проводил время, сойдясь с жизнерадостной Светланой — рано овдовевшей женщиной порядком старше себя, также начавшей с определенных пор крепко поддавать и всегда готовой принять шумную компанию в собственной квартире. После одной из таких гулянок, когда пепельница переполнилась окурками, все бутылки оказались опорожнены, доверительные разговоры исчерпаны, взаимные претензии многократно озвучены и пьяные гости наконец убрались восвояси на своих неверных ногах, мы вырубили уставший крутить одну и ту же кассету с популярными хитами магнитофон и потом долго кувыркались в ее теплой постели. Тогда, как сейчас помню, Света исходила какой-то особенной, ненасытной страстью, будто торопилась напоследок в полной мере ощутить себя живой через пылкую лихорадку соития. Основательно меня измучив, она первым делом пошла в ванную, а вернувшись, достала прятанную в серванте бутылку с наполовину отклеившейся этикеткой.

— Садись к столу, — коротко бросила Света, разливая по рюмкам.

— Нету сил подняться, — оставаясь в горизонтальном положении, шутливо вымолвил я и сквозь зевоту лениво поинтересовался: — Сколько же у тебя дома заначек?

Вместо ответа она молча поднесла к кровати маринованный корнишон на блюдечке и наполненную до краев рюмку, которую мне оставалось привычно влить в себя. Хрустящий маринад с трудом перебил тошнотворный вкус на редкость вонючего пойла, после чего под воздействием очередного глотка спиртного я стал проваливаться в тяжелый сон. Видимо, не желая мне мешать, Светлана пошла в другую комнату, где имела обыкновение часами болтать с подругами по находящемуся там стационарному телефонному аппарату из ярко красного пластика. Уже глубоко за полночь она легла рядом, прижавшись ко мне всем телом и обняв одной рукой, что на пару минут прервало мое тяжелое забытие. Остаток той ночи я провел в плену страшных сновидений о похоронах, гробах и кладбищах, где мистическим образом довлело трагическое предчувствие беды, каковое редко переживается наяву. Когда первые рассветные лучи слегка рассеяли мрак комнаты, я вдруг резко проснулся от будто ударившей по ушам оглушающей тишины, сразу ощутив неестественно холодную тяжесть лежащей на моей груди руки. От страшной догадки я мгновенно сел на кровати и машинально положил на спину прижавшееся ко мне тело. Оно оказалось холодным, бездыханным и уже начало коченеть, отчего его согнутые в локтях руки, а также скрещенные чуть поджатые ноги не изменили своего положения, что пугающе напоминало виниловую куклу в человеческий рост. Веки Светланы были опущены, а застывший между зубами бурый кончик языка и пенообразная слюна вокруг губ и на подбородке до неузнаваемости обезобразили посеревшее лицо, к которому я с наслаждением прижимался во время нашей близости накануне вечером. Осознание случившегося несчастья заставило меня как в тумане слезть с кровати, после чего вызвать скорую из другой комнаты, по ходу дела быстро одеваясь и приводя себя в порядок, насколько это было возможно в моем состоянии шока и жуткого похмелья одновременно. Приехавшая вскоре бригада медиков констатировала смерть Светы, причем врач, только взглянув на тело в кровати, заявил:

— Здесь нужны не мы, а милиция.

Участковый Рамиль Асхатович — грузный наодеколоненный мужчина с пышными усами, широкими скулами и сверлящим взглядом появился примерно полчаса спустя.

— Может, ты просто не помнишь, как задушил свою сожительницу по пьяни? — осмотревшись, устало заявил он и тихо добавил: — Не нравятся мне пятнышки на ее шее.

Я, конечно, понимал, что это часто практикуемое ментами психологическое давление, но все равно не мог ручаться за себя на все сто процентов, поскольку много раз становился свидетелем дичайших поступков нетрезвых людей, о которых они, протрезвев, напрочь забывали. На столе среди тарелок, рюмок, блюдец и стаканов возвышалась полупустая бутылка с наполовину отклеившейся этикеткой, и уже тогда мне подумалось: беда прошла бы мимо, не достань ее Света накануне вечером из серванта, когда мы и без того были буквально про-спиртованны после пьяного застолья. Последующие вскрытие и экспертиза подтвердили эту мою догадку, показав, что причиной смерти женщины явилось алкогольное отравление. Выяснилась и еще одна деталь — Светлана умерла задолго до утра, а значит она уже бездыханная продолжала лежать в обнимку со мной не менее четырех часов.

Но все это случилось много позже того памятного лета девяносто четвертого, когда алкоголь казался лишь удачно подобранной специей, усиливающей вкус жизненного драйва, несмотря на постоянно связанные с ним проблемы самого разного калибра.

Одной из таких явилось мое давно назревшее столкновение со стражами правопорядка ввиду нетрезвого вождения автомобиля. Как-то душным июльским вечером Лида уговорила меня покатать вместе с нами ее изнывающую от томительной скуки подругу Вику, которая в свою очередь своевольно прихватила с собой младшую сестру Наташу примерно шестнадцати лет от роду. Отказывать девушкам я тогда не умел, да и, признаться, не особо хотел под эйфорией от винных паров, а потому послушной «шестерке» пришлось умчать нашу веселую компашку в лабиринт темных улиц навстречу приключениям. Перекрикивая зажигательные треки из нового альбома Сектора Газа, мы молили всякий вздор, то и дело пуская по кругу купленную Викой по дороге бутылку вермута, чей сладковато-горький пряный вкус перебивался смешавшимися на горлышке помадами, что добавляло мне скрытого удовольствия быть в окружении порядком раскрепощенных прелестниц. Около часа спустя казавшаяся самой трезвой из нас Наташа, видимо, здорово заведясь от дорожного драйва, вдруг приподнялась с заднего сиденья и, подавшись вперед, сначала поигралась с кнопками магнитолы, после чего положила протянутые руки на руль, как бы в шутку помогая мне вести машину. Потерпев ради приличия пару минут опасное баловство малолетней проказницы, я, взглянув на ее сияющую от куража мордашку в зеркале заднего вида, локтем правой руки с силой попытался оттолкнуть от себя обнаглевшую пассажирку, ощутив при этом большую упругую грудь.

— Хорош, сядь на место! — вырвалось у меня с неподдельным раздражением.

— Да ладно тебе, я тоже хочу порулить! — огрызнулась она, не собираясь убирать свои наманикюренные грабли с рулевого колеса.

Под общий хохот в салоне между нами началось нечто вроде легкой потасовки, и когда я уже собирался остановиться, по встречной полосе проехала милицейская легковушка, которая сразу же развернулась и с оглушающим воем сирены обогнала нас. «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал», — останавливаясь, вспомнил я известную фразу, а вслух сказал:

— Все, допрыгались.

Впереди на обочине в свете фар, блестя кокардой фуражки, уже стояла грозная фигура стража порядка с черно-белым жезлом в вытянутой руке. Мне оставалось только вынуть из кармашка солнцезащитного козырька техпаспорт вместе с водительским удостоверением и обреченно выбраться из разом притихшего салона автомобиля.

— Вы что-нибудь сегодня принимали? — поинтересовался не соизволивший представиться по форме молодой сержант ППС, внимательно изучая выпученными глазами то мои документы, то меня самого.

— Нет, — стараясь не дышать в сторону милиционера, машинально соврал я в иллюзорной надежде выйти сухим из воды.

— Пройдемте в машину, — наконец предложил он.

— Зачем? — успел спросить я, но затем послушно последовал вслед за тем, у кого находились мои документы в выдающую виды «пятерку» с синей полосой по бортам и проблесковыми маячками на крыше.

В машине ППС на водительском месте находился еще один сотрудник не старше тридцати лет, который постоянно молчал, лишь изредка бросая взгляд через салонное зеркало на задние сиденья, где мы расположились. Сержант сразу заговорил развязано, чуть ли не по фене, резко перейдя на «ты»:

— Я же вижу, что ты бухой. От тебя за километр фонит. Мы ведь думали, у тебя руль на ходу вырывают, а ты со своими телками резвишься. Сейчас их высаживаем, потом гоним машину на штрафстоянку...

— Не может от меня пахнуть! — зачем-то стал отпираться я.

Вместо ответа сержант достал из кармана чехла переднего сиденья черный пенал со стеклянными запаянными трубками контроля трезвости, обломал концы одной из них о специальную металлическую пластину, и, поднеся ее к моему рту, коротко скомандовал:

— Дуй!

В те постсоветские времена еще не привыкли особенно пекся о своих правах, к тому же я сам отрезал пути к отступлению, начав строить из себя завязатого трезвенника, вследствие чего с показным усердием сделал так, как было сказано. Само собой разумеется, оранжевый тампон в трубке тут же поменял цвет на зеленый, что свидетельствовало исключительно против меня.

— Мужики, давайте договоримся... Не могу терять права... Без тачки, как без рук, — залепетал я в возникшей внутри ментовской «пятерки» тишине.

Сослуживцы упорно молчали, замерев на своих местах с каменными лицами, будто их поставили на паузу волшебным пультом.

— Двадцать пять тысяч есть на кармане! — вырвалось у меня уже без обиняков из-за ощущения собственного бессилия.

— Нужно вдвое больше, — спокойно промолвил сержант, нарушив, наконец, гнетущую тишину и еще более удручающую неопределенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.